

Розмини А. О пяти язвах Святой Церкви

ОГЛАВЛЕНИЕ

Н. Ладариа. На грани богословия и истории
Обзор жизни и деятельности Антонио Розмини Сербати
«О пяти язвах святой Церкви» — история, утопия, пророчество.

Некоторые предварительные замечания, необходимые для
прочтения

Глава I. О язве на левой руке святой Церкви, которая есть
отделение народа от духовенства во время всеобщего
богослужения

Глава II. О язве на правой руке святой Церкви, которая есть
недостаточное образование духовенства.

Глава III. О язве на ребрах святой Церкви, которая есть
разобщенность епископов

Глава IV. О язве на правой ноге святой Церкви, которая есть
назначение епископов, захваченное светской властью

Глава V. О язве на левой ноге: порабощение церковного
имущества

Именной указатель

Антонио Розмини Сербати

О ПЯТИ ЯЗВАХ СВЯТОЙ ЦЕРКВИ

Трактат, обращенный к католическому духовенству

Перевод с итальянского, вступительная статья и комментарии Н. Ладариа

Издательство Бакур Сулакаури, Тбилиси 1999

На грани богословия и истории

Qu'une philosophie superficielle fasse tout le bruit qu'elle voudra a propos de guerres de religion, des buchers allumes par l'intolerance; pour nous ne pouvons qu'envier le sort des peuples qui, dans ce choc des opinions, dans ces conflits sanglants pour la cause de la verite, se sont fait un monde d'idees dont il nous est impossible de nous faire seulement une image, encore moins de nous y transporter de corps et d'ame, comme nous en avons la pretention.

P. Tchaadaev, "Lettres philosophiques adreeses a une dame", I.

Трактат «О пяти язвах Святой Церкви» — не самое главное, хотя, пожалуй, самое известное произведение итальянского философа первой половины XIX века Антонио Розмини Сербати. На Западе эта известность, среди прочего, обусловлена тем обстоятельством, что на страницах этого сочинения автор впервые четко и недвусмысленно выразил множество неразрешенных противоречий церковной жизни, которые стали во главе угла на Втором ватиканском соборе Римской Католической Церкви, созванном в 1962 году. Запоздалая реакция на трудности часто пыталась оправдаться посредством возведения своевременных предупреждений в степень гениальных пророчеств. Однако признание текста пророчеством вызывает побочную мысль об его исполненности, превращая весь текст в нечто между объектом поклонения и историческим свидетельством. Таким образом, внимание читателя отвлекается от тех вопросов, которые и ныне не потеряли своей остроты.

По эту сторону «железного занавеса» ситуация была существенно аналогичной, хотя и диаметрально противоположной: внимание заострялось на резко критическом элементе, который содержится в книге. Даже самые короткие заметки на русском языке, посвященные практически неизвестному у нас итальянскому философу, которые могли, а во многих случаях по причине идеологических соображений должны были обойти молчаньем его основные метафизические произведения, обязательно упоминали об этом небольшом трактате, быть может, благодаря тому, что тот более ста лет значился в папском индексе запрещенных книг, получив, таким образом, пропуск в советские справочники.

Сочинение это, уже переведенное на многие языки и ставшее объектом не одного исторического изыскания, все еще привлекает пристальное внимание исследователей, о чем свидетельствует обширная библиография, начавшая свое развитие с 1966 года, когда книга впервые была разрешена к изданию со стороны церковного авторитета. Книга Розмини содержит в себе немало формальных поводов для пополнения списка научных публикаций: она изобилует патристическими ссылками, историческими реминисценциями, в ней не только с особой ясностью проявляются особенности мировоззрения автора, но и его отношение к внешнему миру и, в частности, к европейской политической ситуации, которая в первой трети XIX столетия была чревата и даже терзалась в муках, порождая всю ту систему понятий, которые составляют основу современного нам общественного бытия.

Обзор жизни и деятельности Антонио Розмини Сербати

Первые годы

Антонио Розмини Сербати родился 24 марта 1797 года в небольшом городке Роверето на севере Италии недалеко от города Тренто, где проходил знаменитый Тридентский собор Католической Церкви, положивший начало контрреформации. В своих знаменитых воспоминаниях о философе его личный друг Никколо Томмазо, видный итальянский поэт и филолог XIX века, называет этот городок «очень итальянским». Это неуклюжее словосочетание, конечно же, не совсем полно передает смысл прилагательного, которое, несомненно, будет понятно и незнакомому с языком читателю: «италианиссимо». Суждение более чем условное, ибо даже в наши дни типичный житель автономной области Трентино вполне представим на фоне портрета

австрийского императора Франца Иосифа, а термином «Италия» он пользуется лишь для того, чтобы посетовать на остальную часть полуострова. Во времена жизни Розмини понятие Италии трагически описывалось фразой австрийского канцлера Меттерниха, циничный смысл которой стыдливо укрывался под изяществом французского языка: *Italie c'est un nom géographique*. Страна состояла из нескольких государств, число и расположение которых с конца XVIII века довольно часто менялось, ибо провозглашавшиеся по обе стороны Апеннинского хребта республики вскоре распадались и исчезали, уступая место новым столь же эфемерным образованиям.

Эта сложная жизненная ситуация, как она описана в обычных учебниках по итальянской [истории](#), весьма затрудняет целостное осмысление происходившего.

Отец мыслителя, Пьер Модесто, был патрицием Священной Римской империи, мать же, Джованна, урожденная графиня Форменти, была родом из города Биачезы, расположенного на берегу озера Гарда.

Фамилия Розмини происходит из окрестностей Бергамо: там в долине Бремана проживал некто Арезмино — именно он дал звучание самой фамилии, а в XV веке, когда власть Венецианской республики распространялась на Роверето, был назначен констеблем этого города, где и остался жить. Из рода Розмини в последующие столетия вышли смелые воины и предприимчивые производители шелковых тканей. В середине XVIII века они, возможно, представляли собой наиболее видную часть городского населения. Фамилия же Сербати досталась философу от Джаннантионио, деда с отцовской стороны, мать которого получила наследство с условием передавать свою фамилию потомкам. Такая традиция, сложившаяся в Европе за времена абсолютизма и представлявшая собой юридическое воплощение привилегий благородного сословия, предусматривала право завещателя передавать свое имущество определенным лицам. Детство философа во всех его биографиях характеризуется, как спокойное и счастливое, хотя отмечается некоторая замкнутость провинциальной среды, пусть даже не лишенной некоторых патриархальных достоинств. Как и следовало ожидать, особо отмечается значение, которое имело для будущего мыслителя общение с матерью. Повзрослев, Розмини сможет сказать, что полное, сильное и радостное наслаждение от телесной жизни, которое он ощущал до двадцатилетнего возраста, могло бы послужить для представления жизни, проведенной Адамом в Эдемском саду.

Культурные влияния в своей семье будущий философ испытывал, главным образом, благодаря стараниям дяди Амброджо, старшего брата отца, любителя изящных искусств и способного дилетанта в области живописи и архитектуры; что же касается самого города Роверето, в этом смысле следует отметить древнюю Академию наук и искусств Аджати, основанную на традициях местной аристократии.

К первым урокам в городских школах прибавляется необыкновенное и напряженное самообразование, сравнимое с неустанными занятиями его ровесника Джакомо Леопарди. Есть однако одно различие: великий итальянский поэт, росший в удушливой атмосфере семьи со старорежимными традициями, вспоминает свою учебу как «безумную и отчаянную», будущий философ же стремится к знаниям в атмосфере спокойствия и любви со стороны окружающих. Особенный интерес и склонность юный ученик проявляет к философии, о чем он сам свидетельствует на одной из ярких страниц «Авторских исследований»: «в отрочестве наш разум с обычной для юных дерзновенностью вошел в глубину философских вопросов... С почти высокомерной уверенностью мы днем и ночью бродили, как по тропинкам какого-то сада, посреди широкого поля философских проблем и не отступали ни перед какой трудностью». Так подтверждается с самой юности наличие стремления к метафизике.

«Этот год был для меня благодатным: Бог открыл мне глаза на многие вещи, и я узнал, что не было иного знания, кроме как в Боге». Эта дневниковая запись, сделанная в 1813 году указывает на священническое призвание, которому в начале сильно воспротивились родители. Эти же слова подтверждают и наличие другой глубокой черты его духа — аскетической устремленности. С 1814 года под руководством священника Пьетро Орси Розмини начинает домашние занятия философией и математикой. Именно в этот период пробудился интерес и желание постичь глубину мысли Фомы Аквинского. Занятия, впрочем, продвигаются под явным знаком философии Канта, чья слава дошла и до замкнутого мирка города Роверето. Учебником, которым руководствовался молодой мыслитель, была книга австрийского профессора Ф. С. Карпе «*Institutiones Philosophiae dogmaticae perpetua disciplinae kantianaе ratione habitae*», вышедшая в 1804 году в Вене. Своему учителю Пьетро Орси Розмини посвятит впоследствии свой главный труд по теории познания «Новый опыт о происхождении идей».

Учеба в университете и священный сан.

После первых лет обучения в Роверето, в 1816 году Розмини направляется в Университет города Падуи, и записывается на теологический факультет, посвящая себя, однако, и другим отраслям науки, повинувшись энциклопедическому характеру своего таланта, свойственному многим итальянцам.

Этот год вполне можно считать за начало романтизма в Италии, ибо именно тогда вышло в свет знаменитое письмо госпожи Де Сталь, в котором она призывала итальянцев к созданию романтических произведений и к переводу их с других языков. Итальянский романтизм, хотя и характеризуется подобно любому другому интересом к прошлому, все же отличается тем, что по причине особенностей исторического развития страны в его среде так и не прижилась антагонистическая настроенность к рационализму эпохи Просвещения. Скорее ощущалась тенденция переосмыслить и углубить его. Именно такое отношение к французскому Просвещению, в котором открытое неприятие радикализма в вопросах религиозной веры сочетается с восторженным поклонением силе человеческого разума, будет сквозить во всем творческом наследии Антонио Розмини.

В период своих университетских занятий Розмини задумал широчайшие труды по истории, филологии, метафизике и литературе, от которых сохранились схемы, наброски и заметки. Вместе с этим проявляется и третья характерная черта его духа: стремление к организаторству в общественной деятельности. Действительно, в 1819 году Розмини с жаром проектирует и основывает *Общество друзей*, призванное постепенно расширяться по всей Италии, с намерением нравственного, религиозного и культурного обновления, посредством применения всех наиболее современных средств, в первую очередь, печати и научных учреждений. Организация общества учитывала предписания Католической Церкви и возможные препятствия, которые могли последовать со стороны правительства, от которого ожидалась полицейская подозрительность. Попытка основать Общество, согласно общепринятому мнению, окончилась неудачей.

В Падуанском университете Розмини знакомится с Никколо Томмазео, с которым устанавливает крепкую но до конца полную противоречий дружбу. Томмазео, впрочем, всегда признавал нравственное преимущество друга: «Его чистая душа проникала в мою мутную, и мы понимали друг друга без слов. Однажды, совершенно неожиданно, он мне сказал с чуткой лаской: “durum est tibi contra stimulum calcitrare”. Я действительно испытал это... Почтеннейший человек, почти столп света на моем пути», — так писал он позднее.

Постепенно в мыслях Розмини зреет намерение посвятить себя пастырскому служению. Если бросить поверхностный взгляд на биографию философа, можно заметить, что застой во внешней общественной жизни и периоды политической реакции совпадают с особым оживлением его духовной деятельности. Когда же в миру наблюдалось пробуждение демократических стремлений, Розмини с воодушевлением выражал себя на поприще политической борьбы. В разгар Реставрации, когда по словам Стендаля любой мало-мальски образованный человек примыкал к оппозиции, Церковь оставалась единственным местом, где неудержимая активность итальянского мыслителя могла находить непрерывную и верную возможность к самоосуществлению. Как это ни парадоксально, в те годы всеобщего омертвления и безнадежности именно со стороны Церкви впервые повеял ветер перемен в виде нарождающегося либерального католицизма. Этому ветру поверил даже Леопарди — страстный аполог окончательной смерти, единственного лекарства от скуки. Вопреки распространенному у нас в течение долгого времени мнению, необходима была твердая вера в бессмертие души и небесное вознаграждение, чтобы находить хоть какую-то ценность в стремлении установить счастье на земле.

21 апреля 1821 года Розмини принял духовный сан. Так начался период сосредоточения и самоуглубления, состоящий из молитвы и учебы, в Роверето, который длился до 1826 года. Подобная душевная настроенность не мешала ему разумно распорядиться значительным наследством, оставшимся от отца. Розмини не только много читает, но и пишет. Основным предметом его студий становится политика. К этому времени относится и замысел так называемой «Христианской энциклопедии», которая должна была стать противовесом наследию французских просветителей. От замысла осталось множество неоконченных или недоработанных статей и заметок, но к скольнибудь значительному результату эти попытки так и не привели.

24 сентября 1823 года происходит весьма значительное в жизни Розмини событие. Он произносит в церкви св. Марка в Роверето хвалебную речь на память папы Пия VII.

Впоследствии это устное выступление было переработано автором и опубликовано под заглавием «Панегирик в честь Пия VII». Этот текст является первым вышедшим в свет политическим опытом Розмини: именно он послужил поводом для того, что в течение всей жизни философа австрийские власти считали его тайным карбонарием. Это взаимное недоверие между философом и Австрией достигло высшей точки и взорвалось в 1848 году.

Но задолго до этого, в 1825 году, Розмини составляет план новой религиозной конгрегации. Основание Института Христианской любви оказалось гораздо более удачным, чем судьба его светского предшественника — «Сообщества друзей» — не сумевшего продвинуться дальше студенческих мечтаний.

Период изысканий в области политики и религиозное призвание

Неприятный интерес со стороны австрийской полиции вынудил молодого священника оставить родные места. В феврале 1826 года Розмини поселяется в Милане, где достаточно быстро знакомится со многими людьми и приобретает множество друзей среди аристократических и ученых кругов, а также духовенства. Никколо Томмазо знакомит его с выдающимся итальянским писателем Алессандро Мандзони, автором известного романа «Обрученные». Дружба этих двух великих персонажей итальянской истории продлится до смерти философа. Поэт и писатель на протяжении своего долгого творческого пути никогда не скупился на самые добрые отзывы в адрес мыслителя. В 1850 году он даже написал диалог философского характера «О вымысле», в котором ясно прослеживается влияние идей Розмини, соединенное с великим художественным даром писателя.

Другое весьма важное и полное благотворных последствий знакомство было с графом Джакомо Меллерио, губернатором Милана, в доме которого в 1827 году Розмини сошелся и с лотарингским священником Жаном Батистом Лёвенбруком. Энтузиазм последнего помог Розмини вполне утвердиться в своем замысле основать новое религиозное общество.

Осуществление замысла было назначено на февраль 1828 года, а местом был избран город Домодоссоло на границе со Швейцарией. Кроме наличия уединенного места и подходящего здания монастырского типа на лесистой горе Кальварио, не последнюю роль в этом выборе сыграло то обстоятельство, что именно оттуда был родом граф Меллерио.

В миланский период жизни Розмини формируются три основных направления его философской деятельности: метафизика, существование и развитие социума, религиозная жизнь человека. Именно здесь у мыслителя возникает идея, что для осуществления политических сдвигов в обществе необходимо произвести реформу философского мышления, как это следует из логического примата теории над практикой.

Здесь же проявляются глубинные черты религиозного призвания философа, которые состоят в основании аскетике, которая была бы принципиально новой для тогдашней католической среды. Речь идет об углублении понятия христианской любви. Именно оно фигурирует и в названии будущей конгрегации. Это углубление наиболее ясно выражено основателем в его максиме «Безразличия», понятого как универсальная расположенность человеческой души к любому благу деянию, независимо от личных субъективных причин, какими бы они ни были благородными и обоснованными. Напротив, требовался сознательный отказ от подобных мотивов, а за единственный критерий благого деяния принимались указание Провидения и воля Божья. Именно эта максима христианского совершенствования и была применена к Правилам нового учреждения, главным принципом действия которого является поиск провиденциальных указаний, дающихся человеку обычным и необычным путем. За обычный способ проявления Божьей воли принимается запрос со стороны нуждающегося. В этом смысле можно сказать, что Институт христианской любви, основанный Розмини, не развертывает благотворительную деятельность по собственной инициативе и в каком-то определенном направлении, но остается, так сказать, в резерве и ожидает внешнего призыва к помощи.

Вполне возможно, что подобный метод был продиктован той двусмысленностью, с которой связано существование различных религиозных обществ, жестко ориентированных на конкретный вид благотворительности, когда их деятельность перестает зависеть от непосредственной нужды, а обусловлена множеством внешних факторов, главным из которых является стремление к увеличению влияния и богатства самой конгрегации. Подобные обстоятельства давали о себе знать за всю эпоху Абсолютизма и особенно остро проявлялись еще во время Реставрации.

Институт христианской любви был основан 20 февраля 1828 года в первый день Великого поста.

На вершине политической деятельности и философского творчества.

С ноября 1828 года Розмини переезжает в Рим. Необходимо было получить подтверждение Святого Престола на создание Института христианской любви и опубликовать первый большой философский труд «Новый очерк о происхождении идей». Оба намерения Розмини встречают всеобщее одобрение, в особенности же направление его философской деятельности. Папа Пий VIII во время аудиенции 15 мая 1829 года был с мыслителем особенно откровенен, заявив ему, что его основное призвание состоит в писании книг и продвигаться по стезе любомудрия. Возможно, папа настаивал на этом пункте, как на самом безопасном с политической точки зрения. Тем не менее, с этим высочайшим благословением, подтвержденным позднее и папой Григорием XVI, философская работа для Розмини из инстинктивной потребности превращается в долг.

В 1830 году вышли в свет два весьма важных произведения: «Максимы христианского совершенства» — фундаментальный текст розминиевской аскетики — и «Новый очерк о происхождении идей» — фундаментальный текст его философии. Нужно отметить одно существенное свойство деятельности, а следовательно и наследия Антонио Розмини: несмотря на слитность и унитарность его метафизической системы, она не разрабатывалась автором последовательно и методично. Публикации появлялись время от времени в зависимости от исторических и политических обстоятельств, по причине которых Розмини считал важным ответить на тот или иной вопрос, или прояснить ту или иную проблему его системы. «Новый очерк» был назван автором «идеологическим сочинением», ибо в нем заново рассматривался вопрос, составивший в свое время предмет полемики между Локком и Лейбницем.

Итальянские патриоты с восторгом встретили книгу, которая до наших дней служит поводом для признания существования итальянского идеализма, который так или иначе может уравновесить влияние немецкого. Однако иезуиты, а в особенности генерал ордена отец Ротхаан, дали понять, что предпочли бы если направленность книги была бы более религиозного и апологетического характера.

Конечно же, философ не мог избежать препятствий, которые с необходимостью стали бы ему чинить сотоварищи Общества Иисусова. Именно поэтому в сочинениях Розмини то и дело встречаются совершенно излишние хвалебные фразы в адрес ордена иезуитов, или его отдельных членов.

В начале мая 1830 года Розмини возвращается из Рима в Домодоссолу и начинает писать «Принципы нравственной науки», первое приложение «Нового очерка», вышедшее на следующий год в Милане. Следующее за 1830 годом десятилетие очень плодотворно: Розмини основывает женскую религиозную конгрегацию Сестер Провидения, члены которой должны исполнять свое призвание в качестве воспитательниц в приютах, начальных школах и коллегиях; основана миссия отцов розминянцев в Англии под началом ученика философа Луиджи Джентили, а также подобные миссии в Савойе и Тренто. В 1834 году Розмини назначен архипастырем (протопресвитером) города Тренто. Однако вскоре после этого служебное продвижение философа прекратилось стараниями австрийских властей. В 1836 году он был вынужден оставить Трентино. Несколькокими годами позже, в 1849 году, Вена распустила и другое начинание розминянцев: приход Сан Дзено в Вероне. Этот город был расположен на границе зоны австрийского влияния в Италии, поэтому любое проявление вольнодумства искоренялось особенно тщательно.

Несмотря на трудности, Розмини за этот период, кроме трактата «О пяти язвах Святой Церкви», успевае написать большой, хотя и неоконченный труд «Сверхъестественная антропология», увидевший свет лишь после смерти автора.

После 1836 года убежищем Розмини служит государство Сардиния, король которого Карл Альберт покровительствовал ему. Следующее за этим десятилетие отмечено внутренне противоречивым знамением активной общественной деятельности и живого философского творчества. За 1837-1846 годы Розмини основывает Классический колледж в Домодоссоле, начальные школы, Сообщество приходских миссионеров для народа и, наконец, медицинский колледж Сан Рафаэле. Это последнее обстоятельство свидетельствует об интересе Розмини к медицинской науке, который виден и в последней части его «Психологии».

Среди философских работ этого десятилетия заслуживают упоминания: «История моральных систем» (1837), «О суммарной причине, в силу которой сохраняются или разрушаются человеческие сообщества» (1837), «Общество и его цель» (1839), «Антропология на службе нравственной науки» (1838), «Трактат о нравственном сознании» (1839), «Понятия греха и

вины» (1841), «Философия права» (1841-45), «Опыт о статистике» (1840), «Теодицея» (1845), «Психология» (1845-50), «Винченцо Джоберти и пантеизм» (1846), «Компендиум этики» (1847), «Историко-критический опыт о категориях и диалектике» (1846).

Розмини больше не занимает локковский сенсуализм, его основной целью становится немецкий идеализм в лице Фихте, Шеллинга, Гегеля. Вместе с тем необходимо противостоять нарождающемуся научному позитивизму, который еще восторжествует во второй половине XIX века. Его основным намерением было примирить идеализм с реализмом для служения нравственному совершенству человека, найти философию, которая интегрировалась бы с самой жизнью. В религиозной сфере он предлагает пересмотр догматической и нравственной теории, чтобы воспользоваться обновленными благородными традициями схоластики, она получила развитие достойное новых времен.

Именно на этом поприще пришлось Розмини встретить наиболее жестокое сопротивление. В 1841 году Винченцо Джоберти опубликовал первый том своего сочинения «О философских заблуждениях Антонио Розмини», на который ответили ученики последнего. Сам же философ гораздо более был озабочен критическим сочинением против его «Трактата о нравственном сознании», которое вначале распространялась почти тайно подписанное псевдонимом Евсевий христианин. Вскоре стало известно, что автором книжки была группа иезуитов. Исследователи, принадлежащие ордену, признают этот факт, отрицая, однако, поддержку со стороны генерала ордена Ротхаана. Прикрывшись вымышленным именем, сотоварищи Общества Иисусова обвиняли философа в лютеранстве, кальвинизме, янсенизме и во всех возможных ересях. Философ ответил язвительной книгой «Ответ мнимому Евсевию». Декрет папы Григория XVI в поддержку Розмини положил конец развитию недостойной полемики.

Общественные и церковные дела, множество опубликованных книг и даже сами скандальные противоречия, которые автор встречал на своем пути со стороны серьезных противников и просто врагов, одинаково служили проявлению его личности на фоне тогдашней итальянской и европейской жизни. Розмини входит в самые тесные отношения с самыми выдающимися личностями своего времени, становится одним из ярких представителей своей страны. Все сильнее ассоциируется его имя с той частью общественных и политических сил, которые принято называть прогрессивными.

Понятие прогрессивности в ту эпоху было связано в Европе с начальным этапом формирования гражданского общества путем усиления национальных государств буржуазного типа, что проявлялось в Италии борьбой за освобождение от Австрии и дальнейшее политическое объединение всего полуострова. Розмини утверждал, что «XIX век станет веком национальностей», однако в конце «Философии права» предвидел и возможное вырождение этого движения в развитие и усиление национального эгоизма, губительного для гражданских идеалов. Тем не менее мыслитель с воодушевлением приветствовал европейские события 1848 года.

В тот памятный для всей Европы год Розмини был приглашен в Турин, и ему было предложено стать полномочным представителем Карла Альберта при Пие IX, чтобы склонить того к союзничеству с Пьемонтом в войне против австрийцев. Философ откровенно указывает пьемонтскому правительству на его слишком радикальный антиклерикализм, который стал бы препятствием в процессе переговоров с Римом. Он предлагает заключить с Католической Церковью законный конкордат с обоюдным признанием прав. Министры соглашаются с Розмини, но потом не предоставляют ему никаких реальных полномочий. Критическое положение, создавшееся входом австрийских войск в Милан и отступлением Карла Альберта, не позволяет философу придавать значение интересам личного порядка. Сознывая отсутствие доверия со стороны правительства он все же не отказывается от миссии и решается на отчаянное предприятие.

В мае 1848 года Розмини пишет кардиналу Кастракане: «когда народ единодушно желает чего-то, напрасно думать, что возможно остановить его при помощи слабых средств: он снесет все препятствия; можно просветить его и регулировать его движение, но помешать ему — никогда». Пий IX принимает Розмини у себя и, выслушав его аргументы, предлагает ему приготовиться принять кардинальское достоинство. Через семь лет, после долгих колебаний, вражьих инсинуаций и уговоров со стороны друзей и учеников, смерть окончательно разрешит этот вопрос, не позволив философу облачиться в пурпур. Ныне трудно предполагать причины папского предложения. Так или иначе, иерархия, сознавая огромный авторитет философа, этим шагом обезоруживала тех, кто обвинял ее в реакционности, пытаясь при этом нейтрализовать многие шероховатости слишком искреннего Розмини его полным включением в жесткую систему.

События, однако же, получили совершенно неожиданное развитие: 15 ноября в Риме перед входом в дворец Канцелярии восставшим населением был убит главный министр Пеллегрини Росси. На следующий день восставшие взяли Квиринал, и Пий IX был вынужден согласиться на состав правительства, который требовали революционеры. Среди тех кандидатур, право назначить которые было сохранено за папой, он назвал и Антонио Розмини, намереваясь предоставить ему портфель министра просвещения. Тот отказался принять это предложение, ибо считал назначенный таким образом кабинет министров антиконституционным, а самого папу несвободным.

Несомненно, философ переживал разочарование, неизбежное для тех, кто привык соразмерять конкретную действительность с нравственными идеалами. Не потеряв окончательно веры в идеалы свободы и демократии, все еще пестуя в сердце великую цель объединения Италии, он сопровождал папу во время его бегства в Гаэту.

Именно в Гаэте проявился конфликт между убеждениями мыслителя и понтифика. Розмини настаивал на возвращении Пия IX в Рим или, по крайней мере, на территорию Папского государства, и поддержку им национально-освободительного движения. Папа, однако находился под влиянием реакционной партии кардинала Антонелли, и предпочитал оставаться в Гаэте. В качестве яркого свидетельства несовместимости взглядов философа и иерарха можно пример так называемого «Силлабуса», то есть вышедшего в 1864 году свода восьмидесяти тезисов Пия IX, высказанных за разные годы и направленных против различных духовных и философских направлений, появившихся во второй половине XIX века. Основным положением этого документа была идея, что истина и ложь не имеют одинакового права на существование, а поскольку Католическая Церковь обладает истиной, то имеет и власть решать судьбу всех иных учений. Еще раньше в своем труде «Философия Права» Розмини весьма четко и недвусмысленно развил мысль, что принуждать к принятию истины является не только «юридическим абсурдом», но и «абсурдом логическим». Философ был твердо убежден, что истина и ложь, будучи категориями метаюридического порядка, в принципе не могут обладать правами; последними обладают лишь личности, которые их и утверждают. Такая позиция, провозглашавшая свободу совести, противоречила не только мнениям одного какого-то папы, но и всей церковной практике за почти весь исторический период. Даже догматически необходимое признание свободной воли человека в вопросе свободы совести не пошло дальше половинчатого решения, которое следующим образом сформулировал св. Фома Аквинский: “accipere fidem est voluntatis, sed tenere jam acceptam est necessitatis” — «принятие веры есть деяние добровольное, но придерживаться принятого вопрос необходимости».

На Розмини начались активные гонения со стороны консервативных кругов церковной иерархии и ордена иезуитов. В конце концов, дело дошло до процесса, на котором подверглись рассмотрению сочинения философа в смысле их соответствия христианской догматике. Процесс закончился лишь 3 июля 1854 года полным оправданием писаний Розмини, но тот, отказавшись от активной политической деятельности, уже давно был вынужден удалиться в Стрезу, где провел шесть последних лет своей жизни.

За эти годы философ работает над фундаментальным метафизическим трудом «Теософия», который останется незаконченным, а восемь написанных томов увидят свет лишь после его смерти. Кроме того он публикует другие крупные произведения, среди которых «Логика», «О божественном в природе», «Аристотель, изложенный и рассмотренный Антонио Розмини Сербати» и другие.

Умер Антонио Розмини 1 июля 1855 года. Примечательны обстоятельства его восьмичасовой агонии. Известна тенденция христианских, а особенно, церковных биографов акцентировать и истолковывать подробности кончины, сглаживая все возможные поводы считать смерть независимой от этического смысла прожитой жизни и превращая ее в набор символов, по которому следует читать некий общий итог. Кончина Розмини имела все признаки реализованной агиографии. У смертного одра после долгих скитаний и бурно проведенных десятилетий предстал уже почти совершенно ослепший друг юности Никколо Томмазо, чтобы получить последнее благословение. Алессандро Мандзони был последним, кто говорил с мыслителем в слезах просил его указать дальнейший путь. Розмини оставил ему три слова в качестве духовного завещания: *adorare, tacere, godere*. Однажды мне довелось иметь долгую беседу с одним исследователем творческого наследия Розмини по поводу глубинного значения этих слов. Рассмотрев этимологию каждого слова и представив их как обозначения трех различных ступеней сближения с Богом, итальянский коллега заключил: «не следует забывать, что, в конце концов, это слова агонизирующего человека». Воодушевляясь этим дельным замечанием, в русском переводе я ограничусь словарными значениями этих глаголов:

поклоняться, молчать, наслаждаться.

На следующий день, по личному распоряжению Камилло Бенсо Кавура из Турина телеграфом сообщается всей Италии и Европе о смерти Розмини, как о событии общенационального значения.

Через, примерно, тридцатилетие католический мир потряс целый ряд попыток реформировать Церковь, окрещенный общим именем модернизма. По этому поводу 14 декабря 1887 года, при понтификате Льва XIII, Конгрегация индекса предприняла новое рассмотрение сочинений Антонио Розмини, в результате которого два произведения философа: «О пяти язвах Святой Церкви» и «Конституция согласно социальной справедливости» — были включены в Индекс запрещенных книг особым декретом «Post Obitum». Этот же декрет перечисляет также сорок положений из других сочинений Розмини, которые осуждаются как *haud consonae catholicae veritati*. В настоящее время решения Конгрегации подлежат пересмотру.

«О пяти язвах святой Церкви» — история, утопия, пророчество.

Книга, впервые выносимая на суд русскоязычного читателя, представляет собой значительную трудность не только для переводчика, но и для самого итальянского читателя. Действительно, даже если пренебречь исключительной сложностью и тяжестью стиля, остается недостижимым для понимания множество подробностей исторического характера, богословских, юридических и иных терминов, многие из которых уже давно вышли из употребления или изменили свое первоначальное значение. Автор часто упоминает малоизвестные исторические персонажи, идентифицировать которые порой оказывается весьма трудно по причине итальянизированной самим Розмини орфографии их оригинальных латинских имен. Рассматривая события церковной истории, он нередко допускает незначительные фактические ошибки. Иногда случается, что толкования тех или иных событий, высказанные в трактате, к настоящему моменту уже подверглись пересмотру и считаются поверхностными или ошибочными: это, например, касается мнения, которое Розмини высказывает по поводу средневековой феодальной инвеституры. И все же эти трудности не переходят пределы, которые значимы лишь для тех, кто профессионально занимается перечисленными вопросами, ибо центр тяжести произведения не лежит в специальной области науки или богословия — он находится в средоточии самых насущных проблем церковной и общественной жизни, которые не могут оставаться безразличными ни для кого. Этим замечанием не производится попытка принизить важность специальных исследований, или дать право на жизнь безответственности энтузиазма. Оспаривается лишь достаточность научного подхода к фундаментальным текстам, оказавшим хоть какое-то влияние на ход истории. Лучшее из всех по этому поводу высказался сам Розмини, начавший свою «Теодицею» следующими словами:

Не кажется мне достойным называться Мудростью то знание, которое не действует на человеческое сердце, но подобно бесполезному грузу занимает разум смертного человека, не преумножая его благ, не уменьшая его страданий, не удовлетворяя или не утешая хотя бы неложной надеждой его постоянные желания.

Сочинение состоит из пяти глав, по числу язв или ран на теле распятого Христа. Уже после выхода в свет книги, отвечая на критику со стороны Августина Тейнера, сам Розмини так объяснял употребление этой символики:

«Такое заглавие и разделение книги было продиктовано автору речью, которой 23 июня 1245 года Иннокентий II [IV] открыл Лионский собор, и в которой этот великий понтифик, уподобляя Церковь распятому на кресте Христу, показывает, как была она в свое время измучена пятью тяжкими язвами. Также и другой великий понтифик сравнил современную ему истерзанную Церковь с Христом, лежащим во гробе».

В каждой главе рассматривается одно из основных исторических бедствий, постигших Католическую Церковь, соотнесенное с определенной язвой на теле Христа. Ниже приводится схема трактата, как ее обычно представляют в соответствующей литературе:

Свойство	Язва	Причина	Средство
Единство	1. отделение народа от духовенства при богослужении.	Народное невежество и прекращение применения живого латинского языка.	Всеобщее изучение латыни и перевод богослужебных книг на народные языки.
Истина	2. недостаток образования у	Отход епископов от их учительского предназначения.	Реформа системы церковного образования

	духовенства.		
Любовь	3. разобщенность епископов между собой.	Привязанность епископов к их собственной власти и личные амбиции.	Отказ епископов от привилегий и возвращение к чисто пастырскому служению.
Свобода	4. бюрократия епископов.	Назначение епископов со стороны светской власти.	Восстановление епископских назначений Святым Престолом без вмешательства извне.
Бедность	5. порабощение церковного имущества.	Феодализм.	Отказ от земных благ.

Множество исторических примеров и философско-теологических рассуждений, которые Розмини включает в текст трактата, и при помощи которых пытается объяснить происхождение и природу этих бедствий, как мы уже отмечали выше, весьма затрудняет определение жанра этого произведения. Вопрос о жанре был поставлен наиболее ясным образом в одной статье Джузеппе Кристалди: «сочинение Розмини «О пяти язвах святой Церкви» по своей направленности принадлежит, в основном, истории или теологии?». Уточнив граничные условия поставленной проблемы, Кристалди отвечает: «Сочинение Розмини, думаю, ... не столько является «составным», с точки зрения исторического и теологического аспектов, сколько «диалектичным»: ибо эти две интенции — историографическая и теологическая — сплетаются в живой и выстраданный творческим процессом узел, который, несомненно, порождается верой и верою же постоянно питается, но проходит со смелостью, свойственной великим людям, которых вера содействует свободными, через беспокойную и беспокоящую толщу истории, чтобы постичь причины, следствия, диалектические переплетения язв Церкви». С таким утверждением вполне можно согласиться, даже несмотря на несколько превышенную для серьезного научного вывода меру эмоционального накала. Но мы все же смеем заметить, что охарактеризовать отношение исторического и теологического пласта в трактате как диалектическое, не значит дать ответ на вопрос о жанровой принадлежности сочинения, который был поставлен в самом начале. Отвечать на этот вопрос, без особой, однако же, надежды исчерпать его, можно было бы начать с замечания, что трактат Розмини является по существу приложением его взгляда на понятие Божественного Провидения. Ниже приведены цитаты из текста «Пяти язв», которые должны подтвердить эту точку зрения: Провидение приговорило к разрушению античное общество, и сдвинуло его с основания (20). И этот спасительный промысел, который на заре развития народов всякую культуру, всякую социальную связь соделал порождением религии, должен был повториться в предназначенное Провидением время, а именно, в средние века и для христианства, чтобы единственная и совершенно истинная религия не оказалась бы своими последствиями слабее ложных или несовершенных религий, и чтобы, если эти религии, обладая лишь частицей истины, необычайно способствовали общественному союзу и развитию народов (30). Божественное Провидение, которое никогда не обманывается действительностью, получает желаемое, чтобы ввести веру Христову в общество, или, скорее, создать новое христианское общество (32). Провидение, которое, подчиняя все своему произволу, имеет единственную цель: наивысшую славу Возлюбленного Сына Всевышнего, славные пути Царства, Им завоеванного (32). целью же Божественного Провидения в этом важнейшем событии было, как мы сказали, добиться того, чтобы религия Христа проникла в самую глубь общества, и осветила его своим господством (57). порядок Божественного Провидения в управлении Церковью таков, что организующая сила всегда более значительна, чем та, которая ведает разрушением (61). Божественным Провидением готовится смешивание народов, которое имеет целью не уменьшение дани (которую революционные народы терпеливо выносят и в большей мере), а — кто же этому поверит? — освобождение Церкви, основанной Христом, держащим все в Своих руках (73). реальные факты принадлежат божественной справедливости как упорядоченные Провидением (97). Ничто уже не удержит Провидение от того, чтобы вернуть Церкви эту свободу во всех народах земли: пусть монархи будут уверены в этом. Народы, именно народы и есть тот бич, которым пользуется в этом случае Провидение (127).

Другие места, в которых упоминается то же понятие, либо совершенно подобны приведенным, либо слово «Провидение» в них несет чисто риторическую функцию, представляя собой привычный опознавательный знак церковного стиля речи. Уже не остается места для сомнения, что ведущей силой исторического процесса в тексте трактата представлено Божественное Провидение. Дальнейшее рассмотрение позволит почувствовать особый смысл, в пределах которого Розмини употребляет понятие Провидения.

Для начала приведем наиболее краткое определение, данное философом этой богословской категории:

Поскольку Бог имеет форму реальности, то есть поскольку Он есть наиреальнейшее существо, Он осуществляет абсолютную власть над человеческим родом посредством Творения, Сохранения и Провидения, чем и упорядочивает все события. Творением Он достигает того, что все твари начинают существовать; Сохранением Он придает им реальность бытия в каждое последующее мгновение времени, ибо если бы они не были поддерживаемы творящей силой, тем самым прекратились бы; и наконец, посредством Провидения Он гармонизирует различные измерения бытия и различные силы, данные его творениям, чтобы те в прекрасном согласии участвовали бы в осуществлении великого Домостроительства, замысленного им *ab eterno*.

Как видно из этого отрывка, Божественное Провидение ответственно за протекание мироздания во времени, но это протекание без наличия сопротивления со стороны тварного бытия вполне может обеспечиваться одним только сохранением, как его определяет Розмини. Только наличие активного творческого начала в мире требует дополнительно введения нового понятия, которое было бы ответственно за контроль над этим началом. Иными словами, для поддержания законов гравитации и термодинамики достаточно их единовременного задания (Творение) и последующего осуществления (Сохранение), но существование свободной человеческой воли и ее действие в пространстве и времени требует и полностью обуславливает необходимость иногда создавать особые условия для проявления этих законов, например, в виде всемирного потопа или огненного столпа в пустыне. Следовательно, мир человека это исключительная область действия и постоянного, так сказать, «сознательного» присутствия Божественного Провидения. Перенасыщенность современной нам действительности текстами и толкованиями может предоставить повод заподозрить нас в попытке дать новую жизнь фейербаховскому тезису: «теология это антропология». Не помышляя о безосновательности этого тезиса, мы, однако же, имеем намного более скромную цель: вскрыть взаимоотношения [богословия](#) и [истории](#) в рассматриваемом сочинении Розмини.

Итак, Божественное Провидение с необходимостью связано с проявлением в мире свободной человеческой воли, а следовательно, единственным местом его действия является именно [история](#). Пусть это будет звучать несколько непривычно с точки зрения школьного [богословия](#), но можно сказать, что Провидение функционально представляет собой модус отношения Творца к творению. Отсюда с необходимостью происходят особенности взаимозависимости двух элементов, — [богословия](#) и [истории](#), — выделенных Кристалди.

[Теология](#) в трактате Розмини не может считаться основным предметом изложения. Это скорее метод и лишняя опора для аргументации в сочинении, обращенном католическому духовенству и касающемся проблем Церкви. Во всяком случае, текст отнюдь не перегружен богословской терминологией, да и трактовке специфически богословских предметов уделено весьма скромное место, главным образом в первой, наиболее общей по содержанию, главе.

В качестве исторического сочинения, трактат «Пять язв святой Церкви» принадлежит скорее историософии, чем историографии, и уж конечно не представляет собой чисто исторического исследования, призванного предать научной гласности доселе неизвестные факты из прошлого. Основные данные для изложения автор черпает, так сказать, из вторых рук, пользуясь объемистым сочинением Флери, французского автора XVII столетия.

Цель А. Розмини существенно иная. В свое время В. фон [Гумбольдт](#) охарактеризовал этот род сочинений как попытку «рассматривать отдельные рассеянные, как будто случайные события под одним углом зрения и выводить их друг из друга в соответствии с принципом необходимости». В начале этого ряда [Гумбольдт](#) подразумевает статью И. Канта «Идея всеобщей [истории](#) во всемирно-гражданском плане», написанную в 1784 году. Такой тип подхода к [истории](#) он оценивает достаточно строго, говоря, что «стремление создавать исторические системы едва ли не вытеснило саму [историю](#) или, во всяком случае, чувство истории».

С одной стороны, можно было бы рассматривать «Пять язв святой Церкви» как адаптацию предложенного И. Кантом метода к языку и требованиям теологии, где вместо принципа необходимости господствует понятие Божественного Домостроительства, или Провидения. Но под жесткую оценку фон Гумбольдта текст Розмини подпадает лишь отчасти, ибо в нем, хоть и

присутствует попытка воссоединить отдельные события под единым углом зрения, эта попытка все-таки не является конечной целью, но лишь способом, а истинные намерения и природу трактата невозможно полностью понять, если не принять во внимание явную направленность на конкретного читателя (католическое духовенство) и конкретную проблематику (современное автору состояние Католической Церкви в создавшемся сложном историческом положении). Итак, явно прослеживается третий элемент в природе текста — публицистический. В связи с этим можно привести самые начальные слова трактата, подкрепленные заглавием его предисловия — «Некоторые замечания необходимые для прочтения»:

Оказавшись на одной вилле недалеко от Падуи, я взялся писать эту книгу в утешение моему истомленному духу, и быть может, в поддержку другим.

Было бы безосновательно подозревать в этом предложении один лишь риторический прием. Такой подход был бы неоправданным, если учесть кризисное состояние итальянской жизни в первой четверти прошлого века, и явную склонность самого Розмини проявлять активную внешнюю деятельность не только на духовном, но и на политическом поприще.

Язвы Церкви, рассмотренные внутри «беспокойной и беспокоящей толщи истории» ясно показывают, что в их основе лежит исчезновение единства, которому следует разделение или расслоение на множество уровней: народ пребывает отделенным от духовенства в общественном богослужении; священники, отделенные от епископов остаются без достаточного образования; разобщенность «позабывших братство» епископов между собой ослабляет действенность их папского служения; раскол внутреннего единства Церкви, вызванный назначением епископов светской властью, усиливает недовольство среди верующих; «порабощение» церковного имущества удаляет Церковь от образца первичной христианской общины. Путь к восстановлению единства внутри Церкви и, следовательно, истинная реформа проходит через восстановление свободы на разных уровнях.

Первая язва: отделение народа от духовенства во время всеобщего богослужения.

Как уже указывалось в самом начале, фактическое признание «пророчеств» Розмини, выраженных в первой главе «Пяти язв», произошло лишь на Втором ватиканском соборе, хотя на нем не были достойно помянуты горькие страдания человека, который с первых страниц своего трактата указывает как на бедственное для Церкви отделение народа от духовенства во время всеобщего богослужения.

Замещение общепринятой латыни национальными языками произошло без ссылки на сочинение Розмини, хотя именно после Второго ватиканского собора, *post factum* все единогласно стали указывать на ранние прозрения итальянского мыслителя, по причине которых ему самому не раз приходилось давать объяснения при жизни.

В этом смысле интересно отметить важность, которую Розмини придавал слушанию слова Божья в Церкви. Вместе с отказом от Церкви, которая сознает себя одним только духовенством, в трактате находим исконную любовь к слову Божьему, место которого автор признает центральным в деле духовного воспитания верующего.

Теоретическую канву, своих рассуждений Розмини строит на собственном понятии человека и сакраментальности христианского культа. Антропологическое воззрение философа, как известно, основывается на линии персонализма, который учитывает как индивидуальные и общественные измерения самой человеческой личности, так и ее материальный и духовный опыт. Отсюда происходит неудовольствие от того, каким именно образом отправляется общественное богослужение, во время которого способность ощущать единство с другими обессилена употреблением незнакомого многим языка, создающего разделение между участниками одним только фактом своего использования.

Вместо этого необходимо, или, по крайней мере, весьма полезно, чтобы все слышали и понимали то, о чем говорится в молитвах, которые они совместно воссылают к трону Всевышнего. Это совершенное единство чувств является как бы условием, поставленным Христом культу, который христиане для Него отправляют, чтобы этот культ был приемлем для Него, и Он пребывал бы среди них. (15).

Необходимо, чтобы народ понимал голос Церкви, раздающийся в публичном богослужении, чтобы был он просвещен во всем, что говорится или делается при священном жертвоприношении, в совершении таинств, во всех церковных чинах: именно поэтому быть народу почти отделенным и отъединенным разумом от молитвенного служения Церкви есть

первая из открытых язв, истекающих живой кровью на мистическом теле Иисуса Христа. (15). Следовательно, кроме наиболее непосредственного условия для излечения этой язвы, то есть кроме использования понятного для всех языка, проясняющего «то что говорится», необходимо также понимание знаков и жестов «того, что делается». При более внимательном рассмотрении проблема состоит не только и не столько в употреблении народного языка, сколько в восстановлении с его помощью утраченного понимания и значимости литургических символов. Можно утверждать вместе с Розмини, что применение народного языка не гарантирует внутреннего участия в богослужении, если оно не сопровождается наличием «полного и жизненного обучения, данного христианскому народу», и красноречивыми, исполненными значения символами.

В этом смысле следует отметить брошюру Розмини «Способ участия в святой мессе», опубликованную в 1849 году, то есть в период его особенно напряженных отношений с церковной иерархией. Несмотря на заявления о незыблемом уважении к учению, преподанному папой Пием VI в догматической булле *Auctorem fidei*, вышедшей в 1794 году, Розмини переводит на итальянский язык и публикует молитвы и само чинопоследование мессы. В первой части этого небольшого сочинения приводятся «действия, из которых состоит месса», затем следуют переводы молитв, произносимых священником и ответы на них народа. Предлагаемый автором перевод поощряет участие верующего также посредством более интенсивного, чем в оригинале, выражения чувств, введения отсутствующих в тексте служебника междометий, не всегда удачного с точки зрения вкуса усиления эмоционального накала: «Ах! я признаю себя грешником перед Тобой [...]. Да, Господи, обращая ко всем нам Твой благостный лик, Ты наполнишь нас жизнью». Надо сказать, однако, что Розмини не переводит текста благословения святых даров, который заменен в его брошюре отгочьями. Редактор критического издания А. Валле объясняет этот факт тем, что Розмини ясно осознает различие между священством верующих и священством служащих: «простой верующий, — говорится в «Философии права», — не наделен правом *заклания* новозаветной жертвы посредством благословения хлеба и вина, но имеет *право предлагать* ее Всевышнему Отцу».

И все же за этой брошюрой нельзя не признать великой заслуги, принимая во внимание, что следующий по времени перевод чинопоследования праздничной мессы на итальянский язык, сделанный священником Эмануэле Каронти, вышел в свет лишь в 1921 году.

Наиболее подходящим средством для того, чтобы весь христианский народ возрастал и гармонически жил в вере, представляется автору большее понимание священных обрядов, применение понятного языка для тех, кто не понимает латинского, и адекватное предмету образование.

В этом случае становятся понятными слова, с которыми Розмини обращается в письме к папе Пию IX:

Слышал я, к примеру, что поскольку мною убедительно была объяснена необходимость обучить народ значению священных обрядов, чтобы он действительно сочетался бы духовно со священником, это дало повод думать, будто я вовсе не чужд мыслям тех, кто призывает к богослужению на народных языках. Но я не только почитаю мудрость Церкви, которая в своих обрядах придерживается использования древних языков, но мне также знакомы и непоколебимые аргументы тех, кто рассмотрел этот предмет, чтобы доказать его целесообразность, а поэтому с внутренним убеждением я примыкаю к учению, проповеданному Пием VI в догматической булле *Auctorem fidei* ...

Вторая язва: недостаточное образование духовенства.

Это бедствие Церкви тесно связано с предыдущим, ибо если раньше дело касалось недостаточной образованности паствы, ныне речь идет об отсутствии соответствующего обучения у пастырей. Для Розмини характерно существенное связывание знания и бытия. Он не считает, что исцелить эту язву способна простая интенсификация духовного образования. Духовенство, способное вести паству по пути христианского совершенства, может появиться только из общин, предстателями которых являются святые. На ум приходит розминиевский афоризм: «только великие люди способны формировать великих людей» (27). С течением времени, однако, центр тяжести духовного образования из епископского дома переместился на специальные духовные школы и семинарии. Само образование получило систематический и методологически более или менее унифицированный характер. На смену живому слову общения с учителем пришел компендиум или краткий очерк слов, некогда им произнесенных или написанных, искание ответа из толкования услышанного и стремление к осуществлению

реального примера, который являл собою наставник, было заменено заучиванием определенного количества необходимых формул. Такое положение вещей губительно влияет на состояние духовного развития в пастырской среде, ибо молодые священники, или «ученики святилища», как их называет Розмини «приносят с собой полное отсутствие церковного мышления». Приговор философа жесток и полон горечи за современное ему состояние Церкви: Ничтожность и убогость мыслей и чувств, которые составляют снаряжение и ядро современного церковного образования, производит лишь священников, совершенно не имеющих понятия ни о христианском мире, ни о христианском священстве, ни о том, какими священными узами одно связано с другим (26).

Основной причиной изменения и упадка механизмов трансляции в Церкви Розмини усматривает в сближении церковной власти с государственной, которое начало проявляться в Римской империи со времен Константина Великого и получило свой окончательный вид на заре Средневековья. Епископы, соблазненные богатствами и влиянием, слишком заняты мирскими заботами, чтобы иметь время для своих учеников. Более того, сформировалась непроходимая пропасть почти сословного порядка между высшим и низшим духовенством, так что общение с епископом для простого священника стало таким же трудным, как для простого подданного общение с королем.

В чем же состояли, согласно Розмини, неоценимые достоинства прежнего метода обучения, осуществляемого непосредственно в доме архиепископа?

Автор не отождествляет обучение с передачей или усвоением информации, напротив, он утверждает, что истинный опыт не есть то, что возможно получить при помощи одного лишь заучивания и сохранить в одной лишь памяти. Именно признание последней за необходимое и достаточное условие к получению знания и есть, согласно Розмини, основное заблуждение современной системы образования. Обучение, как считает Розмини, есть перманентно осуществляемый герменевтический процесс, в который вовлечен учащийся, непрестанно истолковывая не только слова, но и особенности произношения, жесты, модели поведения и образ жизни учителя в разных социальных и ситуативных контекстах. Обучение возможно лишь на основе самостоятельного учеником постижения не всегда явного смысла, который ему преподается большей частью имплицитно. Краткость и всеобщая доступность современных формул не приближает ученика к познанию смысла, оно лишь ставит под вопрос необходимость этого познания.

Из сказанного можно сделать два вывода. Во-первых, смысл, сведенный к самому себе, исчезает. Важен сам текст, а не его содержание. Для поддержания жизни духа важно производить новые тексты, ибо их толкование сравнимо с потреблением и ведет, скорее, к исчерпанию смысла, а не к его постижению. На протяжении патристической эпохи Церковь наполнила закрома духа, но в последующие века потребление явно стало превышать производство, что привело к оскудению смысла, которое является необходимым следствием его догматической фиксации.

Во-вторых, для создания нового текста необходимо стечение внешних благоприятных обстоятельств, которые со временем исчезли. Оскудение смысла передаваемых текстов означало, что после сближения церковной и светской власти эти тексты больше не представляли собой существенного содержания Церковной жизни, но наряду с облачением превратились в некоторый классовый признак, дающий доступ к владению материальными благами и политическим влиянием.

Более общо, из второй главы трактата Розмини следует, что исчезновение избыточности передаваемых в процессе преподавания сведений совершенно уничтожает всякую перспективу на возможность творческого развития личности.

Третья язва: разобщенность епископов.

Если рассмотреть Третью главу трактата, уделяя основное внимание историческому элементу, в глаза бросается откровенная идеализация первых шести веков церковной истории. Конечно, передавая идиллическую картину духовного обучения у ног проповедующего святого, Розмини впадал в такую же идеализацию, но все же в предыдущей главе речь шла о существующей повсеместной практике, и от взгляда автора ускользали лишь реальные обстоятельства дела. В Третьей главе Розмини излагает отдельные факты, которые должны служить свидетельством общей тенденции, хотя убедительной такая постановка вопроса может оказаться лишь для заведомо расположенного к соответствующему прочтению читателя. В Третьей главе особенно проявляется то, что исследователи осторожно называют «утопическим зарядом произведения». Утопического в собственном смысле этого слова в трактате о язвах Святой Церкви содержится

очень мало, но подобные оценки явно свидетельствуют о все более раскрывающейся связи между утопией и историей Церкви. Если первую можно рассматривать как обращенный вспять по временной оси рассказ о потерянном рае, вторая является как бы параллельным и конкретизированным его вариантом. Конечно же, потерянный Эдем — это иерусалимская община, в которой, согласно Луке, все верующие были «одна душа и одно сердце». Если подвести исторические изыскания Розмини под эту схему, то место грехопадения и изгнания из рая займет «Константинов дар», понятый, разумеется, в более широком смысле сближения Церкви со светской властью со всеми следующими отсюда материальными и политическими привилегиями. Эти привилегии со временем превратили епископов в феодальных сеньоров и разъединили их некогда единый и монолитный корпус.

Розмини, конечно же сознает скудность собственно исторической аргументации, а поэтому кроме конкретных проблем, связанных с темой разобщенности епископов, затрагивает в Третьей главе весьма важный с концептуальной точки зрения вопрос о фундаментальной природе Церкви как человеческого сообщества, подпирая, таким образом, выстроенное здание главы колонной историософической спекуляции. Особенно четко об этом говорится в 58-м параграфе трактата, который заслуживает детального рассмотрения. Этот параграф исполнен экклезиологическими рассуждениями. Совершенно точно замечено, что у Розмини гораздо более детально разработана историческая перспектива экклезиологии по сравнению с символической, и что это существенно отличает его от выдающегося немецкого богослова того времени Иоганна Адама Мёллера. Действительно, итальянский философ, в основном, пытается осмыслить Церковь как осуществление Божественного Провидения в истории, и весьма редко и мимоходом прибегает к оперированию такими возведенными в степень категорий метафорами, как «Невеста Христова» и «мистическое тело Христова», хотя надо отметить, что понятие Церкви у Розмини характеризуется ярко выраженным христоцентризмом.

Итак, Церковь есть человеческое сообщество, точнее, сообщество людей, которое мы должны в данном случае подвергнуть исследованию. Традиционно, общие свойства этого феномена можно разделить на два класса, один из которых включает в себя элементы божественного происхождения, а второй заполнен чисто человеческими составляющими. Распределение свойств по этим двум классам, согласно Розмини, таково:

Церковь имеет в себе божественное и человеческое начало. Божествен вечный замысел о ней и главное средство, благодаря которому этот замысел исполняется, то есть помощь Спасителя. Божествен, наконец, завет о том, что это средство никогда не уменьшится, что у святой Церкви всегда будет достаточно света для познания истинной веры, и благодати для возрастания в святости, благодаря всевышнему Провидению, располагающему всем на земле, согласно своему внутреннему порядку. Затем, кроме этого основного средства, человеческими являются все иные средства, которые участвуют в исполнении замысла Всевышнего: ибо Церковь есть общество, составленное из людей, и пока те находятся на земном пути, они подвержены несовершенствам и слабостям человеческой природы. Отсюда происходит, что это общество в своей человеческой части, развиваясь и прогрессируя, подчиняется общим законам, которые руководят судьбой всех остальных человеческих сообществ.

Здесь автор только излагает непоколебимые, а вернее, обязательные основы, на которых он должен строить свою концепцию, стараясь подчинить все вновь возникшие обстоятельства изложенному принципу. Поэтому несомненно, что присутствие божественно элемента в среде Церкви сильно влияет на метод исследования: получается, что процесс церковной истории существенно и сущностно отличен от исторического процесса вообще. Розмини следующим образом объясняет это обстоятельство:

Закон, согласно которому «каждое общество имеет начало, развивается до своего совершенства, а затем претерпевает упадок и гибнет», полностью невозможно приложить к Церкви, которой помогает сила, находящаяся по ту сторону человеческих дел, бесконечная сила, восполняющая потери, вселяющая новую жизнь, когда ветхая ослабевает. Именно по причине того, что это особенное и единственное общество имеет в себе нечто внешнее и высшее по отношению к чисто человеческим сообществам, оно не продвигается по общему для них пути. В итоге, Церковь так же непоколебима, как и человеческое общество, взятое в целом, которое было сотворено вместе с человеком и уничтожается лишь вместе с последним представителем этого вида.

Здесь можно было бы коснуться попыток использования исторических и других взглядов Розмини для атаки на постмодернистский тип философствования, однако, мы намеренно обойдем молчанием этот вопрос, еще находящийся в самом начале своей разработки нынешними западными богословами, и приведем одно место из произведения Жозефа Де Местра «О папе»:

Слово *юность* побуждает меня заметить, что это выражение и другие подобные ему касаются полной длительности какого-нибудь учреждения или индивидуума. Если, например, я думаю, о Римской республике, которая продолжалась пятьсот лет, то я знаю, что значат слова *юность*, или *первые годы Римской республики*; и если речь идет о человеке, живущем около восьмидесяти лет, я подстраиваюсь под эту длительность; знаю также, что если человек жил бы тысячелетие, то был бы юным в возрасте двухсот лет. Что же означает молодость религии, которая должна длиться столько, сколько и сам мир? Много говорят о *первых веках христианства*: я не могу гарантировать, что они уже прошли.

Этот отрывок позволяет нам составить суждение об исторической концепции Розмини, не прибегая к средствам и данным, полученным уже после смерти философа, а пользуясь современным ему методологическим и фактическим инвентарем.

Конечность человеческой жизни облегчает рассмотрение последней в качестве процесса. Такое рассмотрение, однако, всегда является некоторой выборкой из полного состава реальности. В этом смысле необходимо еще несколько элементов, а именно, точка зрения, приближение, зависящее от них представление об идеале и максимальной мере его осуществления. Это можно прояснить на следующем примере: если человека рассматривать как существо, предназначенное быстро бегать, то вершина его жизненного процесса будет приходиться на восемнадцатилетний возраст, если же за основное качество принять способность создать метафизическую систему, то пик вероятности сдвинется вперед к годам сорока. Следует заметить, что в обоих случаях представление о процессе целиком вкладывается в пределы того, что в данном случае можно назвать историей. Незавершенность жизни конкретного человека не мешает воспринимать ее как процесс с любой возможной точки зрения и с достаточной точностью указать стадию, на которой этот процесс находится в данный момент.

В случае Церкви, с какой конкретной точки зрения мы ни рассматривали бы ее историю, трудно или невозможно указать на идеал или максимальную меру его осуществления. С другой стороны, полное перенесение этого идеала на еще не наступившее будущее совершенно неприемлемо, ибо опора на священную традицию — существенная и неотъемлемая черта Церкви как таковой.

Идеал с необходимостью должен содержаться как в будущем, так и в прошлом. Проблема состоит в том, что непрестанно надо находить объяснение этого идеала, которое одновременно было бы полным, вразумительным и соответствовало бы запросам актуальной действительности. Но со временем это становится все труднее, ибо призыв возвратиться *ad vere vitam Apostolicam*, — к истинно апостольской жизни, — такой естественный и благой в Средние века, задолго до эпохи Рисорджименто превратился для доброго католика в пропаганду протестантизма. Вспомним, что иезуиты обвиняли Розмини именно в следовании учениям Лютера и Кальвина.

Розмини, конечно же, сознает трудность этого положения. В Первой части «Теодицеи», сравнивая историю с раскрытой книгой, он пишет: «страницы огромного тома перелистываются с течением веков: и вопросы, написанные на первых страницах гораздо легче решать чем те, что написаны на следующих».

Итак, желая доказать несокрушимость и вечность Церкви, Розмини уподобляет ее развитие с историческим путем самого человечества, полагая за очевидное невозможность для человека осмыслить последний целиком. В свете этого воззрения положение о конце истории становится парадоксом. Действительно, принадлежит ли предложение «история кончилась» к самой истории, или нет?

Четвертая язва: право назначать епископов, присвоенное светской властию.

Согласно 377-му параграфу Кодекса канонического права Римской Католической Церкви «Великий понтифик свободно назначает епископа или утверждает тех, которые были свободно избраны». Но такое содержание канонического права по этому вопросу не является чем-то новым: и в прошлом правила и законы не утверждали ничего противоположного касательно избрания или назначения епископов. В длинной четвертой главе Розмини достаточно места уделяет законам и правилам Церкви, давая обширный исторический обзор. Но если принять во внимание то простое обстоятельство, что свод запретов дает наиболее полное представление о наиболее часто случающихся нарушениях, то можно заключить, что настойчивость, с которой в церковных правилах повторяется о необходимости свободных выборов епископа, является верным знаком упорства и успеха, с каким светская власть завладевала правом назначать епископов.

Этой проблеме Розмини придает исключительную важность. Издатель трактата Н. Галантино подсчитал, что глава, трактующая о свободе епископских выборов, составляет 49 % от всего текста. Более того, в поздних изданиях книги Розмини присовокупил к трактату три статьи, или письма, как он их сам называет, посвященные именно епископским выборам. Проблема действительно была очень острой во все времена. Характерно, что книга Августина Тейнера, содержащая критику на сочинение Розмини, главным образом опровергает мнения философа именно по поводу вмешательства светской власти в церковные дела.

Переломным моментом, когда свобода Церкви была окончательно подавлена, Розмини называет XI век, и это весьма знаменательно, ибо именно этот момент истории принят за начало долгого периода, в течение которого в Европе формировались национальные государства. В XI веке произошел резкий экономический скачок по всей части света. Усилившаяся светская власть не могла не наложить руки на Церковь и попытаться превратить ее в послушную проводницу своей политики. Все это совпадает с постепенным ослаблением значения латыни и началом развития современных европейских языков. Именно с того времени Церковь, как интернациональный интегрирующий фактор, перестала играть главную роль в процессе становления Европы. Взгляд Розмини на этот процесс характеризуется двумя моментами: во-первых, он воспринимает вмешательство светской власти в церковную жизнь как заведомое и безусловное зло; и во-вторых, связывает качественную деградацию социального значения Церкви с одним только введением феодализма.

Обе точки зрения страдают ограниченностью. Первая, как и всякое оценочное суждение, справедлива лишь при условии единой и незыблемой системы ценностей, независимой от внешних обстоятельств. По поводу второй можно сказать, что в ней имплицитно признается зависимость системы ценностей от внешних факторов, каковым является феодализм. В таком случае адекватность системы ценностей внешним условиям представляется единственным критерием ее действительности, а абстрактное сравнение двух систем, взятых из разных исторических эпох, лишается смысла и, во всяком случае, становится делом безнадежным. Для пояснения уместно привести одно место из романа Умберто Эко «Маятник Фуко»: «что же такое Католическая Церковь, — может спросить марсианский историк в трехтысячном году, — составляли ли ее те, кто отдавал себя на съедение львам, или те, кто убивал еретиков? Конечно же, и те и другие». В истории не бывает ненастоящих или тренировочных ситуаций и за течение времени Церковь проявила достаточную способность адаптироваться. Этот процесс необходимо сопровождался сменой множества стилей поведения и организационных построений, которые нуждались в некотором формализующем элементе, чтобы сохранять идентификацию основной структуры. Именно в такой формализующий элемент, как уже было отмечено при рассмотрении Второй главы трактата, превратилось основное содержание патристических текстов, достаточно медленно менявшееся со временем чинопоследование богослужения, основные требования аскетике и т. д. Кризис историка Церкви, которому все труднее уместить многовековую историческую действительность в ставший для нее тесным идеал, вынуждает его искать единую причину бедствий: именно поэтому Розмини воспринимает феодализм не только как хронологически довольно четко определенную историческую эпоху, но и как «герменевтическую категорию церковных бедствий».

Необходимо отметить, что общественная роль независимого гаранта социальной справедливости, которую Розмини предлагает Церкви в современной ему обстановке, вовсе не представляет собой возвращение к некоторому первичному идеалу Церкви. Такое возвращение невозможно в виду фактического отсутствия самого идеала, единожды заданного на все времена. Диалог между Церковью и народом с одной стороны, и Церковью и правителями — с другой, который можно найти в 95-м параграфе IV главы, исполнен наивностью, подходящей, скорее, к воскресной проповеди, чем к историческому или философскому трактату. Здесь еще раз проявляется «утопический заряд книги» уже наиболее близко к своей чистой форме. Можно, однако, понять автора, обратившего свое сочинение именно к духовенству, на недостаток образованности у которого он так горько сетовал во второй главе. Розмини отчетливо понимал граничащую с невозможностью трудность своего предложения:

Но где же возможно найти богатое духовенство, имеющее смелость стать бедным? или такое, чтобы у него хватило незатененного разума понять, что пробил час, когда обеднить Церковь значит спасти ее? (73)

О бедности Церкви речь идет в следующей главе трактата.

Пятая язва: порабощение церковного имущества.

В заключительной главе, как обычно считается, Розмини рассматривает вопрос о бедности Церкви. Действительно, автор часто употребляет понятие «бедность», которое вполне возможно было бы перевести на русский язык соответствующим специальным термином «нестяжание» если бы не слишком сильная «занятость» этого слова в русском духовном и культурном контексте. Но для более глубокого понимания смысла Пятой главы необходимо учесть, во-первых, общую направленность трактата, и во-вторых, реальную историческую эволюцию социальной функции духовенства.

Конечно же, Розмини не предлагает обычную проповедь о необходимости помогать бедным и делиться с неимущими, хотя глава пропитана подобными мотивами, которые при жизни итальянского мыслителя составляли основную трудность не только для миссионерской деятельности, но и для самой жизни католиков в Соединенных Штатах Америки, где большинство христианского населения, как известно, протестанты. Так например, в 1854 году монсеньер Гаэтано Бедини в своем отчете конгрегации *Propaganda fide* писал: «американцы не могут допустить и мысль о том, что бедность, пусть даже добровольная, может быть добродетелью [...] озабоченные материальным процветанием [...] они считают бедность нравственным грехом». Розмини, всегда особенно чувствительный к внешней политической ситуации, не мог ограничиться одним лишь призывом к церковной иерархии отказаться от избытка материальных благ, чтобы направить их на благотворительную деятельность, оставляя для церковных нужд лишь необходимое, определить меру которого составляло значительную проблему.

Сам вопрос о распоряжении церковным имуществом и, более общо, об отношении верующих к богатству весьма сложен и в силу своей нерешенности еще и теперь заслуживает особого теоретического исследования и пристального внимания со стороны законодательной и исполнительной власти. Весьма кратко следует отметить, что отношение духовенства к материальным средствам, существовавшее на протяжении всего исторического периода церковной истории вплоть до середины XIX века, хотя и менялось несколько раз, всегда определяло духовенство как отдельное сословие. Конечно, место этого сословия было маргинальным, ибо оно, с одной стороны, служило демографическим предохранителем для аристократии, и с другой — представляло собой пожалуй единственную возможность для низших слоев приобщиться к культурным ценностям и почувствовать собственную значимость. Недаром образ святого в средневековом Западе понимается как некоторая «социальная амфибия», более или менее свободнодвигающаяся по сословной лестнице. Реальная граница между общественными классами имела свое отражение в среде духовенства и пролегла там, где Розмини с сожалением указывает на непроходимую пропасть между высшим и низшим духовенством.

То, к чему призывает Розмини, и что в конце концов произошло в европейской истории, полагает временной предел существованию духовенства как общественного сословия. Рассуждения Пятой главы, при всей загруженности текста примерами из первых шести жизни Церкви, уже весьма отличаются от проповеди Франциска Ассизского, а бедность, к которой говорит Розмини уже не та прекрасная синьора, предлагающая руку и сердце рыцарям в тонзуре. Но эта бедность не имеет ничего общего и с косами и цепями немецкой крестьянской войны, которая под знаменем борьбы против роскоши и разврата упраздняла монастыри, обрекая оставшихся без крова братьев и сестер на голодную смерть. Времена изменились. Идея гражданского общества, постепенно набирающая силу и начинающая проявляться в реальной жизни Европы, как-то незаметно исключила возможность существования духовенства как общественного класса. В матрице социального кодирования новой Европы, которая обретала свои очертания в медленной но неминуемой ломке прежних общественных отношений, занимаемый священником или епископом адрес уже не имел индекса, обозначающего сословие, но ограничивался стольким же количеством составляющих, как и обычная профессия. Такое положение дел весьма благотворно повлияло на Церковь в целом, которая освободилась от векового бремени, чтобы свободнее следовать Тому, Кто сказал: «царствие Мое не от мира сего».

Н. Ладариа

P. S. Перевод с итальянского языка осуществлен по следующим изданиям: Valle 1981 — A. Rosmini, *Delle cinque piaghe della Santa Chiesa*, a cura di Alfeo Valle, in *Opere edite ed inedite di A. Rosmini*, v 56. Citta Nuova, Roma 1981.

Galantino 1997 — A. Rosmini, *Delle cinque piaghe della Santa Chiesa*, a cura di Nunzio Galantino, Edizioni San Paolo, Milano 1997.

Пускай поверхностная философия сколько угодно шумит по поводу религиозных войн, костров, зажженных нетерпимостью; что касается нас, мы можем только завидовать судьбе народов, которые в этом столкновении убеждений, в этих кровавых схватках в защиту истины создали себе мир понятий, какого мы не можем себе даже и представить, а не то что перенестись туда телом и душой, как мы на это притязаем (П. Я. Чаадаев, «Философические письма», I).

Мы избрали то написание имени философа, в котором две фамилии представлены по отдельности, а не через черточку, так как из рассмотренной нами итальянской литературы следует, что именно этот вариант встречается чаще.

Италия — географическое понятие (фр).

Совсем недавно в Италии начали появляться работы, доказывающие фактическую плодотворность и эффективность этого общества.

Трудно тебе итти против рожна (лат), — *Деян* 9,5.

Знаменательно, что Мандзони приходился внуком выдающемуся итальянскому юристу Чезаре Беккариа, который в 1768 году опубликовал книгу «О преступлениях и наказаниях». В этом сочинении впервые оспаривалась разумность смертной казни, из-за чего оно двести лет числилось в Индексе запрещенных книг и было разрешено Церковью лишь в 1968 году одновременно с настоящим трактатом Антонио Розмини.

По-итальянски Голгофа.

Переводить Istituto di Carita на русский язык, как «Общество благодати» (см. Дж. Реале, Д. Антисери «Западная философия от истоков до наших дней», «Петрополис», СПб 1997, перевод С. Мальцевой, т. IV, стр. 178) совершенно недопустимо: ни одно из двух значащих слов не передано точно. Наиболее подходящий по смыслу перевод — «Институт христианской любви».

A. Rosmini, *Risposta ad Agostino Theiner*, Cedam, Padova 1971, p. XIII.

Считаем должным отметить, что в трехтомном советском издании итальянской истории, при изложении этих событий о Розмини не сказано ни слова, — «История Италии», под редакцией К. Ф. Мизиано, «Наука» М 1970, т. 2 стр. 189 - 193.

Cfr. A. Rosmini, *Filosofia del diritto*, Padova 1967, n. 186 ss.

Summa Theologiae, II, II, q. 10, a. 8 ad 3um.

Такая последовательность последних слов Розмини, которую Мандзони приводит в своих воспоминаниях, самая распространенная. Вариант, приведенный отцом Пузиньери со слов писателя, вышедшего из комнаты умирающего, несколько отличается: adorare, godere, tacere. Эта вторая последовательность, однако, с равной легкостью поддается богословской интерпретации в виде трех ступеней восхождения к Богу.

Никоим образом не согласные с католической истиной (лат.).

G. Martina, *Un duplice lavoro necessario per un'adeguata lettura delle "Cinque Piaghe di Rosmini"*, "Rivista Rosminiana", LXX (1976) p. 86.

A. Rosmini, *Teodicea*, a cura di Umberto Muratore, Citta Nuova Editrice, Roma 1977, p. 31.

Августин Тейнер — немецкий священник, принадлежащий ордену Ораторианцев. В 1849 году опубликовал критическое сочинение против книги Розмини под заглавием «Историко-критические статьи по поводу «Пяти язв Святой Церкви» досточтимого священника А. Розмини Сербаты». Последний ответил на критику, опубликовав в том же году том в 634 страницы «Ответ Августину Тейнеру».

Григорий VII.

A. Rosmini, *Risposta ad Agostino Theiner*, v. I, Cedam, Padova 1971, p. 7.

G. Lorizio, *Antonio Rosmini Serbati. Un profilo storico-teologico*, PUL - Mursia, Roma 1997, p. 237.

G. Cristaldi, *Storia ecclesiale e storia ecclesiastica nelle «Cinque piaghe della Santa Chiesa»*, in *Rosmini e la storia*, *Atti del XVII Corso della Cattedra Rosmini*, Sodalitas Milazzo 1986, p. 57.

A. Rosmini, *Filosofia del diritto* vol. II., n. 552.

В. фон Гумбольдт, «Размышления о всемирной истории», в сборнике «Язык и философия культуры», Москва Прогресс, 1985 стр. 279.

Там же.

Maniera di assistere alla Santa Messa, ed. critica a cura di A. Valle, in A. Rosmini, *Operette Spirituali*, Citta Nuova, Roma 1985, pp. 101-120.

Epistolario completo, 13 voll., Casale Monf 1887-1894, v. X, p. 489.

Galantino, 1997, p. 59.

См. Paolo Marangon, La “Chiesa di Gesu Cristo” nelle “Cinque Piaghe” di Rosmini, in *Rosmini e la cultura del Risorgimento. Attualita di un pensiero storico-politico*, Stresa 1997, p. 183.

J. De Maistre, *Du pape*, I, V, цитата взята из итальянского перевода Rizzoli, Milano 1995, p. 55.

Teodicea, p. 33.

Galantino 1997, p. 61.

U. Eco, *Il pendolo di Foucault*, Bompiani, Milano 1997, p. 114.

Аналогичное по смыслу, хотя касающееся несколько иного предмета, мнение выражает М. Оссовская в своем известном труде «Буржуазная мораль»: «Когда говорят о христианской морали в единственном числе, то это, разумеется, может быть результатом ошибочного, внеисторического подхода. Ошибочного, поскольку известно, что различия между моралью Франциска Ассизского и Игнатия Лойолы или Альфонса да Лигури очень и очень значительны, не говоря уже о различии между католицизмом и различными протестантскими сектами». — М. Оссовская, «Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали», М. «Прогресс», 1987, стр. 181.

P. Zovatto, “Delle cinque piaghe della Santa Chiesa” e il modernismo, in *Rivista Rosminiana*, LXXXII (1988), p. 287.

J. F. Connely, *The Visit of Archbishop Gaetano Bedini to the United States of America (June 1853 – February 1854)*, Roma 1960, p. 213.

A. Murray, *Reason and Society in the Middle Ages*, Clarendon Press, Oxford 1978, p. 400.

Некоторые предварительные замечания, необходимые для прочтения

1. Оказавшись на одной вилле недалеко от Падуи, я взялся писать эту книгу для утешения моего скорбящего духа, и быть может, в поддержку другим.

Прежде чем начать, я колебался, задавая самому себе вопрос: «Хорошо ли человеку, не наделенному духовной властью, приниматься за составление трактата о недугах святой Церкви? Разве не есть нечто дерзкое уже в одном помышлении, не говоря о написании, коль скоро всякая забота о Церкви Божьей по праву принадлежит ее пастырям? Разве вскрытие этих язв не указывает на недостаток почтения к самим пастырям, как если бы те не знали о них, или не прилагали против них никаких средств?».

На этот вопрос я отвечал себе, что размышление о недугах Церкви не может быть поставлено в упрек и мирянину, если тот подвигнут живой ревностью о ее благе и о славе Божией. Испытывая же себя в той мере, насколько человек вообще может быть уверенным в самом себе, я находил, что мои мысли отнюдь не проистекали из какого-либо иного источника. Отвечал я также, что если не нашлось бы ничего благого в таком размышлении, то это не могло быть причиной для его сокрытия. Если же все-таки имеется в нем что-либо злое, то оно будет отброшено пастырями Церкви. Ведь я не произносил суждений, желая решить что-либо, но намеревался, напротив, излагая мои мысли, представить их на суд самих пастырей, и, прежде всего, Верховного Понтифика, досточтимые оракулы которого всегда останутся для меня прямым и надежным образцом, с которым я буду сверять и исправлять каждое свое мнение. Ведь пастыри Церкви, отягощенные заботами и занятые множеством дел, не всегда располагают всеми удобствами, чтобы отдаться спокойным размышлениям; ведь и сами они не перестают желать, чтобы кто-нибудь другой предложил и внушил им мысли, полезные для управления поместными Церквями и вселенской Церковью. И, наконец, представлялись моему взору примеры многих святых людей, которыми славилась Церковь во всякое время, таких, как святой Иероним, святой Бернард, святая Екатерина и другие, которые, не будучи епископами, все же с дивной свободой и искренностью высказывались и писали о недугах, терзавших Церковь в их времена, равно как и о необходимости исцеления и о его средствах. Из этого не следует, что я сравнивал себя, пусть даже издали, с теми великими людьми, но я принимал их примеры за доказательство того, что исследование и обращение внимания кормчих Церкви на то, что отягчает и мучает Невесту Христову, само по себе не заслуживает порицания.

2. После того, как я достаточно подкрепил себя этими рассуждениями, согласно которым без дерзости можно было дать выход роившимся у меня в душе мыслям о современном состоянии и условиях Церкви, и что не было предосудительным излагать их на бумаге и сообщать другим, во мне родилось иное сомнение, касавшееся уже соображений благоразумия, а не честности. Рассуждал я, что все те, кто в наше время решал писать о подобных предметах, и объявлял о своем желании идти по пути, пролегающему между двумя крайностями, вместо того, чтобы угодить двум властям — церковной и государственной, — в равной степени стяжал неудовольствие обеих. Это грозило мне великой трудностью в деле изложения подобных предметов для всеобщего удовлетворения, вследствие чего я предсказывал самому себе, что, записав вышеупомянутые мои размышления, я, вместо того, чтобы принести пользу, быть может, задел бы и оскорбил обе власти.

Но и тут я снова возражал самому себе тем, что я рассуждал по совести, а потому никто не был вправе сердиться на меня, даже в случае моего заблуждения, ибо я нисколько не искал людского почта, ни какого либо временного преимущества, а поэтому, если люди с обеих сторон возмутились бы против меня, я бы оправдался свидетельством моей совести и ожиданием неотвратимого суда.

3. С другой стороны, я рассуждал про себя о причинах, могущих оскорбить представителей обеих сторон.

Со стороны Государства, — думал я, — лишь одно могло бы вызвать неудовольствие некоторых, а именно, если бы я не сумел согласиться с правом назначать епископов, отданным в руки светской власти. Но если я не приемлю подобную привилегию, я все же внутренне убежден, что она не менее губительна для Государства, чем для Церкви, и что думать иначе — большая политическая ошибка. Причины этого мнимого парадокса, имеющиеся у меня в руках, и изложенные в этой книге, таковы, что я могу воззвать к любому государственному мужу, способному углубиться в вопрос и силою разума победить обычные предрассудки, способному увидеть далеко идущие последствия политического принципа, рассчитать и согласовать между собой все совместные причины, лишь на основе которых возможно предсказать и измерить

полный итог какого-либо государственного установления. Следовательно, придерживаясь этого мнения, я думаю выказать не менее заботы о благе государства, чем о благе Церкви. Поэтому, власть предрешающие не смогут разумно воспротивиться моим словам, но напротив, должны будут принять их. Тот, кто считает иначе, возразит, что я мало понимаю в политике. Но разве недостаток у меня понимания может быть достаточным основанием, чтобы воевать со мной? Ибо, как говорил некто, и в политике часто тем лучше идут дела, чем лучше в ней понимают.

4. Со стороны Церкви, я не находил, что бы смогло вызвать неудовольствие других в предмете этой книги, если не то, что я указываю на избыток папских ризерв при выборах. Но, с другой стороны, это злоупотребление больше не принадлежит настоящему времени, но истории. И все, обладающие здравым смыслом, согласятся со мной в том, что нет причины для страха чистосердечно объявлять о подобных злоупотреблениях, если течение изложения того требует. Таким образом, прояснится, что мы не действуем в угоду людям и их действиям, но печемся лишь об истине и о деле Божиим. С другой стороны, казалось мне, что меня не должно было удерживать от написания книги уныние, которое я мог бы навлечь на множество людей, более отличающихся благими намерениями, чем глубокими взглядами, ибо я твердо был уверен, что мое сочинение не могло вызвать неудовольствия Святого Престола, суду которого я всегда намерен подвергать каждую мою вещь. Ибо образ мышления Святого Престола я всегда почитал благородным, полным достоинства и в совершенстве соответствующим истине и справедливости. Я не называл злоупотреблением того, чего сами великие понтифики не признавали таковым. Между прочим, припоминалась мне та достойнейшая Конгрегация кардиналов, епископов и клириков, которой Павел III в 1538 году под присягой поручил искать и невозбранно сообщать его святейшеству обо всех злоупотреблениях и отклонениях от правого пути, которые могли бы появиться при самом римском дворе. Невозможно было бы сыскать людей более достойных, чем те, кто составил эту Конгрегацию, ибо в нее входили четверо самых досточтимых кардиналов, а именно Контарини, Караффа, Садолето и Пол; три наиболее ученых епископа: Федерико Фрегозо, епископ Салернский, Джироламо Алеандро, епископ Бриндизский, Джан Маттео Жиберти, епископ Веронский. Вместе с ними были Кортезе, аббат монастыря святого Георгия в Венеции, и Бадиа, мастер Священного Дворца, впоследствии ставшие кардиналами. Эти великие своей ученостью, осторожностью и цельностью люди, имена которых превыше всякой похвалы, преданно исполнили задание понтифика, и не упустили и малейшего, чтобы не сообщить Святейшему Отцу из тех великих злоупотреблений, которые творились в области жалованных благоденствий и ризерв, и всего того, что происходило непотребного в распределении бенефиций. Не избег их острого взгляда и сам глубокий корень этих злоупотреблений, способный совлечь с прямого пути в пользовании властью, как само государство, так и служителей Церкви, который они раскрыли, и на который я сам намерен указать, — а именно, «утонченная лесть законников». Слова, использованные по этому поводу теми учеными советниками, в отчете, данном святейшему отцу, не могут быть более искренними и действенными, ибо они говорят: «Твое Святейшество, просвещенное Духом Божиим, Который, как вещает Августин, говорит в сердцах безо всякого шума словес, хорошо знает, каково начало этих зол, то есть каким образом некоторые понтифики, твои предшественники, по их желанию, избрали тех учителей, у которых в обычае льстить слуху, как говорит апостол, не для того, чтобы научиться должному, но чтобы из опыта и ловкости оных найти оправдание тому, чего им хотелось, из чего получилось (не учитывая того, что лесть следует, как тень, за каждой властью, и ушам государей всегда было сверх меры неприятно слышать правду), что неожиданно появились на свет доктора, учащие, что папа является владельцем всех бенефиций, из чего, как следствие, (поскольку владелец волен продавать принадлежащее ему) заключали, что понтифик не подлежит обвинению в симонии, а воля понтифика, какая бы она ни была, представляет собой единственное правило, согласно которому он может направлять свои действия. Таким образом, то, что ранее было запрещено, в силу этого закона становилось дозволенным. Так что, из этого источника, о Святейший отец, как из троянского коня полились на Божью Церковь многие злоупотребления и многие тяжелейшие недуги, страдающая которыми ныне предстает она нашему взору, а слава об этом позоре (верьте, Ваше Святейшество, тем, кто говорит сознанием дела) дошла до неверных, которые по этой-то причине насмеваются над христианской религией, так что для нас само имя Христово поносится среди языков».

После этих рассуждений я умиротворил внутри себя всякое сомнение, и с уверенной душой и свободной рукой решил писать этот небольшой трактат, о котором молю Бога, чтобы Тот направил его к Своей славе и к пользе своей Церкви.

Коррецола, 18 ноября МDCCCXXXII

* [В личном дневнике Розмини имеется запись: «1832, 18 ноября: находясь в Корреццолле (Падуя) вместе с другом Меллеро, опекуном герцога Мельци, которому принадлежит эта вилла, я начал писать книгу « *О пяти язвах* », которую закончил потом 11 марта 1833 года (Домодоссоло). Последняя глава переписана в Стрезе в ноябре 1847 года» – Valle 1981, p. 285. – *Здесь и далее в квадратных скобках, которым предшествует звездочка, приведены примечания переводчика*].

* [Святой (в православии «блаженный») Иероним (347 – 419), уроженец Далмации, переводчик с еврейского на латинский язык священного Писания, смело обличал поведение равнодушных христиан и беспечность римского священства во время своего второго пребывания в Вечном городе (382 – 385).

Святой Бернард Клервоский (1090 – 1153), цистерцианец, в своем трактате “De consideratione” (PL 182, 727-808), направленном папе Евгению III (Бернардо Паганелли ди Монтеманьо, 18. II. 1145 – 8. VII 1153), своему бывшему ученику, предложил план реконструкции церковной организации и, в частности, Римской курии.

Святая Екатерина Сиенская (1347 – 1380) является автором множества писем, направленных к папам, королям и кардиналам, в которых она требовала возвращения папского престола из Авиньона в Рим и церковной реформы].

Говорю «люди с обеих сторон», ибо в саму Церковь, коль скоро она поддерживается Духом Святым, не входят ни страсти ни разделения, и, следовательно, в этом смысле не следует от нее ожидать ничего страшного.

* [Павел III (Алессандро Фарнезе, 13. X. 1534 – 10. XI. 1549) – осенью 1536 года созвал комиссию, представившую папе 9 марта 1537 года документ Consilium delectorum cardinalium et aliorum praelatorum de emenda Ecclesia (Mansi, XXXC, coll. 347-356), на который ссылается Розмини. Павел III, по сложившемуся уже мнению, замыкает череду понтификов эпохи Ренессанса и стоит во главе начинающейся Контрреформации. Сам не чуждый злоупотреблениям, далеко не могущий служить примером духовной жизни, он парадоксальным образом стимулировал решающий перелом в истории Католической Церкви. Назначенные им кардиналы и епископы стали впоследствии подвижниками обновления – Galantino 1997, p. 114].

* [Гаспар Контарини (Contarini) (1483 – 1559) епископ Беллуно; Джампьетро Караффа (Caraffa) (1476 – 1559) в 1524 году совместно с Гаэтано да Тьене основал религиозный орден театинцев, – от итальянского слова teatino, то есть уроженец города Кьети, – в 1555 году был избран папой и принял имя Павла IV.

Якопо Садолето (Sadoletto) (1477 – 1547), епископ Модены, был сотрудником пап Льва X (Джованни Медичи, 19. III. 1513 – 1. XII. 1521), Климента VII (Джулио Медичи, 26. XI. 1523 – 25. IX. 1534) и Павла III, который призвал его потом для подготовки Тридентского собора.

Реджинальд Пол (Pole) (1500 – 1558), англичанин из Стаффордшира, был участником Тридентского собора в качестве папского легата с декабря 1545 года по июнь 1546 – Galantino 1997, p. 114].

* [Федерико Фрегосо (Fregoso) (1480 – 1541), уроженец Генуи, был назначен епископом Салерно в 1507 году папой Юлием III.

Джироламо Алеандро (Aleandro) (1480 – 1542), гуманист из Фриули, был назначен епископом Бриндизи и Ориа в 1524 году папой Климентом VII.

Джан Маттео Джиберти (Giberti), (1495 – 1548), родом из Палермо, был назначен епископом Вероны папой Климентом VII в 1524 году, улучшил дело образования духовенства в своем диоцезе и большое внимание уделил Литургии – Galantino 1997, p. 115].

* [Грегорио Кортезе (Cortese) (1483 – 1548), бенедиктинец, с 1542 года принимал участие в Конгрегации, подготовлявшей Тридентский собор.

Томмазо Бадиа (Badia) (1483 – 1547), богослов из Модены – Galantino 1997, p. 116].

Глава I. О язве на левой руке святой Церкви, которая есть отделение народа от духовенства во время всеобщего богослужения

5. Творец Евангелия есть Творец человека. Иисус Христос явился, чтобы спасти всего человека — тварь, составленную из тела и духа. Закон благодати и любви должен был, следовательно, войти во владение как духовной, так и телесной частью человеческой природы; поэтому он должен был явиться этому миру в таком виде, чтобы суметь достигнуть подобной цели, и закон этот, так сказать, должен был состоять частью из идей и частью из действий, обращаясь своим властным и в то же время живительным словом к разуму не менее чем к чувству. Потому и овладел он всем человеческим, чтобы и сами сухие кости смогли бы внять воле их Создателя и вернуться к жизни.

6. Еще не было достаточно, чтобы Евангелие охватило всего человека как личность. Благовествование, направленное на спасение всего человечества, не только должно было воздействовать на элементы человеческой природы, но и сопровождать эту природу своим божественным действием, не покидая ее никогда на всем пути развития, и поддерживая ее во всех последующих состояниях, которые та проходила бы, чтобы тяготение и склонность к злу не повлекли бы ее к разрушению, и чтобы ее движением руководил благодетельный закон постепенного совершенствования. Благая весть должна была соединиться с человеческими личностями и вместе с ними разворачиваться, переходя затем к объединениям, которые те создают. Принеся спасение человеку, она должна была возродить и спасти каждую человеческую общность, семью, народ, человечество в целом. Должна была установить целительные законы для всех этих образований, которые властвуют именем миролюбивого Бога, ибо сообщества есть дело рук человеческих, божественный же закон, царящий и господствующий над человеком, есть природный господин и властитель так же и над делами последнего.

7. Апостолы, просвещенные словом и примером Божественного Учителя, посланные Им научить и крестить народы, предстали пред миром совершить великий труд, и проявили себя облеченными полнотой духа, которая с необходимостью соответствовала этому великому предназначению.

Они не принялись основывать философскую школу. Призывая лишь к этому, апостольская проповедь смогла бы привлечь только малое количество людей, пусть эта школа и учила бы истине. Так произошло со всеми философскими сектами Греции, приток людей, к которым не был особенно большим, несмотря на частичную истину, или наименьшую долю лжи, ими проповедуемую.

Так же и дара говорить на всех языках было бы недостаточно для успеха, ибо любой язык содержит всего лишь различно выраженные данные об идеях, и всегда только об идеях, тогда как человеческая природа желает большего, а именно, реальных действий. И апостолы не струили на человеческий род одни лишь слова, как поступали философы, но дела. В то же самое время, когда пассивной части человеческого разума открылись светлые истины и глубокие тайны, а также представились для подражания героические примеры из жизни апостолов, эти посланники смогли дать мощный толчок, новое направление и новую жизнь и активной части разума. Следует отметить, что когда я говорю о делах, которыми глашатаи Евангелия сопровождали и восполняли действенность своих слов, я не намерен указывать на одни лишь знамения, действовавшие на внешнюю природу, и свидетельствовавшие о божественности апостольского служения. Сила, которую проявляли апостолы, и посредством которой они одолевали законы природы в знак почитания и свидетельства проповедуемых истин, имела целью убедить людей, что это учение верно. Но верность учения могла быть доказана и другими способами, а люди могли бы быть убеждены, даже не будучи удовлетворенными ею, ибо, как я уже говорил, если человеческая природа стремится найти истину во взаимоотношениях идей, и не может утешиться, пока не достигнет ее, эта природа побуждается к этому не менее сильным и существенным требованием, чем то, из-за которого непрерывно стремится она найти себе счастье в порядке реальных вещей, к чему и тяготеет по закону своей природы.

8. Были ли эти дела, которыми апостолы подкрепляли высокие слова, обращенные к роду человеческому, ими осуществляемыми добродетелями?

Несомненно, что добродетель есть весьма существенная необходимость для человека, ибо без нравственного достоинства он презирает самого себя. А кто сам себя презирает, не счастлив. Апостолы собственным примером представили взору развращенных грехом людей новое

зрелище всех тех добродетелей, которые сами они ранее узрели в Божественном Учителе. Но чем это могло помочь? Естественная нужда в добродетели была подавлена и задушена в человеке идолопоклонством, искусственным стремлением к мерзости. Добродетели апостольства не извлекли из глубины человеческой природы слово одобрения, ибо эта глубина уже превратилась в бездну, вход в которую подобно грозному Церберу стерегло от проникновения света человеческое растление. Эти добродетели, напротив, наслали на апостолов Божиих гнев и жестокость сынов человеческих, которые насладились и утолили жажду их кровью. Само лицо добродетели было уже забыто людьми, или оставалось знакомо только их ненависти, и даже там, где некоторые имеющие наиболее непорочную волю люди замечали остатки ее красоты, там, где сохранялись еще лучи ее божественной привлекательности, недостижимое совершенство, с которым посланники Христа подвизались в добродетели, не могло не породить в лишенных нравственной силы людях сознание безнадежности в желании получить ее, не могло не повергнуть их в уныние, которое есть дочь отчаянья и мать той мертвой неподвижности, с которой погрязший в разврате человек гасит всякую свою деятельность и успокаивается среди привычных для него пороков. Тем более что в жизни этих новых посланников виделся строй добродетели, который, будучи сверхъестественным, был незнаком человечеству. Сверхъестественные же добродетели могли быть познаны, и оправданы только посредством мудрости, которая начала бы с объявления немощности всего содержания разума, признаваемого человеком за наиболее несомненное из своих преимуществ, благодаря чему он особенно был доволен собой.

9. Итак, ни великие чудеса, ни добродетельные примеры, их сопровождающие, не смогли бы придать евангельскому учению мощь и действенность, достаточную, чтобы пропитать человечество и овладеть его основами и развитием. Эти чудеса имели бы одну только силу доказывать истинность проповедуемых теорий, будучи, сами по себе, бесплодными и недейственными, а погрязшие в пороке люди не смогли и не захотели бы оценить их преимущества, или, в лучшем случае, лишь немногие дивились бы им, тщетно и отчужденно, как порождением необыкновенных существ, недоступных для подражания сообществу смертных. Где же находилось тогда то сокровенное могущество, по действию которого слова апостолов становились более чем просто словами, и поэтому так разнились от речей, произносимых учителями человеческой мудрости? Откуда происходила та спасительная сила, что охватывала всю глубину человека до самого последнего уголка души, и так торжествовала над ним? К каким выдающимся действиям прибегали апостолы, чтобы спасти всего человека, его мыслящую и аффективную части, и подчинить весь мир Кресту?

Для того чтобы познать дела, которыми посланникам Христа было заповедано сопровождать их речи, необходимо вспомнить текст полученного ими задания. Что заповедал им Иисус Христос? — «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа». Ни один человеческий мудрец не говорил со своими учениками подобным образом. В таком предписании определено все то, что должны были сделать апостолы как по отношению к пассивной части человека, так и по отношению к способности действовать, которой он наделен. Ибо по отношению к разуму, который пассивен, поскольку предназначен принимать истину, было сказано — «научите все народы» — и в то же время, словами «крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» было заповедано возродить волю, в которой заключается вся человеческая деятельность, более того, весь человек. Так было установлено таинство, которое представляет собой дверь ко всем остальным таинствам, и при помощи которого сокрытая в человеке способность искать единого и троичного Бога должна была осуществить обновление земли, воскресить уже угасшее в грехе и навечно погибшее человечество.

10. Следовательно, таинства, и среди них наиважнейшее, то есть таинство, родившееся из жертвоприношения Агнца, Который перед смертью, окормляя апостолов Своей плотью, сказал им — «сие творите в Мое воспоминание», — были теми таинственными обрядами, теми могучими деяниями, которыми апостолы переделали весь мир. И эти таинства были также словами, то есть знаками, но теми словами, которых не имелось у школ эллинской мудрости: были словами, но не теми, что затрагивают лишь телесный слух, ни теми, что только обогащают ум, а словами, которые отворяют воскрешенному сердцу человека бессмертную красоту истины и действительные дары добродетели, раскрывают чувствам Бога, сокрытого, чтобы не оскверниться от соприкосновения с нечистым человечеством. Наконец, они были словами и знаками, но словами и знаками Бога, творившими новую душу внутри ветхой, новую жизнь, новые небеса и новую землю. Одним словом, то, что апостолы приобщили к своей проповеди, было всеобщим богослужением, которое, в основном, заключается в жертве, таинствах и связанных с ними молитвах.

11. Учение, распространяемое вместе с проповедью, было теорией; практическая же сила и способность действовать рождались из культа, откуда человек должен был черпать благодать Всемогущего. Было обычным смешивать эти два слова — «нравственность» и «практика» — и придавать им общее значение, говоря одинаково «нравственная философия» и «практическая философия». Так случилось, что когда философ преподавал предписания нравственности, то тем самым убеждал лишь быть человеком добродетельным; а его последователи, лишь услышав и усвоив определение порока и добродетели, убедили самих себя, что уже содержат в себе добродетель и свободны от пороков. Несчастливая гордыня человека! Дьявольская самоуверенность разума, который верит, что всякое благо осуществляется в нем самом, и не знает, что знание это лишь слабая и простейшая основа блага, и что истинное благо принадлежит реальному действию, действительной воле, а не только простому разумению! Эта самонадеянность разума и есть вечный соблазн человечества, продолжающийся по сей день, с той минуты, когда было сказано людям: «откроются глаза ваши, и вы будете, как боги».

12. Между тем, когда Творец человека вознамерился преобразить это свое творение, то не удовольствовался одним лишь сообщением его разуму нравственных предписаний, но также придал его воле *практическую способность* выполнять их. И если Он прибавил к этой способности внешние обряды, то сделал это, чтобы показать бескорыстность Своего дара человеку. Он пожелал соделать эти обряды также и таинствами, то есть знаками, лишь для того, чтобы согласовать их с природой существа, для чьего спасения они были установлены, и которому, в силу его разумности, подобало, чтобы именно посредством знаков и слов ему были сообщены жизнь и спасение.

13. Благодать, укрепляющая волю, сообщается посредством разума; в этом смысле является разумным чувство, посредством которого христианин ощущает своего Бога, которым он жив и силен в действии. Апостолы и их преемники для того украсили святыми молитвами, чинами, внешними значениями и благороднейшими обрядами немногие установленные Христом таинства, чтобы публичное богослужение Спасителя людей более подобало чести Богочеловека и собранию тех, кто уверовал в Его слово. В этом апостолы следовали примеру их Божественного Учителя, то есть они не учреждали в храме никакой лишней значимости вещи: все должно было возвещать и обозначать высокие и божественные истины, ибо не должно было быть немым и лишенным света правды ни одно действие, совершаемое на богослужении, куда собирались поклоняться и молиться Существу, излучающему способность понимать на разумные создания, и где верховный Разум, приемлющий умное почитание, отмечал Собой, Собой освещал и наполнял жизнью их природу. Обряды, и чинопоследования, которые Церковь собственной властью приобщает к установленной Самим Христом части богослужения, то есть к основанию всего католического культа, не только обладают собственными значениями, как сами Таинства, но и причастны к животворной силе последних, откуда посредством священных истинных значений, сущих в разуме, доходит до сердца укрепляющая добродетель, чтобы возродить в человеке волю к добру.

14. Но следует сделать и другое замечание по поводу христианского культа, введенного одновременно с проповедью христианства. Этот культ, которому Бог придал Свою благодать, с целью побудить людей к исполнению нравственного учения, не был просто зрелищем, предоставленным взору народа, чтобы этот последний стал только зрителем происходящего, и не вступал как вершитель в чинопоследование священнодействия. Несомненно, собрание верующих во Христа могло быть просвещено одним лишь созерцанием совершающегося в Церкви, даже будучи простым зрителем священного представления, и Бог — совершенный властелин Своих даров — смог бы, если пожелал, одному лишь зрелищу совершаемого священниками богослужения придать живоносное влияние Своей благодати. Но Он не пожелал этого, чтобы все наиболее подходящим образом сообразовалось с человеком: пожелал, напротив, чтобы сам народ в храме служил большую часть культа, и чтобы над народом совершались священнодействия, как происходит, когда над ним творятся таинства и церковные требы, и сам народ, соединенный с духовенством посредством разума не менее чем посредством воли и действия, действовал вместе с духовенством, таким же образом, как во всех молитвах, где сам народ молится, отвечает на приветствие и на призывание священника, желает мира его духу, предлагает жертвы, участвует в самом совершении таинства, как, например, при бракосочетании. Одним словом, в Католической Церкви духовенство временами представляет Бога, говоря и действуя над народом от имени Бога; временами же и оно, духовенство, соединяется с народом, и как принадлежащее Главе человечества, будучи членом Его тела, взывает к Богу, ожидая от Него таинственного действия, которое принесло бы с собой духовное исцеление и укрепление. Поскольку же церковное богослужение одно единственное, то

оказывается, что народ и духовенство, упорядоченным согласием и в соответствии с разумом вместе совершают одно и то же действие.

15. В Церкви все верующие, духовенство и народ, представляют и составляют то великолепное единство, о котором сказал Христос, говоря: «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»; и еще, обращаясь к Отцу: «ясность, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как мы едино». Следует отметить, что это невыразимое единство духа, о котором говорит Христос такими величественными словами, и так на том настаивает, находит свое основание в «ясном свете разума», данного Христом Его Церкви для того, чтобы верующие были одно с Ним, приобщаясь к одной истине, или, скорее, к Нему Самому, чем к истине. Чтобы быть в совершенстве согласными между собой в том, о чем просят у Бога собирающиеся вместе, чтобы умолять Его снизойти к их нуждам, необходимо, или, по крайней мере, весьма полезно, чтобы все слышали и понимали то, о чем говорится в молитвах, которые они совместно воссылают к трону Всевышнего. Это совершенное единство чувств является как бы условием, поставленным Христом культу, который христиане для Него отправляют, чтобы этот культ был приемлем для Него, и Он Сам пребывал бы среди верующих. Достоинно внимания то, с какой решительностью выражает Христос это условие или этот закон, который должен отличить истинно христианскую молитву и отделить ее от иудейской, состоявшей в вещественном культе и неявно выраженной вере. Он не удовлетворяется требованием, чтобы верующие в Него молились, собравшись вместе, и в согласии воли, но четко говорит, что желает их единства «во всем, что те у Него просят». Так печется Христос о единстве своих! — о единстве не тел, но умов и сердец, благодаря которому народ Христов всех сословий, собранный у подножья алтаря Спасителя, составляет единую личность и тот Израиль, который, согласно сказанному в Священном писании, борется и продвигается вперед, как один человек. Но когда же, наконец, сбудется, что весь народ христианский пребудет в согласии, и в совершенном единстве, что он в общности будет исполнять священнодействие, сознавая все, что будет делать, и все, что будет делаться, исполненный единым желанием, целиком включаясь в богослужение не только телесно, но и в совершенном разумении священных таинств, молитв и обрядов, из которых состоит отправление божественного культа? Необходимо, чтобы народ понимал голос Церкви, раздающийся в публичном богослужении, чтобы был он просвещен во всем, что говорится или делается при священном жертвоприношении, при совершении таинств и всех церковных чинов: именно поэтому то, что народ почти отделен и отъединен разумом от молитвенного служения Церкви, есть первая из открытых язв, истекающих живой кровью, на мистическом теле Иисуса Христа.

16. Этим я вовсе не хочу сказать, что если некий христианин, без своей на то вины, не ведает значения церковных обрядов и пребывает без ясного понятия по отношению к тому, что говорится и делается при публичном богослужении, то он не в состоянии свято поклоняться Богу, не может возносить Ему приемлемых молитв. Я хорошо знаю, что «Дух, — как говорит святой Павел, — подкрепляет нас в немощах наших; ибо мы не знаем о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными. Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по воле Божьей». Известно мне, что глас самих простецов и невежд проникает небеса, если подвигнут Духом. Несчастное человечество, если это было бы не так! Но я лишь намерен утверждать, что после того, как Иисус Христос и Церковь, утвердили богослужение таким образом, что оно содержит слова и знаки, посредством которых происходит общение с христианским народом, а тот отвечает, или принимает действительное участие, то кажется согласным с намерением Христа и Церкви, чтобы народ, вообще говоря, присутствовал и, насколько возможно, разумно участвовал в священнодействии, ибо там, где это осуществится, народ получит большее духовное удовлетворение от священнодействия, воспламенится сердцем, приобретет большее почтение и преданность христианскому благочестию, и более привяжется к духовенству, лучше узнав его достоинства. Следовательно, братская любовь распространится между духовенством и народом, между верующими, составляющими народ Божий, посредством святой любви и религиозных чувств, при помощи духовного общения, в котором все ощущают себя действительно соединенными в одно сердце, в одну семью, отец которой есть Бог. Насколько способствует распространению в сердцах верующих того Духа, Который молится и взывает несказанным гласом! Насколько полезно это сохранению христианского народа в любви к своим учителям во Христе, которые должны вести его по пути к спасению!

17. Много причин было у этого печального и несправедливого разделения, но две из них кажутся основными.

В символах, установленных Христом, и в обрядах, добавленных Церковью, выражено и запечатлено все учение, касающееся как догматики, так и евангельской нравственности, на

общем для всех народов языке, то есть на языке знаков, который в видимых представлениях открывает перед взором истину. Но этот почти естественный и всеобщий язык для того, чтобы быть полностью понятым, требует в том, к кому он направлен, заведомое осознание истины, воспоминание о которой он должен вызвать в душе. Таким образом, народ христианский тем менее понимает и усваивает из высокого смысла, выраженного христианским культом, чем менее он просвещен евангельской проповедью. Поэтому Христос пожелал, чтобы научение истине предшествовало священнодействию, и прежде чем сказать апостолам «крестите все народы», сказал им: «научите их». Недостаток полного и жизненного обучения, данного христианскому народу (которому вредит языческий предрассудок, будто полезно держать его в частичном невежестве, или не подпускать к наиболее высоким истинам христианской веры), является первой причиной разделительной стены, вставшей между ним и служителями Церкви.

18. Говорю о *полном и жизненном обучении*, ибо вещественное обучение преобладает в наше время, может быть, как ни в какое другое. Катехизис на памяти у всех: катехизисы содержат догматические формулировки, окончательные высказывания, наиболее простые, наиболее точные, к которым объединенный труд всех учителей Церкви на протяжении многих веков с дивной остротой понимания и, более всего, с помощью Духа Святого, говорящего в Соборах и всегда присутствующего в рассеянной по всему миру Церкви, свел все христианское учение. Такая краткость и такая точность, несомненно, являются прогрессом; слово выражает истину и только истину; надежный путь намечен, идя по нему, преподаватели могут без особой на то подготовки наполнять слух верующих наиболее сокровенными и величественными догматами. Но является ли преимуществом то, что сами преподаватели христианских истин сами могут быть освобождены от глубокого изучения этих догматов? Если им облегчено вещать точные формулы верующим, которых они обучают, разве тем самым облегчено вхождение этих формул также и в их собственный разум? Разве легче доходят эти формулы до их собственного сердца, достичь которого возможно лишь через разумение? Сокращение учения, совершенствование облекающих его высказываний, их сведение к последней догматической ясности и, в особенности, к неподвижному фиксированию и, так сказать, к единственности разве сделало эти высказывания также более доступными для общего понимания? Разве нет оснований подозревать обратное, а именно, что разнообразие и множество высказываний есть наиболее подходящее средство для введения во множество душ понятия об истине, ибо одно высказывание поясняет другое, и форма, неприемлемая для одного слушателя, прекрасно соответствует другому. Одним словом, призыванием на помощь всего, так сказать, избытка божественного языка не испытываются ли все пути, не используются ли все входы, через которые слово достигает души слушателя? Разве не правда, что одно единственное неподвижное высказывание лишено не только движения, но и жизни, и оставляет в недвижимости не только разум, но и сердце слушающего? Разве не верно, что преподаватель, произносящий непонятное для него самого, каким бы тщательным не был он в дословном повторении того, что получил в другом месте, извергает устами холод и вместо теплых лучей распространяет оледенение среди окружающих? Слова и предложения, чем они совершеннее и полнее, тем более нуждаются в помощи разумения, чтоб достигнуть самой его глубины, и более требуют мудрых объяснений, поэтому для большинства они оказываются, как питательный хлеб для младенческого желудка, который не переваривает его не размягченным и не крошенным. Те, если угодно, несовершенные формулы, которые некогда использовались для преподавания христианских догматов, имели, возможно, в своем несовершенстве то преимущество, что не сообщали роду человеческому полную и концентрированную истину, но разбитую на части, а пространная речь смягчала недостаток высказываний, если таковой имелся, склеивала и соединяла частицы истины, расчлененные лишь во внешнем выражении, так что сама истина склеивалась и сама собой собиралась воедино в умах и душах, куда проникала, сама себя созидая и восполняя. Несомненно, истина не может действовать в душах, если вместо нее удовлетворимся ее мертвым изображением, словами, которые ее выражают хоть и точнейшим образом, но точность которых вряд ли вызывает нечто большее, чем раздражение слухового чувства, ибо слова эти застревают и умирают в ушах. Справедливо, что когда допускают отрока к великим тайнам Церкви, то заботливо спрашивают у него, знаком ли он с основными церковными таинствами. Он наизусть отвечает формулировки, и это свидетельствует о его знании. Однако весьма сомнительно, чтобы отрок, произносящий на память слова катехизиса, понимал в них хоть немногим более того, кто ни разу о них не слышал. Но что же? Разве введение нового катехизиса принесло более ущерба святой Церкви, чем преимущества? Было бы странным, если бы таковым оказался итог учреждения, так много обещавшего, когда оно рассматривалось само по себе. Но надо сказать по поводу этих дивных компендиумов христианского учения то же самое, что апостол говорил о

законе Моисея, что «закон свят, и заповедь свята и праведна и добра», и что он «добр, если кто законно употребляет его». Недостаток, стало быть, в человеке, а не в вещи. Использование современного катехизиса, само по себе, есть великолепное изобретение, которое должно было появиться в Церкви по закону развития, коему подчинены все человеческие дела, поддержанные христианством. Это забота духовенства: у него будет спрошен отчет о добре и зле, порождаемых этим и другими дивными учреждениями, которыми Святой Дух непрерывно обогащает Церковь, утвержденную Словом и которые, мертвые сами по себе, от мудрости и умения духовенства ждут своей жизни.

19. Но не одни лишь обряды говорят христианам. К языку действий, к зримым знакам Христос, учредивший культ, и сама Церковь прибавили еще и слышимые знаки, то есть произнесенное голосом слово, которое с необходимостью должно было изменяться в соответствии с многообразием народов. Однако против этого препятствия к непосредственному общению Провидение снарядило Римскую империю, которая, составив из бесчисленного множества наций одну общность, донесла латинский язык почти до пределов земли. Так народы, призванные к Евангелию, обрели общее наречие, благодаря которому они понимали слова, сопровождающие и объясняющие таинства и обряды. Именно по этой причине слова являются формой таинств, ибо Христос хотел самыми определенными из всех знаков наиболее ясным образом говорить с человеческим разумом, и, говоря с ним, мистически действовать. Для этого было необходимо, чтобы сила таинств не зависела лишь от веществ, используемых при их совершении, которые сами по себе изменчивы, немые и не выражают ничего определенного. Слово же, напротив, изъясняет разумению применение вещества и цель, с которой то используется, и, таким образом, разумение обретает ясность по отношению к представленным ему вещам и силу, посредством благодати, которая сопровождает священный обряд. Не следует думать, что благодать таинств задерживается по причине невежества тех, кто получает его, не понимая значения священных слов, ибо таинства действуют ex opere operato: но кто понимает значение, может лучше сотрудничать с самой благодатью. В дальнейшем войны и смешение народов изменили их наречия. Язык Церкви, таким образом, уже давно перестал быть языком народов, и народ, по причине этого огромного изменения, очутился во тьме, отделенный разумением от той Церкви, которая продолжала говорить с ним, о нем и ради него; и которой он не может ответить лучше, чем изгнанный на чужбину странник, внемлющий одним лишь совершенно для него бесполезным и лишенным значения звукам.

20. Эти два бедствия — снижение жизненно важного обучения, и выход латинского языка из повседневного употребления — обрушились на народ христианский одновременно и по одной и той же причине, а именно, из-за нашествий, которые северные варвары предприняли на южные страны. Общество было пропитано язычеством и его духом; христианское учение восторжествовало к тому времени лишь в личностях. Даже обращение цезарей в христианство было только приобретением отдельных личностей, влиятельных, но все же личностей. В судьбах христианства, которому подчинено все, было написано, что слово Христа должно было проникнуть в общество, что оно должно было судить науки и искусства, рассудив прежде людей, что каждая культура, каждый расцвет человечества, каждая общественная связь произросли заново лишь из него. Следовательно, Провидение приговорило к разрушению античное общество, и сдвинуло его с основания. Чтобы привести в исполнение эту анафему, орды варваров, ведомые Ангелами Господними, чередуясь и накладываясь друг на друга, не только разрушили Римскую империю, но и смели ее руины. Так была приготовлена свободная земля для великого здания нового общества верующих. На самом деле, в истории человечества средние века являются пропастью, отделяющей два мира, — античный и новый, — которые не имеют между собой общего более чем два разделенных бескрайним океаном континента. На весах божественной мудрости, два бедствия, — невежество и потеря церковного языка, — постигшие тогда народ верующих, весили меньше, чем благо, которое эта мудрость узрела в решительном разрушении общественных установлений и обычаев идолопоклонства. И этим суровым приговором Всевышний ускорил пришествие на лицо земли нового общества, крещенного кровью и возрожденного словом Бога живого.

21. Но если из-за этих двух бедствий Бог попустил, чтобы Церковь была уязвлена столь глубокою язвою разделения народа христианского и духовенства во время всеобщего богослужения, разве неизлечима эта язва? Разве справедливо, что этот народ, бывший во времена Господа не только зрителем, но и по большей части вершителем, ныне почти должен ограничиваться лишь материальным присутствием? Говорю «почти», ибо слишком трудно для народа с уже огрубленным разумением участвовать в обрядах, которым он уже не принадлежит, и которых не понимает. И это его отвращение к посещению христианских церквей становится потом

несправедливой причиной, из-за которой человеческая нечестивость толкует в таком странном и далеком от истины смысле *compelle intrare*, сказанное Спасителем.

Если народы и племена были сотворены доступными для оздоровления, то еще более излечимы недуги Церкви; мне кажется клеветой на ее божественного Творца думать, что Тот, Кто молился Своему Небесному Отцу: «соблуди их во имя Твое, тех, которых Ты мне дал, чтобы они были едино, как и Мы», мог бы допустить, чтобы между народом и духовенством такое длительное время существовала разделительная стена, и чтобы все, что говорится во время совершения священных таинств, было полно притворства; мог бы допустить, что народ, ради которого воплотился свет Слова, и который сам возродился служением Слову, присутствовал бы на великих действиях этого служения так, как присутствуют статуи и колонны храмов, глухим к голосу, обращенному к нему матерью Церковью в наиболее величественные мгновения, когда она говорит и действует в лице и действе Церкви; и чтобы духовенство, отгороженное от народа на невероятную, недоступную высоту, выродилось бы в патрициат, в обособленное сообщество, оторванное от остального общества, наделенное собственными интересами, своими законами и обычаями: ибо таковыми являются плачевные последствия, казалось бы, небольшой причины, которой неуклонно подлежит духовенство, ныне лишь вещественно предстоящее народу, а на деле отсутствующее в великой, то есть народной общности верующих.

22. Но если язва излечима, какое должно быть оздоровительное средство? И кто его наложит? Хотя мы изложили недостатки, вызванные тем, что в народе прекратилось понимание латинского языка, нашему духу чужда мысль, что священную литургию подобает перевести на народные языки. Не только Латинская Церковь, но и Греческая и Восточные Церкви неизменно сохранили богослужение на древних языках, на которых оно было написано, и божественная мудрость способствует Католической Церкви, как в ее догматических и нравственных решениях, так и в дисциплинарных распоряжениях. Полностью примыкая к этой мудрости, мы признаем, что недостаток непонятного для народа языка священнодействий возмещен некоторыми преимуществами, и что перевод священных обрядов на народные языки, принес бы с собой более сильные неудобства, и это средство было бы хуже самого недуга. Преимущества сохранения древних языков, в основном, следующие: представление древними литургиями неизменности веры; объединение многих христианских народов в одно служение, с одним и тем же языком, яснее дает ощутить единство и величие Церкви, и их собственное взаимное братство; присутствие в древнем почти что небесном и сверхчеловеческом языке чего-то почтенного и таинственного, ибо и у язычников почитались древние языки, неизменно сохраняемые в их религиозных церемониях и торжественных молитвах; распространение чувства доверия в том, кто умеет молиться теми же словами, которыми на протяжении веков молились Богу бесчисленные святые люди и наши отцы во Христе; выработанная трудами святых приспособленность древних языков к подобающему выражению всех священных таинств. Неудобства, которые вызвал бы перевод богослужения и церковных молитв на народные языки, кроме потери вышеуказанных преимуществ, в основном, следующие: существует огромное множество народных языков, стало быть, кроме невероятного труда, было бы введено огромное разделение среди народов, и уменьшилось бы то единство и согласие, которое мы так желаем, и намереваемся внедрить при помощи этой книжки; современные языки изменчивы и непостоянны, поэтому пришлось бы притязать на почти непрерывные изменения в священнодействиях, атрибутом которых является постоянство; поскольку многие изменения невозможно непрерывно и должным образом проверять, в опасности оказалась бы сама вера; народ, ревностный к единообразию и постоянству священного культа, к которому он привык с детства, опечалился бы, ибо изменение культа показалось бы ему изменением самой религии; современные языки не всегда находятся в состоянии, подходящем для выражения всего религиозного, что выражают древние языки, приспособленные к тому духом христианства и трудами святых. Я здесь не перечислил все преимущества древних языков, ни все неудобства языков современных; однако высказал уже достаточно, чтобы полностью доказать, что для предотвращения ущерба, нанесенного отделением духовенства от народа в богослужении, нельзя прибегать к средству введения в Церковь других языков, отличных от тех, которые освящены вековым применением, ибо это средство, как мы уже сказали, было бы хуже самого недуга.

23. После исключения этого пути остаются только два выхода: один — возможное поощрение занятий латинским языком, распространение его среди наибольшего числа верующих, к чему улучшение методов его преподавания, облегчающее и сокращающее изучение, будет весьма полезным; другой — преподавать христианскому народу тщательное объяснение богослужения, вводя обычай, чтобы грамотные христиане (а все должны бы быть грамотными) присутствовали на богослужении, держа в руках специальные книжки, в которых содержался бы народный

эквивалент того, что в Церкви говорится по латыни.

Но кто же, спрашиваем мы, применит это спасительное средство? Духовенство. Только католическое духовенство способно сначала приготовить лекарство, а потом достичь исцеления язвы, на которую мы указываем. На его устах лежит слово жизни, Христос его утвердил на спасение человечества, оно есть соль, оно есть свет, оно есть всеобщий лекарь.

Что же мешает скорейшему применению этого средства?

Это происходит по вине другой язвы святой Церкви, которая кровоточит не менее первой, а именно по вине недостаточной образованности самого духовенства.

Под «отделением» здесь не подразумевается отторжение от причастия, которого не может не доставать в Церкви Христовой. Автор понимает под «отделением» тот недостаток действительного единения, которое возникает между духовенством и народом, когда один полностью постигает обряды и молитвы, совершаемые и творимые другим во время богослужения.

Ср. *Ин VII*, 23.

* [Ср. «Трезвевый Цербер, хищный и громадный» – Данте Алигьери, «Божественная комедия», Ад, VI, 13; перевод М. Лозинского].

Мф XXVIII, 19.

* [В этом предложении проявляется одно из основных положений метафизики Антонио Розмини – врожденная идея потенциального бытия Бога, – которое наиболее глубоко разработано им в произведении «Новый опыт о происхождении идей»].

* [*Быт III*, 5].

* [*Мф XVIII*, 20].

* [*Ин XVII*, 22 – латинское *claritatem* Розмини переводит как «ясность», а не как «славу» (так в русском Синодальном переводе и общепринятом итальянском переводе)].

* [*Рим VIII*, 26-27].

* [*Рим*, VII, 12 и *1 Тим I*, 8].

Учреждение Ораториев и Марианских конгрегаций было трудом некоторых святых, которые хорошо видели, что благочестие христианского народа нуждается в какой-то другой особенной пище, ибо публичного церковного богослужения уже не доставало. Строгие люди, которые придерживаются теории и мало заботятся изменением обстоятельств, сильно воспротивились этим учреждениям, которые их взгляду казались в Церкви новыми, неизвестными почтенной древности и почти поношением для привычного церковного богослужения, как если бы этого последнего не было так же достаточно, как в первые века. Но этим строгим и непоколебимым цензорам не приходило на ум, что священные обряды стали недоступными для народа. Против этого св. Филиппо Нери, св. Игнатий и другие, у которых в сердце была потребность приносить благо душам, становятся важнейшими свидетелями в пользу истинности наших слов.

* [Ораторий – в начале так называлась группа учеников, священников и мирян, впервые собранная около 1550 года вокруг св. Филиппо Нери, объединенная не обетами, а одной братской любовью. Традиция довольно быстро распространилась почти по всей Европе. Позже папа Григорий XIII (Уго Бонкомпаньи, 25. V. 1572 – 10. IV. 1585) придал ораторию структуру конгрегации, однако, эти образования сохранили значительную гибкость, и поныне остаются довольно живучими и деятельными в Католической Церкви. Во времена Розмини Оратории играли известную роль во время католического подъема в Англии. К этому объединению принадлежал Джон Ньюмен, так высоко ценимый Розмини, который по странному стечению

обстоятельств, несмотря на обоюдное желание, не смог лично встретиться с итальянским мыслителем].

* [Убеди придти (лат.) — Ср. Лк XIV, 23: «Господин сказал рабу: пойдя по дорогам и изгородям и убеди придти, чтобы наполнился дом мой»].

* [Ин XVII, 11].

В догматической булле *Auctorem fidei*, изданной Пием VI * [Джованни Анджело Браски, 22. II. 1775 – 29. VIII. 1799], было определено: *Propositio Synodi, qua cupere se ostendit, ut causae tollerentur per quas ex parte inducta est oblivio principiorum ad liturgiae ordinem spectantium, revocando illam ad maiorem rituum simplicitatem, eam vulgari lingua exponendo et elata voce proferendo: Temeraria, piarum aurium offensiva, in Ecclesiam contumeliosa, favens haereticorum in eam conviciis. (Prop. XXXIII, et iterum LXVI).*

* [Именно в 1849 году Розмини опубликовал брошюру подобного рода].

Глава II. О язве на правой руке святой Церкви, которая есть недостаточное образование духовенства.

24. Проповедь Евангелия и богослужение в самые прекрасные времена церковной истории были двумя самыми великими школами христианского народа. Первая просвещала верных словом; второе — словом, совмещенным с обрядами, и, главным образом, с теми обрядами, к которым их божественный Установитель приобщил особое сверхъестественное действие, то есть божественной литургией и таинствами. Оба эти обучающих средства были полными, то есть ни одно из них не обращалось к какой-либо одной составляющей части человека, но ко всему человеку. Они проникали в него, как мы уже сказали, и завоевывали. Эти средства не были лишь голосами, которые понимаются одним только разумом, ни лишь символами, которые властны над одними лишь чувствами. Но посредством разума, равно как и при помощи чувств и голоса и символов, они обволакивали сердце и наполняли христианина высоким ощущением всего мироздания, божественного и таинственного. Это ощущение было деятельным и всемогущим, как и благодать, его насылающая, ибо слова евангельской проповеди исходили от святых, которые переливали в слушателей изобилие духа, наполнявшее их самих; а обряды, действенные сами по себе, еще более усиливались наилучшей внутренней расположенностью верующих, подготовленных воспринимать спасительные следствия пастырского слова и ясно понимающих все, что делалось в Церкви, и что делали они сами. Из этих верующих призывались потом священники. Они несли с собою в избирающую их на высокую честь своих служителей Церковь глубокое, как и их вера, подготовительное обучение, приобретенное ими в общине верующих посредством молитвенного труда и божественного посещения, то есть нисхождения благодати. Это позволяло им знать и глубоко чувствовать великое вероучение, которое они исповедовали. Несомненно, из познаний народа, которому по происхождению принадлежат служители алтаря, можно предсказать и познания этих последних: иметь представление об одних только верующих первых времен и об их святых собраниях, было бы достаточно, чтобы понять, какими должны были быть их священники. Таким образом, объясняется необъяснимо дивный для нашего взора переход, благодаря которому в те времена простой мирянин, голосом большинства востребованный на пастырское служение, и тщетно этому большинству возражающий, за несколько дней превращался в умудренного епископа. И это вовсе не было редким явлением в древности, как свидетельствуют многие примеры, а именно: св. Амвросия, св. Александра, св. Мартина, св. Петра Хризолога, в одно мгновение воздвигнутых на епископство из смиренного состояния простого верующего, из незаметной жизни, наполненной мирскими заботами. Внезапно поставленные на подсвечник, они озарили всю Церковь чудесным светом.

25. По тому же закону и наши пастыри во всем походят на наших мирян. Ибо, вообще говоря, они и не могут быть иными, происходя из христиан, которые в священных обрядах, быть может, никогда и не понимали ничего, и присутствовали на них лишь как посторонние зрители на зрелище, о котором так и не получили разъяснения от священников. Они, быть может, никогда и не ощущали свою честь быть членами Церкви, никогда не осознавали и не испытывали того духовного и материального единения, в котором народ и духовенство совместно припадают к Всемогущему и общаются с Ним, а Он с ними. Может быть, многие из них всегда считали

священство, ибо оно живет от доходов алтаря, лишь привилегированной и достойной зависти социальной прослойкой, чем-то вроде высшего сословия, не отличающейся от любого другого светского начальства, чем-то существующим лишь для себя, а не наиболее благородной составляющей частью церковного тела, которого и сами миряне являются пусть меньшими членами, но которое имеет одно действие для служения, один голос для молитвы, одну жертву для предложения, одну благодать, нисходящую с неба. Отсюда происходит то распространенное в народе высказывание, что все дела Церкви суть-де поповские дела. Когда же, наконец, начнется приготовление и образование для истинного и великого пастырского мышления учеников, ныне приступающих к церковной школе такими неснаряженными! Лишенные первичных основ, которые заведомо должны предполагаться в них, и для которых церковное образование должно быть лишь дальнейшим развитием, они, желая стать священниками, не имеют и отдаленной мысли о том, что такое пастырская наука, не знают, чего хотят и за чем приходят к священному училищу.

26. И тем более плачевен, ибо на первый взгляд не кажется таковым этот недостаток необходимой подготовки у тех, кто приписывает себя к духовенству для получения священнического образования. Поэтому невозможно воспитывать там, где нет для этого твердой почвы, в особенности же, если дело касается нужного для католического священника образования, которое с необходимостью предполагает христианина, ибо быть христианином не означает иного, чем нахождение на первой ступени священства. По причине такого недостатка ученики святых мест приносят с собой полное отсутствие церковного мышления, если только не идеи и представления мира сего, весьма хорошо ими усвоенные, ибо эти юноши никогда не имели никакого другого обучения в противовес мирскому. А с идеями и представлениями несут они и школярский дух, который некоторое время способен притаиться даже под черной сутаной пусть даже и в сообществе с неиспорченными нравами. Так вводятся в заблуждение духовные начальники, которые не замечают, что этого недостаточно для Церкви Христа, явившегося наполнить Собою все вещи, а более всего умы священников, предназначенные для того, чтобы узнать самим и преподавать другим все великое в той религии, которая должна завоевать и спасти все человечество в целом. Ныне же, напротив, ничтожность и убогость мыслей и чувств, которые составляют снаряжение и ядро современного церковного образования, производит лишь священников, совершенно не имеющих понятия ни о христианском мире, ни о христианском священстве, ни о том, какими священными узами одно связано с другим. Эти узкогрудые служители с иссушенным разумом, становясь в последствии священниками и главами Церквей, готовят других священников, которые оказываются еще более слабыми и ничтожными, становясь, в свою очередь, отцами и учителями других, из поколения в поколение с необходимостью вырождающихся учеников, ибо «ученик не выше учителя», если только Сам Бог не пошлет помощь, исполнившись милосердием к своей возлюбленной Церкви.

27. Несомненно, что лишь великие люди способны формировать великих людей, и это есть другое достоинство древней системы обучения священников, которая приводилась в жизнь рукою лучших людей, имевшихся в Церкви. Кроме этого, ныне имеем и другую причину недостаточной образованности нынешнего духовенства.

В первые века епископский дом был семинарией священников и диаконов; всегдашнее присутствие и святая беседа их прелата была пламенным уроком, непрерывным и величественным, в котором сообщая усваивались теория его ученых слов и практика его неустанного пастырского попечения. Таким образом, рядом с Александрями возрастали юные Афанасии, рядом с Сикстами — Лаврентии. Почти каждый великий епископ для себя готовил в своей семье достойного преемника, наследника его заслуг, его ревности о Боге, его мудрости. Именно такому способу обучения должны своим существованием великие пастыри, которые соделали такими дивными и счастливыми первые шесть веков Церкви. Способ этот был полным и совершенным учреждением, в котором семейной традицией из уст в уста с верностью переходило священное предание божественного и апостольского учения. Да и сам способ был апостольским, ибо Иренеи, Пантены, Ермы и многие другие почерпнули свою мудрость от апостольских учеников таким же образом, как Еводии, Клименты, Тимофеи, Титы, Игнатии и Поликарпы были воспитаны, применяя выражение Писания, при ногах самих апостолов. Тогда верили в благодать, верили, что слова пастыря, поставленного Христом учить и руководить в Церкви, несли в себе особенную и единственную в своем роде мощь божественного Основателя. В этой вере находило себе силу и сверхъестественную жизнь сообщенное учение, которое неистребимо запечатлевалось в душах, ибо сладость беседы, святость жизни, содержание и основательность поведения, глубокое убеждение в душе преподающего его великого человека — все побуждало применять это учение в жизни.

“Я поддерживаю себя, — говорит Иреней, вспоминая о первом своем подготовительном образовании, полученном от великого Поликарпа, — я поддерживаю себя тем, что происходило тогда, более чем всем последующим, ибо вещи, усвоенные в детстве, питающие сами себя и растущие в духе с возрастом, никогда не забываются; до той меры, что я и ныне могу указать место, где сидел Блаженный Поликарп, когда проповедовал слово Божие. Доселе жива в моей душе, степенность, с которой он входил и выходил везде, где бы ни появлялся, каковой была его святость в жизненном поведении, величие, каким светился его лик и все его внешнее обличие, какая сила убеждения сопутствовала ему везде, где он был пастырем. Кажется мне, что я снова слышу его рассказ о беседе со святым Иоанном, и с другими, видевшими Иисуса Христа, о словах, взятых с их уст, о подробностях, касающихся Спасителя, которые были рассказаны ему, касались ли они Его чудес, или учения. И все, что он говорил, было вполне согласно со Священным писанием, как поведенное очевидцами Слова Божия, и учением о спасении. Истинно, что по милосердию Божию я слушал его речи с охотой и прилежанием, запечатлевая их не на воощенных досках, но в самой глубине моего сердца. И Бог всегда подавал мне благодать вспоминать их, и возвращать в мою душу».

28. Таков был действенный и мудрый способ образования духовенства, посредством которого великие епископы сами воспитывали своих священников. Из последних же получалось подобие тех великих людей, глубоко осознавших свое предназначение и полных, позволю себе так выразиться, священства. Нельзя сказать, какое большое значение придавал этот способ единению между верховным Пастырем и остальными служителями Церкви, его учениками и детьми! Выражений *высокое* и *низкое* духовенство тогда никто не знал: они вошли в употребление лишь намного позднее. Невозможно описать, какой гармоничный и дивный порядок устанавливался в управлении Церковью, каким достоинством наполнялось священство, это единое и цельное тело, какой спасительной силой наделялся народ, от того единства науки, того общения святости, той привычности жизни, той взаимности в любви, посредством которых древний епископ передавал своим юным ученикам и обновлял самого себя — учителя, пастыря, отца. Избранное и обученное таким образом даже немногочисленное духовенство в совершенстве отвечало нуждам Церкви, и степень простого священника становилась настолько почетной и высокой, что не существовало никого, каким великим бы он не был в миру, кто бы ни посчитал себя облеченным особой честью, принимая сан. Тот, кого епископ предназначал для священства, становился предметом внимания народов и Церквей, а такое почитаемое достоинство священства усиливало в последствии и блеск епископской степени, которая возвышалась над столь широким основанием, а священник становился, таким образом, становился в полноте любви и, я бы сказал, по своей природе, подвластным епископу.

29. Не удивительно, что те святейшие епископы ревностно сохраняли за собой обязанность обучать священников, ибо даже и обучение народа с большим нехотением и весьма редко вверяли они в другие руки, сознавая, что Христос отдал им все стадо, то есть духовенство и народ, и что в их уста вложил Он слово, и с их печатью связал служение и благодать.

30. С этими чувствами и этими обычаями духовенства религия Распятого восторжествовала над тиранами и еретиками, а ее невидимый Глава предназначал ей и другую равно прекрасную победу над свирепым варварством. Как я уже говорил выше, нашествием северных варваров для разрушения древнего общества до его основания, Божественное Провидение явило миру силу Христова слова, которое выживает, когда гибнут империи и все человеческие творения, и которое способно вдохнуть жизнь в тлен и в прах, возродить исчезнувшее общество в достойной этого Провидения форме. Надо заметить, что когда люди, — по природе своей общественные существа, — порвав все связи, соединяющие их вместе, напуганные, разрозненные, попавшие в безвыходное и безнадежное положение, утопают в безбрежном океане злоключений, тогда, подчиняясь природному импульсу, они, как к почти последнему средству, прибегают к помощи сверхъестественных сил, обращаются к религии и сосредотачиваются на ней, — на этой идее, особенно сладостной для всех несчастных, во взгляде которых она вновь зажигает надежду, обещающую все, когда все потеряно, ибо она велика, как само Божество. Следовательно, религия, ощущение которой предшествует развитию и переживает разрушение любого средства и общественного учреждения, всегда видна, во главе рождающихся или воскресающих из небытия народов. И этот спасительный промысел, который на заре развития народов всякую культуру, всякую социальную связь соделал порождением религии, должен был повториться в предназначенное Провидением время, а именно, в средние века и для христианства, чтобы единственная и совершенно истинная религия не оказалась бы своими последствиями слабее ложных или несовершенных религий, и чтобы, если эти религии, обладая лишь частицей истины, необычайно способствовали общественному союзу и развитию народов, то все же более

полезной стала бы эта, содержащая в себе полноту истины, чистое и совершенное откровение, спасительную благодать.

Следовательно, народы, угнетенные и подавленные временными несчастьями, прибегли к утешительным объятиям той религии, и уже зная о великом ее достоинстве в порядке духовных и божественных вещей, впервые стали просить у нее и человеческой поддержки. И благая утроба вселенской матери верующих, с той любовью, которая родилась вместе с нею, открылась нуждам сраженных и, так сказать, расчлененных народов и стала их отрадой, щитом и поддержкой. Тогда духовенство, неожиданно для себя, оказалось во главе народов, и в то время, когда оно ответило на непреодолимый призыв любви, который побуждал его прийти на помощь раздробленному обществу. Духовенство стало отцом осиротевших городов, вершителем покинутых государственных дел, и тогда произошло переполнение Церкви мирскими почестями и богатством, вторгшимися в нее, можно сказать, силой собственного веса, подобно тому, как морские воды входят в новый залив, открытый на месте отступившей суши.

31. Эта новая деятельность, начавшаяся для духовенства с VI века, была тяжелой и докучной тем святейшим иереям, которые видели Церковь, отягощенную бременем земных благ, утратившую драгоценную бедность, так превозносимую древними отцами, видели священников, подавленных множеством мирских забот, которые отвлекали их души от созерцания божественных вещей, и отнимали их драгоценное время и силы от распространения слова Божьего среди верных, от воспитания священников, от прилежания во всеобщей и личной молитве.

Святой Григорий великий, правивший Церковью именно в то время, был безутешен, видя опасности, которые неминуемо сопровождали Церковь на этом новом пути, ей открывшемся. Он не переставал в своих письмах сетовать о тяжких обстоятельствах своего времени, когда он, будучи епископом, вынужден был служить кладовщиком и хранителем императорских сокровищ, «и под знаменем церковной власти, быть вовлеченным в течения мира сего, которые часто нас топят». Он многократно повторяет это предложение также и в письме к Феоктисте, сестре императора Маврикия, в котором для описания его нынешних невзгод решает рассказать ей о покое, которым он наслаждался в своей смиренной монашеской жизни, прежде чем был возвышен в понтифики: «в епископском платье вернулся я в мир: ибо в этих новых условиях пастырского долга, должен я служить таким многочисленным земным заботам, что не помню, служил ли я когда-нибудь стольким в бытность мою мирянином. Я утратил высокие наслаждения моего покоя; и хотя я совершенно пал, внешне кажется, будто возвысился. Поэтому оплакиваю самого себя, изгнанного вон от лица моего Творца. И поскольку я ежедневно силился уйти из мира и из плоти, удалить от мысленного взора все плотские видения и бесплотно созерцать высшую радость, то не только голосом, но и всем нутром моего сердца я стремился к Богу и взывал: «Сердце мое говорит от Тебя: «ищите лица моего»; и я буду искать лица Твоего, Господи» (Пс 26). И не желая ничего из этого мира, ничего не боясь, я ощущал, что стою посреди такого множества всех вещей, почти верил, что сбылось на мне обещание Господа, данное его пророку: «Я возведу тебя на высоты земли» (Ис 58). Следовательно, над высотами земными будет вознесен тот, кто с мысленным презрением попирает и то, что в этом мире кажется высоким и достославным». Так благородно описав благодать частной жизни, посвященной созерцанию, он добавляет, указывая на епископскую должность, которая была возложена на него: «внезапно, из этого величия порывом искушения, впал я в страх и тревогу: ибо, даже не боясь за себя, боюсь за тех, кто мне доверен. Ныне я повален приливом дел и оставлен судьбой, отчего и говорю по справедливости: «я вошел в глубину вод, и быстрое течение их увлекает меня» (Пс 68). После всех дел желаю вернуться к своему сердцу, но исключен из него суетным круговоротом мыслей, и не могу возвратиться. Так стало далеким от меня то, что внутри меня, и я не могу более внимать пророческому голосу, который взывает: «возвратитесь, преступники, к сердцу» (Пс 38)». — И благодаря тому, что святой папа долго следовал по пути страдания, ибо «среди земных забот невозможно даже мысленно припомнить, не то чтобы словесно проповедовать чудеса Господа», а достоинство подавлено мирскими делами, он стал одним из тех, о ком написано: «на скользких путях поставил Ты их, низвергнешь их в пропасти» (Пс 72).

32. Но так Божественное Провидение, которое никогда не обманывается действительностью, получает желаемое, чтобы ввести веру Христову в общество, или, скорее, создать новое христианское общество. Вера Христова проникла во все части общества в средние века и покрыла подобно целебному елею все омертвелые раны; она вселила новую бодрость, новую жизнь в человеческий род, оглушенный, подавленный, поверженный под веками несчастий; она приняла его в свою материнскую заботу, и он, уже древний, после потрясающего круга долгих и жестоких испытаний вновь увидел себя в возрасте раннего детства: она воспитала этого своего

ученика, это порождение своей Божественной любви, и тогда в землю было брошено новое семя, которое породило все нынешние общественные учреждения. Я имею в виду семя гражданской справедливости, — неслыханной в античном мире, — которая по сути своей является христианской, и затемнить которую неустанно покушаются все человеческие страсти. Но она вечно будет сиять, ибо Провидение Всевышнего Царя сохраняет Свое создание — Провидение, которое, подчиняя все своему произволу, имеет единственную цель: наивысшую славу Возлюбленного Сына Всевышнего, славные пути Царства, Им завоеванного. Из этого следует то, чего и надо было ожидать: главы новых наций — дочерей Евангелия — показали, что ощущают в себе всю силу этой веры, которая составляла их новые Государства, и освящала их новые короны, и увидели в себе неслыханные примеры христианской добродетели: и это служит объяснением тому, что средние века были временем, когда царило столько же святых, сколько было правителей на тронах Европы, во мнении которых быть сыном и данником Церкви было самой прекрасной славой. Умение и возможность соразмерять свирепую по природе власть с евангельским незлобием, жадно ими усваивались из уст епископов, откуда они черпали и мягкость законов, и блеск милосердия их царственных поступков — таково было их прилежное ученье, их пожизненное занятие. Но это так же указывает на причину, в силу которой случилось, что, когда правители были на пути к святости, духовенство, напротив, продвигалось к растлению, куда окончательно и поверглось.

33. Духовенство, которое с болью и слезами начинало вовлекаться в мирские дела, и казалось окруженным остатками преходящего века, рано начало, как это привычно для человеческой природы, привязываться к ним, и в нахлынувших заботах, в которых оно было пока новичком и еще не набралось опыта беречься от опасностей, оно постепенно забыло кроткие и духовные обычаи, присущие пастырскому правлению. И — увы, слишком явственно! — проявилась плотская и свирепая природа мирской власти: духовенству понравилось общение с благородными и от них переняло оно повадки. С тех пор оно гнушалось смешиваться с малым стадом Христовым, а наиболее любимым ее попечением стало политическое и экономическое администрирование, из-за чего духовенство уж не чуждалось убеждать себя софистическими аргументами, которые всегда в избытке находятся у страстей, что таковое занятие и есть самое важное для Церкви. Тогда епископы свалили с себя на низшее духовенство обучение народа и пастырские обязанности, ставшие уже отягощающей ношей, долгом второй важности. Отсюда началось учреждение приходов, которые с X века начали внедряться и в города под надзором епископов. Учреждение это, между прочим, само по себе было оценено похвальным и прогрессивным. С тех пор епископские дома перестали быть цветущими академиями церковного знания и святости для юных учеников, росших на радость Церкви, и переродились в подобие княжеских дворов, полные военных и придворных. Больше не апостольская ревность, не глубокая молитва, не божественные речи составляли украшение этих домов, но они уже похвалялись, если удавалось накинуть какую-нибудь узду на военную гордыню, или на посредственную распущенность нравов. Пастырское же попечение о народе было, таким образом, оставлено почти целиком на плечах низшего духовенства, так что настоятели приходов постепенно в глазах народа превратились в образ пастыря, и забылось, что пастырем был также и епископ, который и есть единственный пастырь по установлению Христову. Низшее духовенство и сами епископы, которые, таким образом, уже имели разнородные и почти что противоположные занятия, все более отдалялись друг от друга: прекратилась привычная совместная жизнь, встречи происходили все реже и становились все более краткими, ибо становились в тягость обеим сторонам, как в тягость становится общение двум слишком отдаленным друг от друга сословиям. Былое уважение и сыновняя любовь, которую священники питали к епископам, сменилась боязливым подчинением; так же как и ласковый и отеческий авторитет епископов принял облик высокомерия, с подмешанным к нему то шутивым презрением, то жалостью. Низшее духовенство, таким образом, потеряло в глазах народа, тогда как высшее духовенство приобретало блеск, скорее кажущийся, чем действительный. Разве приходится удивляться, что дверь в выродившееся таким образом сословие священников была открыта всякому роду негодяев? И что характер священства был неблагородным сам по себе, ставши таковым в глазах народа? Истинно, что долг проповеди и попечение о душах, как я уже говорил, почти полностью предоставленных заботам низшего священства, святые по своей сущности, могли послужить спасению священства от пропасти, но коль скоро высшее духовенство сверкало перед его взором, украшенное одной лишь властью и роскошью, к этим же благам устремлял свои чаянья и простой священник, завидуя своему епископу. Следовательно, слово Божье, Жертва, Таинства служили уже печальному торгу, в котором тысячу раз повторялась продажа Учителя Его учеником предателем. По этой же причине священники

обряды, благочестие, молитвы, сами догматы были почитаемы, проповедуемы и совершаемы перед народом по причине того, что они предоставляли священникам. Таким образом, народ, остающийся невежественным во многих других областях христианской науки, хорошо был осведомлен по части молитв за усопших, треб, церковных предписаний, индульгенций, которые прибавляли дохода служителям алтаря. Народ знал обо всем этом даже гораздо больше, чем содержалось в христианском учении. Вследствие подобного развития событий священники остались в таком небрежении, что уже не считалось достойным, чтобы епископ унижал себя мыслями о них и беспокоился бы докучными делами образования, которое больше не было им необходимо. Пороки приумножились. Были произведены попытки исправить их посредством законов и наказаний, то есть при помощи правовых средств, которые скорее присущи земной власти, чем церковной. Такие средства, не уничтожая нравственную причину зол, на некоторое время всеми силами удерживают их в своем русле, чтобы те не вышли из берегов и не повлекли к всемирному потопу. Однако после того как, наконец, эта плотина была прорвана, зло затопило всю Церковь. Под угрозой этих разыгравшихся волн оказалась и ее светская роскошь, ими же было повержено ниц и само ее временное величие. Мать верующих была забыта ее сынами, и целые народы бежали от ее лица, как бы закрытого от их ослабевшего взора. Епископат возомнил, что Божественное Провидение наказало его нежданно и внезапно, ибо он привык убеждать себя, что его интересы продвигались вперед, если удавалось выскрести лишний вершок земли, или продвинуться на одну ступень по лестнице власти в царстве мира сего. Но в это время, поглощенный в свои мелочные расчеты, не замечал, что народы отступали от него, и люди, заботой о коих он давно поступился в пользу своим материальным выгодам, в ответ оставляли его самого и уносили с собой все, что всегда связано с людьми. Епископат, неожиданно покинутый, упраздненный, уничтоженный по невидимому знаку в сотнях диоцезов, епископат, который сам спускался с трона, ибо стал ненавистным самому себе (ибо епископы Германии, Франции и Англии сорвали с собственного чела знак царственного священства), епископат, говорю, который может быть наказан, но не может исчезнуть окончательно, ибо слово Христа учредило его, чтобы длился он до скончания века, пробудился от своего летаргического сна, затрепетал перед опасностью, и запущенное образование священников было одной из первых причин беспорядка, которые ему представились: тогда, с целью позаботиться об этом образовании, были учреждены *семинарии*.

34. Были изобретены семинарии, чтобы восстановить упавшее образование духовенства, как были изобретены катехизисы, чтобы позаботиться об упавшем образовании народа. Не хватило смелости (и не было никакой надежды на то, что ее бы хватило) вернуться к древнему состоянию, когда епископ лично учил свой народ и свое духовенство: снова было решено возложить эту заботу на плечи низшего духовенства. Так же и среди епископов пробудилось трезвение, значительно укрепилась дисциплина, переменились нравы, воссияла ревность присущая этой ограниченной и по большей части материальной сфере деятельности, в которой несколько веков было заперто низшее духовенство. Но уже не нашлось способа дать Церкви великих людей, священников, которые понимали бы широту их миссии, рассматривали бы Церковь во всей неизмеримой ее вселенскости и величии, оказались бы внутренне одержимы тем чувством Слова Божия, которое формировало характер первых священников; тем чувством, которое пропитывает всю душу и восхищает ее из преходящего мира, возносит ее в вечность, и из вечного жилища обучает ее похищать тот огонь, которым должна возгореться вся земля. Только великие люди, повторяю, способны формировать великих людей; и для того, чтобы рассудить, какая разница между учениками, достаточно сравнить учителей. Увы! с одной стороны стоят древние епископы, определенно, наиболее выдающиеся люди Церкви, а с другой — молодые учителя наших семинарий! Какое сравнение!

35. Вспомним, с какой осторожностью и заботой решалось в те прекрасные времена учреждение школы для народа, а не только для духовенства, школы, которая отличалась бы от школы епископа. Тот решал этот вопрос, только если был подвигнут необычайной мудростью и святостью людей, которым доверял это дело, как это видно из учреждения Александрийской школы, которая, несомненно, была первой в этом ряду, ибо учреждена была под руководством святого Марка. Вспомним, с другой стороны, как изобилуют, или кажется, что изобилуют, ныне учителя, подходящие для обучения духовенства учению и религии Христа! Не только в каждом диоцезе имеется своя семинария, и в каждой семинарии — много преподавателей, но, по причине этого нынешнего изобилия и небывалой легкости, с какой находит ныне епископ священников, могущих стать наставниками его молодому духовенству, учителя меняются после немногих лет преподавания, переходя потом на какое-нибудь менее скудное жалование. На смену им приходят совершенно новые люди, которые еще не получив какого-либо человеческого

опыта, не окончив усвоение начал здравого смысла из общественной привычки, все же берут на себя курс семинарского преподавания, этот non plus ultra современной церковной науки, после которого юным служителям алтаря без колебаний доверяются должности, и они с честью освобождаются от дальнейшего ученья. Между тем религиозное знание, полученное этими юными учителями в семинарии, расчлененное на части, или вернее, сведенное к этим частям, которые кажутся наиболее подходящими, для скорого материального решения церковных вопросов, которого народ и правительство по справедливости требует от священников. Это великое знание, говорю, не находит в сердце юного священника ни корня, ни единства; не проникает хоть сколько-нибудь до его души; ибо он лишен ощущения этого знания, лишен истинного понимания его, носит его, так сказать, прицепленным к своей молодой памяти, и по причине именно этой памяти верит в то, что ему более чем опытному мудрецу, пристало быть наставником. И что же? Нужны люди с памятью? — такими же получаются и ученики. Совершенно иным, нежели речь, обращенная к памяти, был способ обучения, описанный Климентом Александрийским, применявшийся его учителем, которого он называет «сицилийской пчелой, всасывающей цветочный нектар на пророческих и апостольских лугах, чтобы произвести в душах слушателей мед подлинного и непорочного знания». Наконец, во времена, когда величина жалованья, полагающегося за должность, стала весьма надежным указателем достоинства людей, которые их занимают, не приходится сомневаться, что наши семинарские преподаватели чувствуют себя на седьмом небе от счастья в тот день, когда, уходя из семинарии, достигают приходского заработка, ибо к нему, а не к кафедре они всегда устремляли свой дух как к незыблемой цели данных ими обетов.

36. Ныне же, если таким маленьким людям доверяют обучение духовенства, не удивительно, что они, упразднив писания святых и мудрых, употребляют вместо них незначительные книжки, предназначенные, как явствует из их фронтисписов, для молодежи, и составленные соответствующими этой цели головенками. И потому как все стремится к соразмерности и подобное призывает подобное, один недостаток создает другой. Эта ничтожность и бесполезность книг, употребляемых в школе, и есть третья причина неудовлетворительности образования.

37. Имеется два рода книг. Некоторые из них — классические, возвышенные, содержащие мудрость рода человеческого, написанные представителями этой мудрости: книги, в которых нет ничего произвольного и бесплодного ни в методе, ни в стиле, ни в учении. В них не только записаны истинные подробности, одним словом, накопленные знания, но даны всеобщие истины, плодоносные спасительные учения, в которых человечество выразило себя со всеми своими чувствами, нуждами, упованьем. Существуют также и другие книги, мелкие и пристрастные, отдельные сочинения, в которых все убого и холодно; где великая истина представлена измельченной, а самому автору, измученному родовыми муками, не осталось сил на иное, как выразить в книге лишь свое истощенное чувство и свою обморочную жизнь. К этим книгам вышедшее из детского возраста человечество навсегда поворачивается спиной, не находя в них само себя, своих мыслей и привязанностей. На учебу по таким книгам варварски и упрямо обрекаются молодежь, которая хоть и отвергает их, благодаря естественному чувству, весьма часто, из-за необходимости поменять их на лучшие, подпадает под влияние развращающих книг, или приобретает решительную неприязнь к ученью, или же, подолгу страдая от школьного притеснения, наполняется скрытой и глубокой, длящейся всю жизнь ненавистью к учителям, книгам и самим истинам, в них содержащимся. Да, именно ненавистью, иногда плохо осознанной, которая непрестанно действует под разными формами. Эта ненависть, единожды объясненная, может вызвать удивление даже у того, кто носит ее в сердце, ибо она остается неощутимой для разума, сохраняя все признаки греховности и жестокой неблагодарности к наставникам, пусть даже и добрым, которые проявили столько забот, дали столько советов и обнаружили столько любви к своим ученикам.

38. В начальные времена Церкви Священное писание было единственным текстом для народного и церковного образования. Это Писание воистину есть книга рода человеческого, книга (*bubliwa*) по определению. В этом тексте человечество описано от начала и до конца. Он начинается сотворением мира и заканчивается будущим его разрушением. В нем человек узнает себя во всех изменениях, которым подвержен, находит точный, надежный и даже очевидный ответ на все великие вопросы, которые задает сам себе. И разум его чувствует себя удовлетворенным знанием и тайной, подобно тому, как сердце его удовлетворяется законом и благодатью. Священное писание есть та великая книга, начертанная «человеческим письмом», о которой говорит пророк, ибо в этой книге вечная истина говорит всеми способами, на которые ответна человеческая речь: она то повествует, то поучает, то излагает, то воспевает. Память в ней

напитывается историей, воображение наслаждается поэзией, разум просвещается мудростью. Человеческое чувство подвигается всеми этими способами: учение это настолько легко, что и простецу мнится, что оно создано нарочно для него; настолько глубоко, что ученый отчаивается достать его дна: слово кажется человеческим, но в нем глаголет Бог. Следовательно, «Писание, — как пишет Климент Александрийский, — воспламеняет огонь души, и в то же самое время ведет глаз к созерцанию, полагая в нас, как пахарь в землю, некое семя, которое в нас начинает плодоносить». Если эти слова можно применить к писаниям вообще, то тем более применимы они к Писаниям божественным.

39. Такой была книга христианских училищ; и эта великая книга в руках у великих людей, которые ее толковали, была пищей для других великих людей. До тех пор, пока епископы лично наставляли народ и духовенство, они были также церковными и общественными писателями. Следовательно, все великие произведения на протяжении первых шести веков были написаны епископами, является, так сказать, исключением из правила, найти в те времена произведения, не принадлежащие епископам, — исключение, которое выпадает на немногие особенные дарования, как Ориген, Тертуллиан и другие, кому за их великие заслуги открывалась и христианская кафедра. Эти книги, написанные епископами, составляют, так сказать, вторую эпоху в истории книг, употребляемых для наставления молодежи в христианских и церковных школах; составляют наследие, оставленное епископами низшему духовенству после того, как по причине нужд политического общества, рушившегося со всех сторон и находящего убежище в их христианской любви, они были отняты от занятия, которое почитали неразрывно связанным с их пастырским долгом, то есть от образования народа и духовенства. На это дело постепенно и неощутимо было поставлено низшее духовенство, и в первую очередь та его часть, которая была наиболее близка к епископам и по церковной жизни наиболее почитаема, то есть каноники и монахи, которые, благодаря Божественному Провидению, переживали расцвет в помощь нуждам Церкви. Эта часть духовенства, совершенно подчиненная епископам в деле христианского и церковного образования молодежи, с почтением восприняла то ценное наследие досточтимых отцов и пастырей Церкви, и стало считать его надежной нормой, которую следует соблюдать во время преподавания: так как после долгого времени еще можно было сказать, что епископы оставались наставниками молодежи, но была все-таки огромная разница, ибо вначале они учили живым голосом и личным присутствием, позже — посредством писаний, которые сами по себе мертвы. И не было никого, кто был бы способен их оживить в те несчастные времена. Низшее духовенство на протяжении следующих пяти веков не решалось сделать что-либо своими силами. Оно лишь повторяло те наставления и те сочинения, которые получило от древних отцов, ибо не имело сознания, что оно является наставником Израиля, — сознания, которое так наполняло силой епископов, — а, может быть, и оттого, что умственная деятельность духовенства была подавлена плачевными обстоятельствами времени, наполняющего все убийствами, разорением и бедствиями. Действительно, как только прекратились набеги, и варвары обосновались на завоеванных землях, то и новые наставники взялись за составление книг, которые точно отображали характер условий, в которых пребывали их авторы, а стало быть, получились настолько ничтожные по авторитету, величию слога и убедительности мысли, чем книги древних епископов, насколько эти подчиненные служители были ниже князей Церкви по авторитету и по достоинству. Эти сочинения не могли носить на себе печать оригинальности. Они представляли собой «Компендиумы» или «Суммы», в которых *научным* порядком излагалось христианское учение. Такие компендиумы, с другой стороны, требовались необходимостью облегчить усвоение церковной традиции, памятники которой необычайно разрастались из века в век и затрудняли изучение. Такого рода книги составили эпоху *схоластической теологии*, которую можно назвать явлением характерным для деятельности именно духовенства второй ступени, то есть пресвитеров. Первый из этих компендиумов, достойным обозначить начало эпохи, был составлен в XII веке Мастером Сентенций, как именовали Петра Ломбардского. Прекрасная мысль — собрать воедино учение, разбросанное по великим памятникам церковной традиции. В этих последних все вещи с необходимостью повторяются тысячи раз, от чего в тысячи раз увеличивается и труд учащегося. Но в компендиумах христианское учение сократилось не только благодаря тому, что их составители совершенно пренебрегли всем, что было обращено к сердцу и к другим способностям человека, забываясь удовлетворить один лишь разум. Следовательно, эти новые книги более не говорят с человеком, подобно древним. Они говорят лишь с частью человека, с его единственной способностью, которая не есть весь человек. Богословская наука выиграла этим, но знание уменьшилось. Школы же, таким образом, приобрели тот узкий и ограниченный характер, который сформировал из ученых особый класс, отделенный от остального

человечества, которому был оставлен лишь здравый смысл, чтобы обходиться без тонких рассуждений. Это следствие было естественным. Формирование полной, убедительной речи, обращенной ко всему человеку, было в характере епископа, бывшего не просто преподавателем, но и отцом и пастырем, которому дана была миссия не только доказывать истину, но и заставлять любить ее и ради нее спасать человека. Священник не может столько и не чувствует за собой обязанность к этому: следовательно, ограничивается тем, что холодно предоставляет истину взорам учащихся, которые мыслят с ним, как равные с равным. Его метод научен, то есть не имеет отношения к искусству убеждать, которое требует различных установок, но связан только с объективным порядком учения, который абсолютен и неизменен. Все это также уменьшает полноту изложения и легко вводит в оборот тот элемент рационализма, наиболее полным образом развившийся в XVI веке в протестантизме, в пределах которого священная наука и религия Христова совершенно вышли из ведения духовенства и совершенно, так сказать, обмирщились.

40. Схоластические компендиумы и суммы достигли вершины своего развития в XIII веке в чудесном сочинении святого Фомы Аквинского. И учителя, которые наследовали друг другу в христианских школах вплоть до наших дней, хоть и несказанно обогатились от расцвета изучения всего, что касается истории, критики, языков и стилистического изящества, то в глубинном понимании учения они все же ограничились тем, что следовали за схоластиками, повторяли, снабжали примечаниями, сокращали их, подобно тому, как учителя шести первых веков церковной истории поступали со святыми отцами. Пусть не покажется оскорбительным это сравнение, правоту которого ощутит каждый, кто не остановится на поверхности вещей. Расцвет словесности, происшедший в XV и XVI веках привлек внимание людей, которые, поступились спекуляцией в пользу воображению и чувству, оставили основу христианской философии, которая погибла, подобно тому, как раньше погибло величие и полнота изложения. Более не была ясной важность внутренних великих смыслов вероучения, которые признавались лучшими из схоластиков, подобно тому, как последними была потеряна из виду важность возвышенного и полного способа изложения, применявшегося ранними отцами. Схоластики сократили христианскую науку, лишив ее всего, что принадлежало чувству и делало ее действенной. Их ученики (повторим здесь, что ученики не могут быть более учителей) продолжили это сокращение, искоренив все самое глубокое, внутреннее, существенное, и избегая говорить о самых великих началах христианской науки, под предлогом облегчить ее изучение, хотя на самом деле лишь потому, что сами уж в них ничего не понимали. Так они свели христианскую науку до убогих материальных формул, изолированных следствий, практических сведений, без которых не может обойтись иерархия, если желает пред взором народов вести религиозные дела тем поверхностным способом, каким они велись и раньше. Такова поэтому четвертая и последняя эпоха в истории книг, применявшихся в христианских школах: эпоха *теологов*, пришедших на смену *схоластикам*. И по этим ступеням — Писания, святых отцов, схоластиков и теологов — мы, наконец, пришли к этим чудесным текстам, которые применяются в наших семинариях, и которые внушают нам такое притязание на знание, такое презрение к старшим. Эти книги в будущем веке, куда направлено упование непреходящей Церкви, будут, как я верю, осуждены, как самое ничтожное и пошлое из того, что было написано за восемнадцать веков, которые насчитывает Церковь. Книги эти, одним словом, без души, без принципов, без красноречия и без метода, ибо в регулярном и систематическом распределении предмета, которое почитается за метод, их авторы исчерпывают все свои интеллектуальные способности. Сами книги же, наконец, не будучи обращены ни к чувству, ни к разуму, ни к воображению, не являются ни епископскими, ни пресвитерскими, а со всем правом их можно назвать мирскими, ибо не требуют они иных учителей, ни иных толкователей, которые имеют глаза, чтобы читать, ни иных учеников, которые имеют уши, чтобы слышать.

41. Но если ничтожные книги и ничтожные учителя шагают в ногу, разве может из этих двух элементов составиться великая школа, разве может иметься достойный метод обучения? — Нет. И недостаточность метода есть четвертая и последняя причина язвы, о которой говорим, то есть недостаточного образования духовенства в наше время.

Мы уже отметили, что нравы духовенства пострадали в Церкви в то время, когда разделилось образование сердца от образования разума. Позднее были сделаны попытки помочь беспредельному развращению, — естественному последствию такой разобщенности, — и ныне в наши хорошо устроенные семинарии введено было благонравие, или, по крайней мере, порядок. Но не был усмотрен корень зла, никто не подумал исправить несчастное разделение теории и практики, не было решено научить наставников быть также и отцами, а «для того, чтобы быть отцом, — говорит Златоуст, — недостаточно родить, но необходимо и хорошо воспитать юношу».

Все, что было сделано, могло служить лишь, так сказать, побочной помощью и поддержкой, чтобы укрепить упавшие нравы, но этого, несомненно, недостаточно для Церкви: необходимо, чтобы добрые нравы духовенства нашли свой корень и питание в самой полноте и нерушимости учения Христова, ибо здесь не только нужно образовать честных людей, но христиан и священников, просвещенных и освященных во Христе. Это было первым принципом и основанием применявшегося в первые века метода: теснейшим образом связанные друг с другом и рождающиеся одна от другой наука и святость. Более того, истинно можно сказать, что наука рождалась из святости, ибо первая нужна была лишь ради любви ко второй, наука нужна была потому, что содержала святость в собственной утробе, а другого ничего не было нужно. Таким образом, все было соединено: и в этом единстве состоит подлинная природа учения, предназначенного для спасения мира: это не есть чистое идеальное учение, но практическое и реальное. Поэтому, если из нее удалить святость, разве мы сможем верить, что в ней останется преподаваемая Христом мудрость? Нас обманула бы подобная уверенность: мы почитали бы себя мудрыми, будучи глупцами; мы приняли бы за учение Христово его мертвое и тщетное изображение, лишенное силы и всякого признака жизни.

42. Вот каким образом желание практической истины руководило святым Папием, известным учеником апостолов: «Папий, — говорит Евсевий, в своей «Истории», — наслаждался общением не с теми, кто говорит много, но с теми, которые обучали бы его истине. Не искал тех, кто провозглашал новые максимы, изобретенные человеческим духом, но тех, кто сообщал ему заповеди, оставленные нам Господом на укрепление нашей веры, которым сама Истина обучила нас. Когда он сталкивался с кем-нибудь, кто был учеником древних, он заботливо собирал все их речи. Спрашивал, например, о том, что сказал святой Андрей, святой Петр, святой Иоанн, святой Филипп, святой Фома, святой Иаков, святой Матфей, или кто-либо другой из учеников Иисуса Христа, как то Аристон, или Иоанн Старший. Поскольку он находил, что советы, добываемые им из книг, были менее полезны, чем полученные от живого голоса тех, с кем он общался, он замечал в своих писаниях, что был учеником Аристона и Иоанна Старшего, часто их цитировал и приводил много вещей, о которых говорил, что изучил от них».

В этом описании, данном Евсевием, мы можем видеть, как чистая любовь к плодоносной истине (которая характерна для учения Христова) без тщетного любопытства побуждала тех святых людей первых времен не столько желать знаний, сколько проникать истину духом, ощущать ее внутренним вкусом, напитываться ею, как жизненным и насущным хлебом. Следовательно, преподавание зависело не настолько от книг, сколько от живого голоса, одному лишь которому доверялись самые возвышенные тайны: именно живого голоса желали более всего ученики, ибо на себе испытывали его животворность.

Это обстоятельство формирует одно из достоинств метода, применяемого великими для образования великих, который состоял в том, что обучение не заканчивалось кратким ежедневным уроком, а состояло из непрерывной беседы молодых церковников с великими епископами. Это преимущество естественным образом исчезло, как только преподавание было передано исключительно в руки низшего духовенства, то есть в руки чистых наставников, а не пастырей.

43. Наука одна для всех — добрых и злых, но живая и действенная истина принадлежит лишь добрым. Следовательно, там, где речь идет лишь о преподавании науки, не нужно проявлять особенной заботы о нравственных качествах наставников, как того настоятельно требовали древние, ибо они желали святую истину, и внушали в глубину души, что таким же святым должен быть и человек, ее преподающий. Равным образом происходит, что не требуется нравственного отбора учеников, когда речь идет о чисто научном, а не нравственном образовании. Там же, где, напротив, ищут нравственной мудрости преподавания, имеют и большую заботу о том, чтобы изгнать из школы всех, кого не подвигает святое желание этой мудрости. Об этом заботились в первые времена, когда было гораздо легче мудро избирать учеников святилища, ибо был на руках единственный и надежный нравственный критерий различия между призванными и не призванными. Сами же юноши, вошедшие в училище, уже знали, зачем идут и какое учение должны усвоить. Кроме того, благочестивая и практическая истина, в отличие от истины чисто идеальной, имеет неотъемлемую черту внушать к себе уважение и поклонение, как тому, кто ее получает, так и тому, кто ее сообщает, ибо природа ее, по сути, священна и божественна. Так что те, которые имеют возвышенный долг преподавать ее другим, как правило, чувствуют отвращение и неприязнь, когда вынуждены сообщать ее недостойным, ибо им кажется, что тем самым они становятся как бы нечестивцами, оскверняя и нарушая ее почтенную святость. Глубоко чувствуют они смысл слов, которыми Христос запрещает бросать жемчуг свиньям. По этой причине древние отцы, как и описывает Климент

Александрийский, «испытывали временем и судили внимательным суждением, избирая способного слушать их слова, наблюдая за его речью, нравами, привычками, жизнью, движениями, одеждой, внешним видом, исследуя тем самым, был ли он перепутьем, или камнем, проторенной дорогой, или плодородной почвой, лесом, или добрым полем, тучным и рыхлым, способным умножить посеянное». И, по словам того же Климента, подражали Христу, который «не предназначенное для многих не открыл многим, но лишь малому числу, о которых знал, что они достойны, ибо не только могли воспринять, но и воспитать себя», то есть праведность своей жизни исполнить истину, постигаемую разумом. Но если так действовать, то мало будет священников. И у Климента нет иного ответа на это возражение, а только этот: «молите Господа жатвы, дабы послал делателей на жатву свою».

44. Принцип, согласно которому следовало «сообщать в церковном преподавании живое слово Христа, а не слово человеческое и мертвое», приводил еще к одному следствию. Все науки самопроизвольно подчинялись этому слову, и от него получали единство, ибо слово это служило и поклонялось Христу, располагая души и умы лучше чувствовать красоту и ценность евангельской науки. Следовательно, не давалось двух образований, — одно языческое и другое христианское, одно светское и другое церковное, одно противоположное и враждебное другому. Не развращались юноши, проникновением в их сердца духа языческих писателей, человеческих заблуждений и ошибочных целей. Не надо было затем их переучивать и выправлять посредством христианских и церковных максим, ибо внушалась им одна цель: учение Христово. Оно господствовало над всем: даже светские науки служили укреплению веры, и вследствие этого метода из училищ, принадлежащих Пантемам, выходили Оригены, а из школ последних — Григории Чудотворцы.

45. Во время, когда все получало *единство* из единства самого принципа, из единственного предмета истинно христианского учения, этот истинный и спасительный принцип соделывал науки полными и всеобщими. Он все охватывал собой, в особенности же всю религию, ее сокрытые тайны, ее глубокие начала, ее великие максимы, одним словом, всю ее систему: не было произвольных пропусков, несправедливых исключений для каких-либо частей учения, и преимуществ — для другой: любили и искали одно лишь слово Христово, потому и старались проникнуть во все, что можно было исследовать в этом слове, в котором искали скрытую жизнь, передавали ее друг другу вместе с молитвами, со святыми слезами, с богослужением, откуда происходила благодать, сверхъестественным образом питающая божественным светом умы, не насыщающиеся справедливостью.

46. О, кто же вернет церкви этот метод — единственный достойный ее? Кто возвратит духовным школам их великие книги и великих наставников? Кто излечит одним словом эту глубокую язву недостаточного образования духовенства, язву, что непрестанно ослабляет, и принуждает стонать прекрасную Невесту Христову? Не кто иной, как епископат: ему было поручено поддерживать ее, ему была дана чудодейственная сила исцелять ее немощи: но он должен быть объединен, а не разделен. Для этого великого дела требуется епископат, единый в своей целостности, связанный одной волей и одним действием. Именно этого единства и не хватает пастырям святой Церкви в нынешние времена, это и есть третья язва Церкви, не менее, но более тяжкая, чем две, доселе описанные нами.

* [Амвросий (339 – 397), родился в Тревири (Италия) от отца римлянина. Служил императорским чиновником в Медиолане (Милан). 7 декабря 374 года, будучи еще лишь оглашенным, по причине многоопытности и мудрости, был избран епископом. Почитается святым как в Западной, так и в Восточной Церкви.

Александр (250 – 328), с 312 года епископ Александрии Египетской. Ему противостоял амбициозный пресвитер Арий, который вскоре начал распространять свою ересь, осужденную сперва на поместном Александрийском соборе, созванном епископом Александром, а потом на Вселенском соборе в Никее (325).

Мартин (315 – 397), святой, уроженец Паннонии (нынешняя Венгрия). Один из видных подвижников западного монашества, экзорцист, миссионер. Против воли был избран епископом Тура в 370 году.

Петр (380 – 451), диакон из Имолы (Италия), прозванный Хризологом – Золотословом за убедительное красноречие проповедей. Сопровождал своего епископа в Равенну на утверждение его возведения главой христианской общины этого города. Папа Сикст III (31. VII. 432 – 19. VIII. 440) вопреки желанию делегации поставил в епископы Петра – Galantino 1997, p. 146.

Здесь и далее подобные замечания призваны лишь прояснить сведения и источники, которые

сам Розмини предполагает известными читателю. Историческая достоверность сведений и надежность источников с точки зрения новейших агиографических исследований рассматриваться не будут].

* [Мф X, 24].

Да будет отмечено, что мы, тем не менее, не отрицаем существования достойнейших священников даже и в нынешние времена, но говорим лишь из желания, чтобы их число возрастало.

* [Афанасий (295 – 373), святой, был диаконом Александра, епископа Александрии, сопровождал его на Никейском соборе, а в 328 году стал его преемником.

Папа Сикст II (30. VIII. 257 – 6. VIII. 258) был обезглавлен во время преследований христиан, учиненных императором Валерием в 258 году. Через несколько дней за ним в мученичестве последовал верный архидиако́н Лаврентий].

* [Ирений, святой, уроженец Смирны, был епископом Лиона с 178 года. В юности был учеником епископа Поликарпа, принявшего мученическую смерть в 156 году, который считался учеником евангелиста Иоанна.

Пантен, первый известный педагог Александрийского огласительного училища, основание которой предание приписывает евангелисту Марку. Учеником Пантена был Климент Александрийский.

Ерм, брат папы Пия I (140 – 155), в Риме написал известное сочинение «Пастырь»].

* [Еводий, непосредственный преемник апостола Петра на Антиохийской кафедре, умер в 67 году.

Климент, святой, был четвертый епископ Рима (76 – 88). Согласно Ирению, «он знал апостолов и бывал в сношениях с ними, так, что слова их звучали у него в ушах» (Adv. Haer. III, 3).

Тимофею и Титу направлены так называемые пастырские послания апостола Павла.

Игнатий, святой, прозванный Богоносцем, ученик апостолов Петра и Павла, наследовал Еводию Антиохийскую кафедру. На пути в Рим, где был предан растерзанию дикими зверями, написал знаменитые семь посланий].

Это отрывок из письма, написанного святым епископом к Флорину * [диакону отступнику, перешедшему в гностицизм – Galantino 1997, p. 150], чтобы отвратить его от заблуждений, и приведенного Евсевием в «Церковной истории», кн. V, гл. XX.

Для того, чтобы понять, какое значение придавалось степени простого священника, достаточно вспомнить слова, с которыми лионские мученики обратились в письме к папе Элефтерию * [грек из Никополиса в Эпире, 175 – 189]. Святой Ирений, в то время еще священник, был направлен с этим письмом, в котором его представляют папе следующим образом: «мы просим почитать его за человека исполненного совершенной ревностью за свидетельство Иисуса Христа. Именно поэтому мы его Вам представляем. Если бы мы верили, что степень и достоинство могли бы прибавить справедливости и добродетели, мы бы представили его как священника Церкви, ибо он именно таков». (Евсевий, кн. V, гл. 4). Каждому ясно, что это вовсе не тот стиль, которым был бы священник рекомендован папе в наше время! Что же касается интереса, который проявляли к рукоположению нового священника народы и Церкви, достаточно вспомнить шум, поднявшийся, когда самые известные епископы Палестины, среди которых Феоктист Кесарийский и святой Александр Иерусалимский, рукоположили во священники великого Оригена, каковой шум святой Иероним приписывает зависти Деметрия, епископа Александрийского. Рукоположение священника в наши времена, конечно же, не стало бы предметом такой зависти и такого волнения!

В письмах святого Игнатия Богоносца, направленных к разным Церквам, заметна хвала единству и подчинению народа и духовенства их епископу. В письме к Траллианцам, святой превозносит их подчинение епископу Полибию, которому посвящает хвалебные строки, говоря, что он «зеркало любви, царящей среди его учеников; даже его внешний вид поучителен, его великая благодать есть его сила, такая, что даже и нечестивым было трудно не уважать ее». В письме к Магнезийской Церкви, святой особо хвалит ее священников за подчинение «их епископу

Дамасию, хотя тот и весьма молодого возраста». В письме к Ефесянам, вознеся до неба святого епископа Онисима, весьма их хвалит, ибо они «пребывают с ним в тесном единстве, особенно же пресвитериат (presbutevrión), то есть духовенство, и благодать обращала их ко Христу в совершенном единстве со священниками и епископом, во время преломления единого хлеба, спасительного средства, которое дает нам бессмертие и сохраняет от гибели».

Было необычайной честью для святого Иоанна Златоуста, когда святой Флавиан, епископ Антиохийский, доверил ему обучение своего народа. Эти примеры не были частыми в Церкви, и первые епископы, доверившие священникам проповедь Евангелия, были подвигнуты необычайными добродетелями и мудростью последних. Дары святого Августина побудили епископа Карфагенского, Валерия, доверить ему образование народа, равно как и дар Златоуста заставил сделать то же святого Флавиана. То же самое можно сказать и о знаменитой Александрийской школе, учрежденной еще во времена святого Марка, где учителями всегда были выдающиеся по учености и святости мужи. Тогда было хорошо известно, какие люди достойны учить мир, и особенно преподавать учение Христа! Из-за какого несчастья ныне не чувствуется более этой истинной и спасительной силы?!

Не будет незначительным или нецелесообразным для нашей эпохи, если я приведу в подтверждение моих слов выдающееся место из великого Оригена. Я привожу его единственно как исторический памятник, и в таком качестве оно не может быть мне вменено в упрек. Здесь станет ясным, как думали самые выдающиеся церковные мужи об отношении Церкви к бедности и к свободе духовенства. Ориген, этот великий учитель епископов и мучеников, в одной из проповедей и поучений, которые он публично произносил в Александрии, когда речь зашла об иереях идолопоклонниках, которым царь Египта даровал земли, выразил следующие благородные чувства: «Господь не дает своим священникам доли на земле, ибо Сам он желает быть их долей: вот различие, которое проходит между одними и другими. Остерегайтесь вы, которые исполняете священническое служение, остерегайтесь быть жрецами фараоновыми, а не иереями Господними. Фараон желает, чтобы его жрецы обладали землями, и о них имели попечение, а не о душах, и чтобы вокруг земель были чайнья их, а не о законе Божиим. А Иисус Христос что заповедал Своим? – «Кто не отрешится от всего, что имеет, – говорит Он, – не может быть Моим учеником (Лк 14; 33)». Я трепещу, произнося эти слова! Ибо себя, себя самого обвиняю прежде всего, и свой собственный приговор выношу. О чем мы думаем? Как мы имеем смелость читать эти истины, и высказывать их народу, мы, которые не только не отрекаемся от того, что имеем, но и стремимся приобрести более того, чем обладали прежде решения стать учениками Христа? Но даже если наша совесть осуждает нас, разве можем мы из-за этого скрывать то, что написано? Не хочу быть виновным и в другом преступлении! Да, я исповедаю, исповедаю перед всем народом: вот содержание Евангелия, вот то, о чем я не могу сказать, что исполнил. Но по крайней мере, ибо мы знаем наш долг, с этого мгновения намереваемся угодить вам, намереваемся прекратить быть жрецами фараона и стать священниками Господа, как Павел, как Петр, как Иоанн, которые не имели ни золота ни серебра, но все же обладали такими богатствами, подобные каким и обладание всей землей не могло бы принести им». In Genes. Nom. XVI. Такой ясный отрывок не нуждается в объяснении, ибо каждый знает, насколько образцово исповедовал Ориген нестяжание.

Epist. Lib. XI ep. 1. * [PL 77, 1118]. «Nos enim sub colore ecclesiastici regiminis, mundi hujus fluctibus volvimur, qui frequenter nos obruunt». * [Григорий, рожденный в Римской аристократической семье в 540 году, префект города в начале 70-х годов VI века, с 575 года жил в аскетическом уединении в семейном дворце. Был избран папой после Пелагия II (26. XI. 579 – 7. II. 590) 3. IX 590 года, будучи простым диаконом. Не пожелал рукоположения прежде чем было получено согласие из Константинополя. Умер 12. III 604 года. Прозвание «Великий» он получил от потомков за выдающуюся добродетель. В православии признан святым и известен под именем Двоеслов. Ему приписывается одна из Божественных литургий (Преждеосвященных даров), совершаемая в Православной Церкви во время Великого поста].

Эта фраза – *ex hac moderna pastoralis officii continentia* – показывает, что это затруднение мирских дел является новым бременем, которому ранее епископство не подлежало.

* [Цитата не содержится в 38 Псалме, места похожие по смыслу встречаются в Ез XIV,6; XVIII,30; Иоиль II,12; Зах IX,12 – Galantino 1997, p. 155].

Epist. Lib. 1, ep V. Можно встретить те же самые жалобы святого понтифика во всех письмах Lib. 1, в письме 121 Lib. IX, и в письме 1 Lib. XI. * [PL 77, 441-538. 1050-1052. 1118].

Следовательно, как вплоть до времени святого Григория, когда под *пастырской наукой* подразумевалась наука епископа, так в наших семинариях, где преподается пастырское богословие, под этим термином подразумевается наука приходских священников. Епископ даже не рассматривается в этих книгах по пастырскому богословию. Но это присвоение имени пастыря исключительно священнику и пренебрежение епископом берет свое начало по преимуществу у протестантов, которые уничтожили епископат, ибо этот последний по большей части оставил знаки, по которым его можно было распознать как Христово установление, то есть отказался от обязанностей, данных ему Христом. Стало быть сознание народа утратило представление о епископе: и это невежество было началом и основанием для заблуждения протестантов, которые по своей ереси отделились от Церкви.

Во всем, что мы сказали, говорим, и еще скажем, мы говорим в общем: во всем есть определенные исключения, ибо во всякое время были святые епископы в Церкви. Мы хотим предупредить об этом раз и навсегда.

Народная школа тех времен не была похожа на нынешнюю народную школу. Священное Писание и с ним все величайшее полотно Христовой религии расстилалось перед взором христианского народа: следовательно, она служила школой как для народа, так и для священства, как я уже заметил ранее, то есть те, кто присоединялся к духовенству, находили в ней необходимую подготовку для того, чтобы в последствии с пользой получить церковное образование. Мы ныне так далеки от великих мыслей тех людей, что многие из наших церковников даже не в состоянии понять, что я говорю, и я совершенно уверен, что плохо примут эти мои слова.

Об этом свидетельствует святой Иероним: De Vir. ill., 36.

Strom. L, 1. Согласно мнению Евсевия (Hist. L, V, 11), учителем, о котором говорит Климент, является Пантен, который возглавлял знаменитую Александрийскую школу.

Нужда нашего времени требует, чтобы жалованья семинарских учителей были равными хотя бы заработку наиболее тучных приходов, и чтобы учителя оставляли кафедру только ради канониката, какой-нибудь капитулярной должности, или ради епископства. В знаменитом Александрийском огласительном училище св. Дионисий, св. Гераклий и великий св. Аквила один за другим прошли епископскую кафедру этого города, который был вторым после Рима. В то время еще звучали в ушах и в душе недавние слова апостола, который завещал Тимофею найти людей подходящих для обучения других великому евангельскому учению. Этих людей апостол характеризует эпитетом «верные», и хочет, чтобы Тимофей не только дал бы им полученные от него знания, но чтобы доверил бы им ее. *Et quae audisti a me per multos testes, haec commenda fidelibus hominibus qui idonei erunt et alius docere.* 2 Тим II, 2.

Ис VIII, 1.

Strom. Lib. 1.

Говорю «неощутимо», ибо такие переходы никогда не происходят ни быстро, ни повсеместно. «Способ преподавания, – говорит Флери, рассматривая пять веков, которые последовали за первыми шестью, – был тот же, как и в первые времена. Кафедральные соборы или монастыри были школами. Преподавал сам епископ, или по его приказу, какой-нибудь клирик, или монах, сведущий в учении. Ученики от него научались церковной науке, и, в то же самое время, образовывались под надзором епископа к нравственной жизни и приобретали навыки к их будущему служению». *Рассмотрение церковной истории от 600 до 1100 года.*

«Большая часть училищ располагалась в монастырях, и в сами кафедральные соборы обслуживались монахами в разных странах, как в Англии и Германии. Каноники, учреждение которых начинается с середины восьмого века по правилу святого Кродеганга, вели почти монашескую жизнь, и их дома также назывались *монастырями*. Я почитаю монастыри за основное средство,

которым воспользовалось Божественное Провидение для сохранения религии в наиболее тяжкие времена. Монастыри были питомниками учения и благочестия, тогда как невежество, порок и варварство поглощало остаток мира. В монастырях следовали древнему правилу богослужения, практиковали христианские добродетели, примеры которых молодые видели в старых. В монастырях сохранялись вековые книги и делались с них новые списки: это было одним из занятий монахов, и не осталось бы в мире не одной книги, не будь монастырских библиотек». Флери, *ivi*, § XXII.

Сам епископ жил с канониками, что указывает на долговременное сохранение епископских нравов первых времен. Когда светские попечения разъединили епископов и каноников от этой святости их совместной жизни, Соборы, созывавшиеся ревностными святителями, реформировали церковную жизнь, возвращая ее на прежнюю стезю: так что в Церкви всегда виден один и тот же неумирающий дух непрестанного труда для восстановления собственных потерь. Известно, что сам святой Карло * [Борromeо] имел то же самое желание иметь совместную и упорядоченную жизнь с своим духовенством, ибо это постоянная мысль Церкви во все века, к этому стремится ее дух и ее обет.

«Изучали религиозные догмы, – говорит Флери о монахах, – в Священном Писании и у святых отцов, дисциплину же – из Канонического права. Жадности к знанию у них было мало, равно как и одаренности, но было высокое почтение в древним авторам: они силились изучать их, переписывать, компилировать, сокращать. Это видно в писаниях Беды, Рабана и других средневековых теологов. Эти писания ничто иное, как собрания святых отцов первых шести веков. Таковым был наиболее надежный способ сохранения традиции» (Беседа об истории Церкви от 600 до 1100 года, § 21).

Св. Бернад, св. Бонавентура и кое-кто другой составляют исключение, ибо пишут с достоинством первых отцов.

Климент Александрийский пишет: «Мы зовем отцами тех, кто огласил нас. Сыном же зовется тот, кто обучился, если он действует согласно тому, чему его научили; в этом смысле Писание говорит: «Сын мой! наставления моего не забывай» (*Пр III*)» Strom. 1.

Это также является причиной того, что ученые того времени в философии следовали за Аристотелем, тогда как в более ранние века больше уважали Платона.

Протестантизм, к нынешнему времени отказавшийся от Откровения ради чистого разума, то есть разума систематического, который, в сущности, не есть разум, является крайним и достигшим совершенства развитием рационалистического элемента, посеянного схоластиками в священной науке. Не следует думать, что среди католиков, то есть среди той части христианского мира, которая не имела дерзости следовать развитию этого элемента до его последнего предела, означающего выход из Церкви и из самого Откровения, этот рационалистический элемент был напрасным, или не имел никакого эффекта, достойного, чтобы показать его здесь и признать истинным его детищем. Весьма легко заметить, что во всем, что касается догматического учения, следствием протестантизма были ставшие непримиримыми споры, внесшие разделение в католические школы, особенно, касательно благодати Божией; что же касается канонического и гражданского права, его следствием были настолько многочисленные осложнения, что частично была отнята власть у наиболее здравых законов; что же касается нравственности, следствие и здесь не было лучшим, ибо повлекло за собой все то, что было сказано и сделано по поводу пробабиллизма и повлияло на падение нравов христианского народа. Это падение нравов произошло как вследствие того, что называлось *лассизмом*, так и под влиянием того, что прозвали *ригоризмом*. Слишком хорошо известны богословские распри, весьма повредившие единению и святости духовенства, посему я не добавлю к этому ни одного слова. Об уловках законников XIII века так говорит Флери: «Посмотрим на правила Великого Латеранского собора, или, еще лучше, на правила Первого Лионского собора, и станет ясно, какого крайнего развития достигла утонченность спорящих сторон, направленная на то, чтобы служить несправедливости. Это было прозвано духом ухищрения, адвокатами же и исполнителями этих ухищрений были духовные лица, единственные, кто в то время изучал гражданское и церковное право, равно как и медицину и другие науки. Если одно лишь честолюбие и желание выделиться внушали философам и теологам столько коварных тонкостей, чтобы вечно спорить между собой и никогда не сдаваться, то насколько же сильнее их могла возбудить алчность по отношению к

прибыли? Чем же могло быть подобное духовенство? Дух Евангелия ни что иное, как искренность, святость, братская любовь и бескорыстие. Эти клирики, настолько лишенные подобных добродетелей, весьма мало были подготовлены обучать им других».

Что же касается того влияния, которое оказало на школы это отдание преимущества человеческому разуму, Флери высказывает мысли, с которыми я не вполне согласен: «наихудшим следствием топического метода (то есть метода, согласно которому на манер схоластиков следует во всем искать *pro* и *contra*) и отчаянья в желании найти истину оказалось то, что были введены и узаконены вероятные мнения в области нравственности». Зло заключалось не во введении вероятных мнений, но в злоупотреблении ими.

* [Ср. *Мф* 10,24].

Возьмем в качестве примера наиболее ученых, как например, Турнели * [Оноре (1638 – 1727), в течение 24 лет был профессором богословия в Сорбонне, опубликовал 16 томов «Введения в теологию» – Galantino 1997, p. 169] или Гаццанигу * [Пьетро Мария (1722 – 1799), родом из Бергамо, профессор томистской теологии в Вене, также опубликовал 4 тома «Введения в теологию» – Galantino 1997, p. 169]. Они пишут толстые и, действительно, весьма ученые тома о благодати. Только к концу вовсе не говорят о ней ничего, но лишь поверхностно касаются вопроса: «в чем состоит существо благодати?» – оставляя его нерешенным, как вопрос чистого любопытства и не лишенный, впрочем, некоторой важности. Но разве не есть наиважнейшее и первейшее из всего знать существо и природу рассматриваемой вещи? Разве не хорошо известная природа способна наилучшим образом дать ей истинное определение? А разве определение не является плодоносным началом, из которого должны проистекать все рассуждения о самой вещи?

Пусть читатель не думает, что, указывая недостатки схоластиков и теологов по сравнению с писаниями отцов Церкви, я пытаюсь принизить тех, за которыми признаю достоинства и заслуги. Тем менее можно обвинить меня в презрении к схоластикам, ибо всем известно, насколько я учитывал в своих сочинениях авторов Школы, и как я трудился, чтобы восстановить их честь в течение двадцати лет * [Примечание добавлено в 1849 году – Galantino 1997, p. 169].

«Посмею ли я, – говорит Флери о молодых ученых XII и XIII столетия, – рассмотреть перед вами нравы наших студентов, как я описал их в истории, согласно свидетельствам современных авторов? Вы видели, что каждый день дрались они и друг с другом, и с горожанами; что их первые привилегии состояли в запрещении светским судьям судить их преступления, что сам папа был обязан наделить сен-викторского аббата правом освобождать их от отлучения, которое Каноническим правом предписывалось тому, кто поднимал руку на клирика; что их ссоры, как правило, начинались в кабаках за вином и во время пирушек, доходили же они до убийства и до крайнего насилия. Одним словом, вы видите ужасающую картину, нарисованную Жаком де Витри, свидетелем и очевидцем всего. Ведь были клириками все эти студенты, и предназначались на службу и на управление Церкви».

Ουj to; speiArai poieiA pate;ra movnon, ajlla; kai; to; paideuЦsai kalwЦ". Ном. XII.

Евсевий, Книга III, глава XXXIX.

Для того, чтобы наиболее возвышенные истины не были услышаны недостойными, имелась наука тайного. Эти высокие знания доверялись лишь устно и только тем ученикам, которые прошли испытание долгим временем, и удостоились твердым намерением унаследовать святость христианской жизни. Все древние писатели говорят об этой осторожности и о почтении к откровенным истинам. Достаточно процитировать Климента Александрийского, который говорит об этом в Первой главе Пятидесятой книги «Стромат» и во многих других местах своих сочинений.

И в средствах к исправлению оставленного образования духовенства остался этот недостаток, ибо средства не доходили до коренного зла. Одним из средств, которые я имею в виду, было учреждение университетов, но они лишь более удаляли церковников от их епископов, как это происходит и ныне. «Другим недостатком университетов, – говорит Флери, – было то, что и учителя и ученики, которые занимались одной лишь наукой, были духовными лицами, но вдали

от их церквей не имели службы, соответствующей их сану. Таким образом, они не обучались ничему, что зависит от практики: ни способу обучения, ни совершению святых таинств, ни духовному руководству, как бы они смогли научиться, находясь в своих странах, видя епископов и священников в действии, служа под их началом. Доктора университетов были лишь докторами, занятыми лишь теорией, из-за чего они имели так много возможностей писать и пространно рассматривать бесполезные вопросы; так много поводов для соревнования и противоречий друг с другом, ибо одни хотели быть утонченнее других. В первых же веках докторами были сами епископы, и без того весьма нагруженные наиболее важным долгом».

Вот, опять пример тому, как все взаимосвязано: плохой метод притягивает к себе плохих преподавателей. Напротив, какую благородную идею о христианском учителе имели древние! Сколько требовали от него! Святой Григорий Назианзин, в знаменитой проповеди «О богословии» пространно описывает, каким должен быть тот, кто говорит о богословских вещах, кому и с какими предосторожностями следует сообщать их: «не для каждого есть благо, – говорит он между прочим, – философствовать о божественном, но лишь те могут это, кто очистил тело и душу, или силятся очистить их, и чувствуют себя подвинутыми в размышлении о святых вещах». Климент Александрийский много говорит о бескорыстии, о духовном свете, о святости, необходимых для того, чтобы кто-либо был пригоден для преподавания божественной науки.

Святой Иероним говорит, что Ориген употреблял светские науки, чтобы привести к вере философов и других ученых лиц, которые приходили слушать его. Григорий Чудотворец, самый известный из его учеников, в хвалебной речи своему учителю, произнесенной в конце обучения, рассказывает о методе, который Ориген использовал во время преподавания. Становится ясным, как этот великий человек начал воспитание с исправления нравов ученика, а затем ввел его в понимание различных наук, так, чтобы те служили приготовлению и укреплению в нем веры. Ориген не пользовался компендиумами, а читал вместе с учеником всех основных философов, постоянно разделяя в их писаниях истину от заблуждения; и после этих предварительных занятий, которыми он обогащал разум и душу юноши и вкладывал в нее желание более высоких и более совершенных знаний, открывал перед ним, наконец, священное Писание, откуда заставлял его черпать Божью мудрость. Я хорошо понимаю, что невозможно в наши времена расстаться с компендиумами, но понимаю также, что одними лишь суммами не сделать ничего, не достигнуть и того, чтобы юноша встал на торную дорогу к истинному знанию. Применение компендиумов может служить лишь тому, чтобы вкратце подытожить все великое, что содержится у великих авторов. Их же нужно читать и толковать. Знаю, что невозможно прочесть и истолковать всех, но можно сделать это отчасти, и части этой будет достаточно, чтобы вдохновить ученика, дать ему понятие о величии христианской мудрости, подобно тому, как из одной ступни Геркулеса можно понять, каким он был человеком. Но таким образом невозможно начертать контуры всего знания. Когда речь идет об одних лишь контурах, этой цели помогут компендиумы, это и ничто другое составляют предмет их законного применения. Наука, которую таким образом вынесет юноша из школы, будет похожа на картину, которую мастер частично нарисовал, и частично раскрасил. Ученику останется лишь закончить эту картину, подражая в искусстве мастеру.

Климент Александрийский, рассматривая в своих сочинениях изучение наук, всегда присоединяет к ним Христовы таинства. Он хочет, чтобы наставник не был простым преподавателем, но земледельцем, который берет на себя все заботы и попечения о насажденных им растениях. И добавляет: «Существует двойное земледелие: одно производится без участия писаний, другое – посредством писаний. В одном и в другом способе работник Господа, который посеял отборное семя, вырастит колосья и пожнет их, став поистине великим земледельцем. «Производите, – говорит Господь, – не тленную пищу, а ту, которая остается в вечной жизни». Но пропитание достается посредством пищи, и посредством слов. И поистине блаженны миротворцы, которые то спасают от несчастья тех, кого невежество повергло в этой жизни и в этом непрестанном заблуждений, обучая их вещам противоположным, и возвращая их к миру, который заключен в Слове, и к жизни, которая есть от Бога; то питают, распределяя хлеб среди алчущих справедливости». Из этого отрывка видно, как этот ученик апостолов соединяет распределение хлебов с обучением слову. Также и выше он сравнивал обучение с Евхаристией. Всегда таково описание, которое он дает духовному учителю. Он желает видеть божественного работника, пастыря, служителя Бога, и чуть ниже добавляет: «соединенного с Богом». Ориген, ученик

Климента, имеет те же самые идеи. «Не должен, – говорит он, – слушать слово Божье тот, кто не очистил душу и тело, ибо через некоторое время должен он придти на брачный пир, должен есть плоть Агнца, и пить из чаши спасения». *In Exod. hom. XI*. Вот прекрасное соединение божественного таинства со словом! Полезно послушать и другой отрывок в том же духе из сочинения того же великого человека: «Вы, – говорит он в одной из проповедей, записанных с его уст, – вы, привыкшие присутствовать при совершении таинств, вы хорошо знаете, с каким почтением и осторожностью получаете тело Господа, боясь, быть может, чтобы не упала и малейшая его часть, ибо это справедливо вменилось бы вам в вину, если бы потерялась и малейшая его кроха. И если вы привыкли к такой осторожности, сохраняя Его тело, верите ли, что меньший грех есть пренебрежение Его словом?». *In Exod. hom. XXIII* * [XIII, in PG 12, 391].

Глава III. О язве на ребрах святой Церкви, которая есть разобщенность епископов

47. Божественный Творец Церкви перед тем, как оставил мир, молил небесного Отца, чтобы апостолы составляли совершенное единство, как и Он с Отцом составляют совершеннейшее из единств, имея одну и ту же природу. Это возвышенное единство, о котором говорил Богочеловек в дивной молитве после Тайной вечери, за несколько часов до Своих страстей, изначально было внутренним единством веры, надежды, любви. Но этому внутреннему единству, которое никогда не может уменьшиться в Церкви, должно было отвечать внешнее единство, подобно тому, как следствие отвечает причине, выраженное – выражению, изделие – чертежу или плану, согласно которому оно сделано. «Одно тело и один дух», – говорит апостол, и эти слова вмещают в себя все, ибо под телом подразумевается единство в порядке внешних и видимых вещей, а под духом – единство в порядке тех вещей, которые ускользают от нашего телесного зрения. «Один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас». Таким образом, опять проявляется единство божественной природы, поставленное в дивную основу того единства, которое должны составить люди, – те рассеянные, которых Христос собрал под Свои крылья, как наседка собирает цыплят, и соединил их в единую Церковь. Таков источник того единства епископов Церкви Христовой, которое так чутко ощущалось первыми из них, и которое святой Киприан красноречиво выражал в книге, озаглавленной именно так: «О единстве Церкви».

48. Апостолы имели и выдающимся образом сохраняли это двойное единство, ибо что касается внутреннего, все сообще обладали, так сказать, одним и тем же учением и одной и той же благодатью; что же касается внешнего единства, то лишь один среди них был главой и «началом этого единственного епископата, – как говорит великий карфагенский епископ и мученик, – которым все они твердо обладали». Только одному было дано в особенности то, что было дано всем сообще, и на одном, как на единой и неделимой скале, была построена та Церковь, для которой основанием равным образом служили все вместе, расположенные с ним и над ним.

49. Осознанность этого совершенного иерархического единства, которое является прекраснейшим выражением и почти отблеском единства внутреннего и духовного, наполняло грудь первых апостольских преемников, которые, даже будучи рассеянными по разным народам, чувствовали, что составляют единую, я бы сказал, облеченную высшим авторитетом личность, и сообще воплощают тот божественный идеал благодетельной власти, который подобно Богу неделимо пребывает во всяком месте. Они знали, что это чудесное единство было заветом, который Христос оставил Своим посланникам перед смертью, то есть перед тем, как пролить кровь, запечатлевшую этот новый и вечный Завет. Действительно, единство Его последователей, символически выраженное в евхаристическом хлебе, и также в Его нешвенном хитоне, покрывавшем божественную плоть, было как бы последним знамением всех обетов Христа, и должно было стать плодом Его безграничных страданий, ибо Он сказал Отцу: «Отче Святой! соблюди их во имя Твое; тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы».

50. И поскольку в умах и еще более в сердцах древних епископов царил великая идея единства, они не пренебрегали ничем, что могло связывать их вместе, ради сохранения совершенно одинаковой веры. Ничто они не любили сильнее совместности и согласованности деяния, что весьма важно для управления Церковью Божьей. Кто рассмотрит широту управления Церковью, распространенной среди всех народов земли, несомненно, изумится повсеместности такого единодушия в учении, в дисциплине и даже в обычаях. И насколько же немногочисленны и несущественны различия, которые могут при этом встретиться.

51. Но благодаря чему порождалось, из чего происходило такое положение вещей?

1°. Из личного знакомства епископов друг с другом: это знакомство начиналось между ними еще до их возведения в епископский сан, и было естественным следствием достойного воспитания, благодаря которому вырастали великие люди, из коих всегда избирались впоследствии епископы Церкви. Так что они либо были соучениками в школах других великих епископов, либо нарочно предпринимали путешествия для взаимного знакомства. Они не пренебрегали длинными и крайне трудными странствиями, для того, чтобы насладиться видом великого, известного святостью и ученостью человека, иметь неоценимую возможность слышать его голос и получить пользу от его беседы; и это благодаря существующему мнению, что одних только книг не достаточно для сообщения мудрости в том смысле, в каком понималось это слово, — то есть не бесплодного знания, а внутреннего разумения, глубокого чувства, деятельной убежденности, — но, напротив, присутствие, голос, жесты и даже самые незначительные действия великих людей способны сообщить мудрость, зажигая в молодых искру гения, которая погибает, или остается погребенной и неподвижной там, где пребывает, так сказать, в недостижимости от другого гения.

Св. Иероним прибыл из Далмации в Рим, чтобы получить там начальное образование; потом путешествовал в Галлию, где посетил всех подвигающихся там мужей; направился в Аквилею послушать св. епископа Валериана, под началом которого, как о том сохранилась память, находилось множество известных людей; после этого поехал на восток, к Аполлинарию Антиохийскому, стал учеником Григория Назианзина в Константинополе, и будучи уже седовласым старцем, не погнушался в Александрии получить из уст слепого Дидима то понятие истины, на поиски которого в те времена направлялись лишь путем смерти. Чего же более? Разве не для познания одного только вопроса церковного учения изъездил он полмира? Примером этому служит и священник Орозий, который из Испании поехал в Африку, чтобы выучиться у св. Августина способу оспаривать ереси, затопляющие в те времена Церковь. И он остался там для той же цели, для чего и св. Иероним поехал жить в Палестину. Так обучались богословию величайшие священники древности. Так величайшие мужи духовенства не жалели трудов, чтобы узнать друг друга!

52. 2°. Из постоянной переписки, которую непрерывно вели между собой даже самые отдаленные епископы, хотя им не хватало средств, доступных нам сегодня. Например, св. Вигилий, епископ Тридентский, послал в дар св. Иоанну Златоусту, епископу Константинополя, вместе с дружественным письмом часть мощей Анаунских мучеников, а другую часть — в Милан св. Симплициану. Кроме этих частных писем, выражающих дружественное отношение одного епископа к другому, между собой переписывались и сами Церкви, особенно главные с подчиненными, и в этой благочестивой переписке участвовали и духовенство, и народ. Достопочтенные послания публично читались в праздничные дни. Таковым был пример, преподанный апостолами своим преемникам: таковы послания св. Петра, св. Павла, св. Иоанна, св. Иакова, св. Иуды, которые доселе сохраняются в корпусе канонических Писаний; таковы послания великих понтификов св. Климента, св. Сотира Коринфской Церкви; также и послания св. Игнатия, св. Дионисия Коринфского разным Церквам, и в особенности, Римской Церкви, а также многие другие.

53. 3°. Из взаимных посещений одних епископов другими, подвижными братской любовью, или ревностью в делах Церкви; и не только ради одной им доверенной поместной Церкви, но гораздо более — ради Церкви вселенской, ибо все они сознавали, что являются епископами католической Церкви, и что одна епархия не может отколоться от единого корпуса верующих, так же как и какой-нибудь член не может отделиться от тела. Ибо как каждый член человеческого тела нуждается в приливе той массы крови, которая протекает по всему телу, до последних границ пронизывая его посредством толстых и средних жил, а так же и капилляров, и повсюду, так сказать, меняясь и перемешиваясь из сосуда в сосуд, так что невозможно приписать одну часть крови в собственность руке, другую же — в собственность ноге, ибо все является общим для всего тела (и то же самое можно сказать по поводу многих других жизненных соков, которые согласно собственным законам обращаются по всему телу, и об одновременном действии всех органов, согласных в произведении одного и того же следствия, то есть жизни, в которой каждая отдельная часть тела участвует и живет не потому, что обладает своей особенной жизнью, но потому, что имеет свою часть в целом). Точно так и в Католической Церкви, где каждому отдельному диоцезу подобает жить жизнью вселенской Церкви, сохраняя с ней непрерывное жизненное общение и получая от нее спасительное влияние. И если он ненадолго от нее отпадает, тотчас делается как бы мертвым, или же если случается препятствие общению с Церковным телом, его жизнь становится слабой и немощной, по причине препятствия, которое его душит и обессиливает, уподобляя тесно затянутым путами рукам, лишенным

чувствительности и подвижности, если только не руке, которая после несчастного случая подверглась параличу, и кровяной ток в ней уже замедлился, функции ослабли или прекратились. И если эти идеи не внедрятся в обучение наших духовных лиц, то с необходимостью получим епископов, взгляд которых едва достигает пределов собственного диоцеза, а мысли полны убеждения, что епископский долг весьма неплохо исполнен, если они регулярно появлялись в кафедральном соборе, или в семинарии, совершая, в какой-то мере, внешнюю службу диоцеза, не вызвав нареканий со стороны мирян, и, наконец, материально исполнив предписания архиерейского Служебника и Требника.

54. 4°. Из частых совещаний и соборов, особенно поместных. Единство Церкви подразумевало единство воли и убеждений. Достигнуть этого бессильно авторитарное господство одного лица, которое в полном одиночестве привлекает к себе зависть и враждебность, как правило, не просвещая, а еще более отягчая все, что подвластно ему. Об этом сам апостол говорил: «все мне позволительно, но не все полезно».

Отсюда происходила и необходимость в народном гласе, который в те времена, можно сказать, был верным советчиком правителей Церкви, и тот отчет, который сам епископ представлял народу обо всем, что он предпринимал в руководстве диоцезом. Эти уступки и снисхождения к воле народа везде, где только было возможно, сами по себе желанные и приятные, весьма были присущи епископской власти — власти наивысшей, которой под силу все, но не так, как земному царю, ибо ей под силу все лишь для добра, и ничто ко злу, ибо по самой сущности своей власть эта украшена смирением и великой скромностью, во всем весьма разумна, и поэтому сильна своей мягкостью. Отсюда происходила привязанность епископов к их пресвитерам, у которых они спрашивали совета во всем, что касалось управления Церковью, чтобы те, кто был исполнителем, участвовали также и в принятии решений, дабы решения эти получались согласными с общим устремлением, а общий дух и основания их были бы знакомы тем, кому надлежало приводить их в исполнение. Отсюда же берут начало и соборы, на которых все епископы одной и той же области (provincia), как истинные братья, дважды в год совместно обсуждали общие дела. Они советовались друг с другом по поводу трудных случаев, которые встречались им в их частном управлении, и согласовывали между собой все, что служило для искоренения беспорядков; решали дела, назначали почившим епископам преемников, которые бывали утверждаемы епископами одной и той же области и были им не только знакомы, но и желанны, и были таковыми, что наилучшим образом способствовали сохранению той совершенной гармонии, которая спланивала корпус епископов. Отсюда, наконец, брали начало высшие соборы — национальные и вселенские.

55. 5°. Из авторитета митрополита, руководившего всеми епископами одной и той же области, а также важнейшими кафедрами, главенствующими над несколькими областями и митрополитами. Это хорошо упорядоченное церковное управление чудесным образом соединяло и, так сказать, сцепляло в себе самое церковное тело. Иерархия же не была тщетной и служила не для одного лишь почета.

56. 6°. И наконец, прежде всего, из авторитета великого понтифика — краеугольного и вовек неколебимого камня среди несметного множества камней, из которых составлено здание епископского корпуса; камня, который стоит в основе истинного фундамента, дающего воинствующей Церкви ее самость и вечность. К нему обращались при каждой насущной необходимости все епископы и все Церкви мира, как к отцу, судье, учителю, средоточию, всеобщему источнику. От него черпали утешение претерпевшие гонения пастыри, получали милостыню обедневшие и нищие, равно как и верующие всех народов. От него весь католический мир набирался света, имел защиту, спокойствие и безопасность.

57. Таковы были шесть золотых колец, составляющих прочнейшую цепь, которая спланивала корпус епископов в самые прекрасные времена Церкви — действительно золотые! Ибо созданы были эти кольца не из какого-либо другого вещества, а из святости, братской любви, верности слову Христову и апостольским примерам, из ревности о Церкви, основанной на крови Христа и преданной в руки епископов, из всегда присутствующего в их душах страха и трепета перед тем счетом, который предъявит им в некий день Сам Господь и невидимый Глава и Пастырь Иисус Христос.

Мы видели, что нашествия варваров, свергнувших римское господство, положили начало тому периоду истории Церкви, который можно назвать периодом подвижности, когда она поднимается из своего застоя и начинает новое шествие. В этот период она развивает новую деятельность, ранее скрытую в ее лоне за неимением повода к проявлению, и оказывает на человечество новое действие со многими благотворными последствиями. Период, о котором мы говорим, характеризуется «входом епископов в политическое управление»: целью же

Божественного Провидения в этом важнейшем событии было, как мы сказали, добиться того, чтобы религия Христа проникла в самую глубь общества, и осветила его своим господством. Эта цель была достигнута, ибо Провидение неминуемо и определенно, но достигнута она была ценой тяжелейших зол, ибо человеческие деяния, которыми оперирует Провидение, с необходимостью ограничены и несовершенны. Одним из этих зол, кроме тех, о которых мы уже говорили, было разъединение епископов — страшный удар копьем, рассекший грудь и пронзивший само сердце возлюбленной невесте Христовой!

58. Мы должны увидеть, какие ступени прошла в своем развитии эта неслыханная жестокость. Но сначала пусть будет мне позволено сделать наблюдение о законах, согласно которым Бог устраивает дела святой Церкви.

Церковь имеет в себе божественное и человеческое начало. Божествен вечный замысел о ней и главное средство, благодаря которому этот замысел исполняется, то есть помощь Спасителя. Божествен, наконец, завет о том, что это средство никогда не уменьшится, что у святой Церкви всегда будет достаточно света для познания истинной веры, и благодати для возрастания в святости, благодаря всевышнему Провидению, располагающему всем на земле, согласно своему внутреннему порядку. Затем, кроме этого основного средства, человеческими являются все иные средства, которые участвуют в исполнении замысла Всевышнего: ибо Церковь есть общество, составленное из людей, и пока те находятся на земном пути, они подвержены несовершенствам и слабостям человеческой природы. Отсюда происходит, что это общество в своей человеческой части, развиваясь и прогрессируя, подчиняется общим законам, которые руководят судьбой всех остальных человеческих сообществ. И все же эти законы, ведающие развитием человеческих обществ, нельзя безоговорочно применять к Церкви, именно потому, что она не является полностью человеческим обществом, но частично божественным. В качестве примера скажем, что закон, согласно которому «каждое общество имеет начало, развивается до своего совершенства, а затем претерпевает упадок и гибнет», полностью невозможно приложить к Церкви, которой помогает сила, находящаяся по ту сторону человеческих дел, бесконечная сила, восполняющая потери, вселяющая новую жизнь, когда ветхая ослабевает. Именно по причине того, что это особенное и единственное общество имеет в себе нечто внешнее и высшее по отношению к чисто человеческим сообществам, оно не продвигается по общему для них пути. В итоге, Церковь так же непоколебима, как и человеческое общество, взятое в целом, которое было сотворено вместе с человеком и уничтожается лишь вместе с последним представителем этого вида.

Поскольку иные частные человеческие сообщества формируются, разрушаются и заново объединяются, для них имеется период разрушения, который следует за периодом формирования и предшествует другому периоду нового становления. Но эти *организующие и критические периоды* невозможно приложить ни к человеческому обществу в целом, ни равным образом к Церкви Христовой, существующим всегда, но лишь к их *акцидентальному модусу*: лишь этот последний организуется, разрушается и вновь организуется. Время, когда начинает действовать руководящая организацией сила, можно назвать *порой шествия (marcia)*; время, когда организация закончена, можно назвать *порой застоя (stazione)*. Церковь последовательно проходит эти два *периода*. Видно, что она то движется к какому-нибудь новому великому развитию, то пребывает в покое, будто уже достигла цели своего пути.

59. Другое наблюдение следует сделать по отношению к закону, который ведает развитием общества, прежде чем приложить его к Церкви. Выходит, что в других сообществах новое становление следует за разрушением, ибо сообщество стремится наилучшим образом восстановить то, что было разрушено ранее. Но в Церкви разрушение и восстановление одновременны, ибо они не воздействуют на один и тот же объект, как случается в других сообществах, но в то время как разрушается один порядок, одновременно с этим устанавливается другой. Приведем пример из той удивительной эпохи, когда духовенство по причине нашествия варваров было принуждено к участию в светском управлении, — пример из эпохи шествия Церкви Божьей, эпохи, которая составляет главный предмет нашего внимания.

Прогрессом Церкви в то время, новым порядком, который находился в процессе становления, было освящение гражданского общества. Это общество, до того времени языческое, должно было обратиться в христианство, то есть должно было согласовать все свои законы, свою конституцию и даже свои обычаи с Евангелием — новым законом любви и благодати. Но одновременно с этим развитием разрушался другой порядок вещей, и наблюдался в Церкви также и регресс, ибо новое направление, устремляющее Церковь к гражданскому обществу, несло с собой и вышеуказанное неудобство, ибо епископат, оторванный от своей природной деятельности — **наставничества и богослужения**, — был брошен в море мирских дел. Это

занятие было для духовенства неожиданным и незнакомым искушением, опасность которого хотя и была очевидной, но искусство сопротивляться ему и преодолевать его еще не было усвоено опытом. Следовательно, на своем пути человечество впало в ужасное испытание: святость духовенства пошатнулась, исчезли прекраснейшие правила, наикрасивейшие церковные обычаи. Вот разрушение, происходившее наряду со становлением. Такова, скажу еще раз, человеческая ограниченность! Она проявляется и в Церкви, которая своим новым прогрессом и развитием подвержена также изменениям и ухудшениям, хотя природа последних всегда акцидентальна.

60. Но что следует за всем этим? После того, как становление, которое Бог намеревался произвести, совершилось, после того, как прошел период разрушения и уничтожил все, что было оставлено Провидением, так сказать, ненасытности этого разрушения, то несколько кратких мгновений кажется, что этот происшедший разгром угрожает самому существованию Церкви, и может поглотить в открытой перед ней пропасти и все то, что одновременно с разрушением было установлено. В таком испытании Церковь возмущена, — лишь вера поддерживает ее, и в этом возмущении обращает она слезные прошения своему Божественному Творцу, Который спит в терпящем крушение челне. Тогда бьет час Его пробуждения, тогда Он запрещает ветру и морю. В это время опыт бывает обретен: по опыту познаются следствия разрушительного начала, и мысли, наконец, направляются на нахождение средства против него. В это время начинается новый период, когда приходит решение исправить повреждения, полученные кораблем в долгом и трудном плавании: приходит *эпоха застоя*, ибо эти возмещения не продвигают Церковь вперед, не дают ей какого-нибудь нового и большого развития, но лишь залечивают, так сказать, те ее части, которые слишком пострадали от нелегкого путешествия. Между тем, однако, проходит значительная часть пути, и после наладки уже неуязвимый корабль снова должен идти навстречу новым морям, новым ветрам, новым бурям.

61. Из-за этого порядок Божественного Провидения в управлении Церковью таков, что организующая сила всегда более значительна, чем та, которая ведает разрушением: поскольку две силы работают одновременно, все должно происходить с наибольшей скоростью и без потерь времени, но чтобы после окончания их действия следовал бы для Церкви такой отдых, при котором не было бы уже больших путешествий, ни великих предприятий, но чтобы стало возможным спокойно и тщательно исправить полученные повреждения, пока не придет время пуститься в новое смелое плаванье. Уже на протяжении многих веков после памятного 1076 года, и с новой силой после Тридентского собора, происходит работа по скрупулезному исправлению церковной дисциплины и обычаев. Кто знает, может быть, близится, время, когда великий корабль снова покинет свой причал и поднимет паруса на открытие нового и, быть может, более пространного континента!

62. Продолжим наш путь. В предыдущих главах мы видели неустанную работу, которую в века, следующие за первыми шестью, разрушающая сила развернула против Церкви в области образования народа и духовенства. Продолжим ныне рассмотрение этой враждебной силы, приложенной на разрушение единства между епископами.

Первые преемники апостолов, бедные и лишенные всего, общались друг с другом с навеянной евангелием простотою, которая есть выражение одного лишь сердца. Благодаря ей человек непосредственно открывает ближнему себя самого, и общение между рабами Божьими становится таким легким и приятным, полезным и святым. Таково было общение между первыми епископами. Но когда они были окружены и, как рвом, обложены светской властью, доступ к ним затруднился. Мирская гордыня изобрела постоянные титулы, определила вещественный церемониал, требуя от самолюбия людей щедрых жертв, которыми должно было оплачиваться их общение с прелатами, а зачастую — и дань унижения, составленную из притворства и лжи. По причине этих все возрастающих требований дошло, наконец, до того, что одни лишь предварительные попытки общения христиан с князьями Церкви оказались нагруженными настолько избыточными и вычурными формальностями, что часто не допускали возможного, то есть разумного решения. Таким образом, ум пастыря стада Христова, достойный размышлять о великих истинах и находить благоразумные советы, оказался исчерпанным в изучении нового церковного права, которое рождалось из нового церемониального кодекса, и заботе о нем. Следовательно, их характер сделался недоверчивым, мрачным, осторожным и обманчивым. Все это зашло еще дальше. Собор епископов, сам по себе сладостный и легкий, потребовал с тех пор серьезных и долгих размышлений, ибо, прежде чем только примкнуть к нему необходимо было большое желание изучать его церемонии, тугой кошелек для поддержания нужных на это расходов, много времени и сил вынести настолько тяжкие правила этикета, что порой нужно гораздо меньше усилий, чтобы довести до смерти ослабших стариков.

63. Эти препятствия, которые отдалили епископов друг от друга и окружили их, так сказать, отталкивающей атмосферой, являются верным знаком гордыни, прокравшейся в их сердца. А бывает ли для разделения и даже схизмы иная причина, сильнее гордыни, которая всегда соединена с двумя ее прислужницами — вожделием к богатству и стремлением к власти? Постоянным фактом церковной истории является то, что «повсеместно, где с епископской кафедрой на долгое время соединялась слишком большая светская власть, там всегда проявлялись причины раздоров». Здесь перед мысленным взором возникает Константинополь. Не прошло и века после его основания, как епископы нового Рима, усиленные близостью императора, дерзнули возвыситься над наиболее древними и почтенными кафедрами и после многих прений получить второе место в Церкви. Не удовлетворившись, они стали соперничать с Римом, что привело к роковой греческой схизме. Вот одна из очевидных и ужасных следствий земной власти, которая соединилась с Константинопольской кафедрой, — потеря Церковью Востока! На западе нашему взору открывается Равеннский экзархат, основанный в VI веке. Он скоро возбудил непокорность и неподчинение местных архиепископов Риму, так что смирить их удалось лишь при помощи крайних средств. Огромным источником раздоров и разногласий в западной Церкви были появлявшиеся там многочисленные антипапы, и, наконец, происшедшая в XIV веке великая западная схизма, которая даже после преодоления оставила глубочайшие зародыши разделения, зависти, скрытой враждебности между христианскими народами. Эти зародыши были усилены всем, что было сделано по вопросу схизмы приснопамятными соборами в Пизе, в Констанце и в Базеле. Именно эта схизма и подготовила отпадение Севера от Церкви, происшедшее веком позже. Преодоленная материально, схизма все-таки продолжается и своим нечестивым духом неустанно работает под покровом аулицизма и галликанизма. Ее плоды — эти плохо продуманные церковные начинания, проведенные императором или великим герцогом; или слепые амбиции четырех немецких архиепископов, которые, борясь против единственного Апостольского престола, законного покровителя их земных государств, потеряли свои владения; или вообще все то, что недавно желали, говорили и пытались сделать в одной католической столице для того, чтобы поставить там патриарха и вызвать новую схизму.

64. Эти нечестивейшие разделения, раздирающие грудь Невесте Христовой, не удивляют, если вспомнить, что если первые епископы и должны были погрузиться в земные дела, то все же имели сердце настолько святое и дух настолько подобающий епископу, что все это они делали лишь с бесконечной болью и слезами. Для их преемников дело обстояло несколько иначе. Все те, кто был исполнен мирским духом, вожделием к богатству и стремлением к светской власти, сами по себе весьма далеко отстояли от епископата бедного и трудящегося над проповедью Евангелия и непосредственно пекущегося о душах, ибо не находили в нем ничего кроме забот и тревог, и, более того, часто видели гонения, лишения и мученичества. настолько огромной была сила и настолько великим — дух жертвенности, требующийся для этого, что верно можно было о нем сказать словами апостола: «кто епископства желает, доброго дела желает». Но святые люди избегали его по иной причине, ибо видели в нем совершенно божественное достоинство, каким оно раскрывается лишь взору веры, и к коему может призвать и возвысить лишь Сам Бог, они же, исполненные смирением по отношению к себе самим, не считали себя и мало наделенными теми добродетелями, которых по своей природе требовало это великое и божественное служение. Получалось, что поскольку не представлялся никто стремящийся к епископской кафедре, Церковь была свободна в своем выборе и сама шла на поиски наиболее святых людей с бесстрастным суждением, то есть людей, суждение которых никак не могло быть поколеблено или возмущено ни благорасположением избирателей, ни какими бы то ни было кознями кандидатов. Таким образом, выбор падал на лица, наиболее блиставшие благочестием и мудростью. Но как только епископат перестал быть чисто духовной властью, и к нему прибавились администрирование несметными богатствами и забота о светском управлении, то этот добрый порядок изменился. Он стал более отталкивающим для святых людей, которые всеми силами скрывались вдали от него до той степени, что посредством обетов обязывали избегать его бремени, как это сделали те поистине апостольские мужи, основавшие три века назад, имея во главе Лойолу, сообщество неустанных работников в винограднике Господнем. И в то же самое время к епископству устремилось гораздо более конкурентов, чем требовалось, то есть все те, кто искал земной удачи, и перед кем были закрыты иные ворота, более трудные для открытия, нежели двери Церкви.

Именно в то время и родилось внешнее благочестие и формальность поведения благородных: родилась заслуга плебеев, которая заключалась скорее в способности ловко вести дела или хорошо знать каноническое право, чем в рвении искусно владеть мечом слова Божия и вести души к спасению. С той поры земные князья видели в тучных епископских кафедрах лишь

способ награждать льстецов и прислужников, а также устраивать своих младших или побочных детей: и то, что с самого начала делалось по инстинктивному и бессознательному вожделению, по прошествии малого времени превратилось в политическую систему и почти в государственное уложение. Я мог бы привести в доказательство сказанного любой, без различия, христианский народ Европы, ибо в каждом из них церковные дела пришли к тому пределу, что, в основном, по духу и по букве они такие же, как и в Венецианской республике последних времен, во владениях которой все епископы были младшими сыновьями патрицианских домов, и имели епископское призвание еще до рождения, то есть, еще не родившись, были обречены на епископство, даже будучи людьми ненасытными, жестокими, тщеславными, которые в отместку за такой приговор освобождали самих себя от святых обязанностей пастыря Церкви Христовой принимались вести ничтожную жизнь, полную беспечной неги. Но разве среди подобных епископов можно надеяться найти любовь, силу и то внутреннее истинно пастырское единство, которое рождается из совместного рвения за возлюбленную Невесту — Церковь — и из мудрости, которая возрастает и укрепляется согласием нравов и однообразием поведения?

65. Люди, живущие одной мыслью продвинуть человеческий род к истине и справедливости, и не имеющие иного интереса, легко завязывают между собой узы откровенной дружбы и внутреннего родства друг с другом. Истина универсальна и неизменна, а потому такое единство, которое имеет своим объектом это божественное благо, не может не быть универсальным, будучи неограниченным в числе своих членов. Равным же образом, будучи связано этим божественным благом, единство не может не быть стойким и постоянным, распространяясь на все внешние обстоятельства жизни и не прерываясь по случайным причинам. Таковым было братство древних епископов, которое имело предметом и связующей силой евангельскую истину, основой же — Самого Бога. Но там, где человеческий дух обращается к земным богатствам, предлагая их себе с целью наслаждения и, как следствие этого, накопления и умножения, он уже более не свободен, более не посвящен исключительно тому великому благу, которое одно способно быть всеобщим, не уменьшаясь на долю каждого, которое не получает цену от внешних и изменчивых вещей, но неизменно имеет ее в себе самом. В этом случае человек тщетен, он больше не может составить действительно верного, неразрывного и дружественного сообщества с другими людьми. Сообщество таких людей может быть лишь обусловлено обстоятельствами. При любых внешних формальностях или проявляющихся время от времени знаках частичной привязанности, единство этих людей всегда заведомо ограничено, сопряжено с опасением и осмотрительностью, должно учитывать множество условностей, которые его невероятно ослабляют и изменяют его природу. «Если только; как; сколько; лишь настолько, чтобы союз не повредил интересу, который есть предмет, или, по крайней мере, условие самого союза», — вот, сколько подразумевается формул. Что же может произойти там, где богатые и властные епископы не являются героями особенной добродетели, но, скорее, принадлежат к людям, которые, быть может, всю жизнь нацеливались на теплое местечко? Чего ждать от подобных апостолов? Разве можно сомневаться в том, что их заботы будут направлены на их имущество и земную власть? Счастливые посреди их мирского достатка, они никогда не будут ощущать большого желания сохранять духовную связь с другими епископами: ибо у поглощенных материальными делами никогда не будет достаточного времени, ни желания оживлять подобную церковную деятельность, которая, к тому же, требует иного расположения духа и иного рода занятий. И если чудесным образом они постараются сохранить некоторую связь и внутреннее родство, то этот союз неминуемо попадет в вышеуказанную ловушку способа, личностей, общественной степени и исторического момента, одним словом, будет задержан необходимостью не вызывать никакого возмущения их удобству, никакой докучки их удовольствию, никакой опасности их мирскому величию, никакого увеличения забот и трудов.

66. История Церкви показывает также, что епископы, пришедшие к владению княжествами, стали враждебными друг другу и были вовлечены в междоусобную борьбу, в войны и во все ужасные распри, которые возмущали народы на протяжении веков. Они стали участниками жестоких раздоров, направленных против человечества, роковых для основанной на любви Церкви и служащих поводом для ужасного соблазна тем, кому Христос сказал: «посылаю вас, как овец среди волков». И было весьма естественно, что эти епископства, превратившиеся в одно из самых влиятельных государств с политическим управлением, и уже душевно привязанные к этой своей земной судьбе, вовлеклись в кипящие между сильными мира сего стычки и разногласия, ибо власть и богатство, по сути, являются нечестивыми источниками напряженности либо для тех, кто их хочет сохранять для накопления, либо для тех, кто ими пользуется как средствами к нападению, чтобы умножить их. Поэтому святое, непрерывное и вселенское единство ранних епископов прервалось, и вместо него появились эти частичные и

временные союзы, которые рождаются из временных интересов, — то есть конфедерации, лиги, партии. Какое сравнение! Могло ли при наличии такой разобщенности сохраниться единства корпуса епископов? Разве из всего этого не следует с необходимостью всеобщее разобщенность епископов, которое, к сожалению, является одной из тяжких и жестоких язв, из-за которых Божья Церковь продолжает лить безутешные слезы?

67. Очевидно, что эти погрязшие в мирских делах и заботах епископы постоянно должны общаться с магнатами и князьями: очевидно также, что это постоянное общение со светскими лицами не может долго продолжаться без того, чтобы епископы не заразились их нравами и обычаями, не изменили бы себя согласно их вкусам, вместе со своим окружением, и жилищем. Очевидно также, что мирское общение противоположно церковному, и кто поддался роскоши, шуму и вольностям одного, уже с отвращением относится к скромности, порядку и суровости другого. Таким образом, необходимо должно было случиться, что прелат, объятый величием века сего, не только гнушался близости с народом — своей паствой — и с низшим духовенством, которое исключительно было занято самыми скромными трудами в Церкви, и в частности, заботой о душах, но избегал самого общения с другими прелатами, именно по причине их принадлежности к Церкви, предпочитая общение с благородными мирянами — более веселое, менее сдержанное, и иногда более выгодное с точки зрения последствий.

68. Поэтому и оставляют эти пастыри свои диоцезы не по причине вовлеченности в национальные парламенты или советы, а ради привычного удовольствия быть при дворах правящих особ, откуда тщетно их пытались извлечь голоса стольких Соборов. Но зачем же влекутся они ко дворам? Быть может, чтобы насладиться удовольствиями; или постараться еще более увеличить земную удачу, открывшуюся вечно неукротимым желаниям человеческого сердца; или насытиться тщетой, получая от нее дары, и хвастаясь этим; или может для того, чтобы замешаться в двоедушии и варварстве политики; или воевать с самой Церковью, с ее учением и дисциплиной; или занимать гнусную должность доносчика; или удовлетворить их личную зависть по отношению к собратьям по епископству; или разжигать коварную и кощунственную войну против их общего отца и учителя, римского понтифика; или чтобы, исходя из улыбки князя, взвешивать блаженство своих трусливых душ; или, может, льстить ему, потакая низменным удовольствиям, поощряя самые жестокие начинания с дурным и беспечным попустительством; — но как же я говорю «поощрять»? — не поощрять, а благословлять эти начинания, освящать эти удовольствия торжественными епископскими словами, проституированием Евангелия и всех форм благочестия. О Боже! я не перечислял того, что лишь возможно: всему сказанному мной находят ужасные примеры в Истории! Там записаны они четкими и неизгладимыми буквами, и ни горькие слезы Церкви, ни вековое течение времени не смогут их стереть!

69. Целью Провидения в том, чтобы церковная власть получила большое влияние в политическом управлении, несомненно, было учреждение миролюбивых посредников между правящими и подчиненными, между слабыми и сильными. Для этого Церковь, которая в течение шести веков учила первых подчинению и беспримерной кротости, должна была равным образом научить вторых умерять употребление власти, и смирить их под знаком Креста, и ради Креста подчинить их справедливости. Таким образом, благодаря справедливости и благосклонности, они должны были из судей человеческих превратиться в слуг народа Божьего. Этот долг церковной власти, эта благородная миссия Церкви Христовой исполнялись ею устами многих епископов, которые говорили правду, и были, по слову Писания, свидетелями Божьими перед лицом царей. Такие епископы всегда находились, несмотря на развращенность большого числа их собратьев. Они грудью восстали против свирепых взрывов их гнева и сломили их спесь: как только потемнели первые вспышки, они заставили их понять, что существует нравственная власть, совершенно отличная от материальной, которой они обладали. Эта власть мирная, исполненная кротости, но она призвана направлять и судить животную силу. Эта неслышанная власть есть евангельский закон, единственно из которого произошли все эти войны, ставшие предметом столь многого злословья и клеветы, но все-таки прекрасные и благородные, которые вместе с правителями на благо народов укрепили римских понтификов Средневековья, и принесли миру совершенно новый вид монархии — монархию христианскую. Так Всевышний располагал, чтобы свирепое властвование земных государей подражало миролюбивому правлению епископов Церкви, и чтобы прекратилось в христианском мире рабство, ибо у Церкви Христовой нет рабов, а только чада; чтобы прекратилась произвольная власть, ибо Церковь правит только свято и разумно; чтобы наконец прекратилось положение, когда для малого числа людей большинство является лишь чистым средством, ибо церковная власть есть служение немногих, приносящих себя в жертву многим, которые стали их ближними.

Бог совершил все это посредством Христа: совершил в фактах, и где фактов не доставало, восстановил суровое общественное мнение народа по отношению к злоупотребляющим властью. Поэтому вошедшие во все умы евангельские максимы стали элементом нового здравого смысла, осуждающего монархов с той суровостью, которая доселе не встречалась нигде, но только среди христианских народов. Но эта благородная миссия католического духовенства исчерпалась: период обращения общества закончился в XVI веке. Ныне все свидетельствует о том, что готовится новая эпоха в истории Церкви, которая за последние века трудилась, чтобы исправить мельчайшие свои повреждения. И поскольку духовенство, ставшее слугой и ничтожным льстецом государей более не является посредником между ними и отторгающим его народом, то ныне рождаются времена, подобные нашим, когда все становится безбожием и нечестием. Церковная власть смещена, она уже не стоит между законной властью монарха и нравственной властью народа, но поглощенная первой уже составляет с ним единое целое и совершенно лишена своей природы, показывая два лица, из которых одно жестоко, а другое обманчиво, и две формы — военную и клерикальную. В это время весь мир переполнен военными бандами и избыточным числом никчемных священников; монархи предостоят народу либо для того, чтобы получить смертный приговор, или (что еще более жестоко) чтобы выносить его; нет больше никого, кто бы примирил государей с народом, соединил бы их руки, благословил бы их договор, утвердил бы их клятвы, ибо оставшись без веры и без дозволения, каждая из сторон боится и угрожает, готовит полевое сражение и на это сражение надеется. Чему же удивляться, если в России, в Германии, в Англии, в Швеции, в Дании и в других странах, католические государи, поддавшись случайному капризу некоторой страсти, пожелали объявить себя главами религии, отняв их государства от Церкви, и не нашли никакого сопротивления среди епископата, а напротив получили в качестве епископов наиболее ревностных служителей беспощадного насилия, которое они намеревались произвести над Церковью? Эти схизмы были совершены еще прежде их совершения: к ним только прибавились внешние формальности, изменилось лишь название: уже не существовало церковной власти, единственной способной помешать этому, ибо она смешалась с верховной властью; епископы отказались быть епископами, чтобы быть придворными вельможами, и не только потому, что были разъединены между собой, ревнуя и завидуя друг другу, но были отторгнуты и от их главы, римского понтифика, и от вселенской Церкви, предпочитая этому их личное единение с государем. Так они отказались от всякого собственного существования, предпочтя скорее стать рабами изящно одетым людям, чем апостолами обнаженного Христа. Увы, что за зрелище представляют собой ныне католические народы! Каким будет единство и великодушие епископов, если в душу правителя войдет желание отделиться от единства Церкви!

70. Надо заметить, что даже когда продажность верховных пастырей не доходила до такого предела (хотя и ничто не в состоянии ее остановить на половине пути, и всякое зло, как и всякое добро, в человеческом обществе должно развиваться и коснуться своих пределов), все же подобострастная привязанность епископов к государям, и постоянная их материальная вовлеченность в дела последних всегда ослабляет единство епископата. Ибо епископ, ставший министром государя, и весьма влиятельным в политике лицом, должен остерегаться тех, кто работает с ним, и даже своих братьев по епископству. С этих пор он становится осторожным, молчаливым, скрытным, труднодоступным. В этих обстоятельствах все политические партии, возникшие в одном народе, более того, все системы, которые следуют друг за другом в правительстве, разобщают и расчлениают епископский корпус на куски, которые примыкают друг к другу лишь формально, лишь на некоторое время ради всеобщего спокойствия, ибо сохраненные издревле церковные формы внешне служат проявлением братства и любви, но они в тайне отъединены друг от друга и раздроблены. Эта раздробленность тем более ужасна, что облачена внешне в одежды пастырской кротости. Что же сказать о единстве епископов, принадлежащих к различным народам? Поскольку они фактически перестали быть епископами Католической Церкви, они представляют собой национальных понтификов, так же, как и их епископская степень, превратилась в административную должность, подобную другим политическим должностям. Согласно этому ведут они с епископами других народов и с самой Церковью Божьей войны и заключают перемирия, питают дружбу и испытывают вражду. Уже в XV веке проявился величайший соблазн, который когда-либо был в Церкви, когда собрался собор, разделенный между разными народами, на котором фактически была отвергнута полученная епископами от Христа власть быть Израилю судьями в вере и учителями, и было постановлено разрешать догматические споры в христианстве не голосами прелатов, а голосами народов, и на ассамблеях каждого из государств допустить смешанное голосование епископов, священников и мирян. Таковой была печальная прелюдия целому множеству собраний (la dieta)

и конгрессов, проведенных по секулярному принципу, которые в XVI веке последовали друг за другом в Германии по случаю Реформации, к плачевным церковным соборам прошлого века и к тем решениям стольких городских управ, которые, обсуждая религиозные темы, отвергли веру отцов. Епископы потеряли голос, его поглотила мирская власть. После этого стоит ли удивляться конституциональным священникам во Франции и чудовищной системе национальной Церкви?

71. Да, необходимо придти к идее национальной Церкви, если епископат больше не считает себя сонмом пастырей, а органом государственного правления, если он стал политическим аппаратом, государственным советом, или собранием придворных. Эта национальность Церкви, которая фактически существует гораздо раньше, чем формально, представляет собой нечто совершенно противоположенное всякой кафоличности, являясь как бы его совершенным разрушением. Каким же образом глава Католической Церкви, ревнующий о Невесте Христовой, будет состоять в братстве с этими национальными или придворными епископами? Разве в одном этом вопросе не содержится достаточная причина для ограничений, которые римский понтифик наложил на епископскую власть, и на эти папские меры предосторожности, которые стали поводом для стольких ссор и клеветы? Разве было другое средство спасти Церковь от распада на части, от разъединения всех ее епископов, средство укрепить и сделать более действенным ее центр? Разве не было необходимым и безотлагательным в этих обстоятельствах, чтобы глава епископов взял в свои руки кормило власти, так позорно упущенное ими, чтобы небесный корабль не свергнулся в бездну? Действительно, если в Церкви остается что-либо от свободы (а без свободы Церковь не может существовать лучше, чем человек без воздуха, которым дышит), этот малый остаток не находится среди епископов, но полностью сосредоточен в римском престоле, кроме, возможно, той свободы, которой пользуется Церковь в Соединенных Штатах Америки, или в других акатолических областях, где один только католицизм еще дышит с некоторой долей свободы. Говорю с некоторой долей, ибо все сделано для того, чтобы подвергнуть всемирному бесчестию и римского понтифика, который если и свободен, то лишь со дня на день, и вечно утомлен борьбой; он свободен, но подобен Самсону посреди филистимлян, с той разницей, что постоянно и ценой невероятных усилий должен рвать вечно обновляющиеся путы, которые обвивают его со всех сторон. И все же он свободен, да, свободен вопреки всем сделкам с совестью, на которые его понуждают «цари земли и князья», что «совещаются вместе против Господа и против помазанника Его». Но именно потому, что он свободен и непокорен, ибо сила, поддерживающая его, превышает человеческой власти, происходит, что «мятутся народы и племена замышляют тщетное»; именно поэтому подымается вся земля, и на одного него восстает весь ад, не имея иной не завоеванной крепости, против которой он бы мог направить свои козни; именно поэтому происходит, что все людские разногласия сразу же приглушаются, когда речь идет о том, чтобы соединиться вместе на пагубу видимого главы Церкви. Именно поэтому происходит и то, что не только нечестивые, не только еретики, не только правители, но и епископы — придворное и национальное духовенство — в сердце своем не имеют более ненавистного, более отвратительного предмета, чем их общий отец, Римский епископ, ибо он единственное препятствие, еще стоящее перед ними на пути рассеяния, куда они встали по невежеству, по немощи, следуя предрассудкам, собственной развращенности, дьявольскому лукавству. Этот путь, говорю, ведет к отступничеству, к продаже Христа, к отчаянью Иуды, они же ничего не понимают! Видя такое несчастье Невесты Спасителя, верные ученики преданного Учителя не имели бы никакого утешения, если бы Он перед распятием не оставил им этих слов: «ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее».

72. Другим плачевным следствием этой лживой позиции епископов, которая все более и более отдаляет их друг от друга, была ревность к ним со стороны правителей. После того, как прелаты стали такими же земными господами, они испытали зависть и иные последствия принадлежности к благородному сословию. И когда верховная власть стала бояться этого сословия и вести с ним борьбу, то она боялась и вела борьбу с епископами даже более, чем со знатью. Следовательно, епископы всегда находились под строжайшим надзором, всегда были ограничены в своих действиях, связаны в своих действиях, запертыми и осажденными, подобно пленникам, не только в пределах государства, но и в собственных диоцезах. Так они были разделены между собой в силу государственной политики, и не могли объединяться в соборы, будучи подвергнуты бесконечным унижениям. Скоро их власть пала вместе со знатью, но они были слабее знати, ибо легче лишились своего господства, испытывая, к тому же, зависть со стороны самих аристократов. И вдобавок ко всему их унижению были награждены еще и тем, что, будучи приживальщиками, несомненно, содержались на расстоянии миллионов миль от христианского центра. На каждое их разногласие между собой и с главой епископов смотрели

поощрительно; среди них сеяли плевелы; хвалили и исподтишка поддерживали, благосклонно смотрели любой мятеж. Поэтому папа, этот отец отцов, этот верховный судья веры, этот всеобщий учитель христиан, не мог более свободно общаться со своими собратьями и сынами, с теми, кого вместе с ним и под его началом Сам Христос поставил на управление Церковью; не мог более поправлять их, призывать на свой суд, ни чада его не могли к нему прибегнуть, терпя несправедливость. Решения папы на предмет веры, его приговоры по поводу нравов прежде обнаружения должны были подвергаться светскому суду, притязавшему на возвышение над любым церковным судом, более того, — зачем я говорю «суду»? — не суду, а политическому расчету государя, не турка, не иудея, а крещенного, то есть сына и подданного Церкви, от которой он получил христианское обучение, и клялся сохранить его в крещении; сына и подданного, который может быть предупрежден, призван к осознанию своих ошибок, наказан, как и любой происходящий из народа верующий, ибо Церковь не взирает на лица, и люди действительно равны перед законом Иисуса Христа. Наконец, на протяжении веков дошло до того, что было организовано новое ответвление полиции исключительно для духовенства. И это была самая дотошная, самая беспокойная и непреклонная полиция, под несметными уколами которой католическое духовенство страдало мучениями тех ранних христиан, которые покрывались медом и выставлялись на солнце, чтобы медленно умирать под жалами мух, ос и слепней. Эта система, однако же, не была доведена до совершенства сразу. Ее устройство было долгим, трудным и ученым делом законников, этих тончайших льстецов всякого правительства: но первая и самая общая мысль об этом учреждении человеческой гордыни, несомненно, была внушена политике правительств лживой позицией павшего духовенства. Она является одной из тех идей, которые живут и действуют в душах и поведении правителей задолго до того, как кто-либо из них становится способным выразить ее в явном виде, или смог бы осознать ее, или оформить в виде теории. Позже приходит какой-нибудь глубокий политик, который овладевает этой мыслью, и с того момента она слагается в систему и приобретает имя от того министра, который первым заметил ее наиболее ясно и следовал ей наиболее верно: с той поры эта система начинает работать с неустанным трудолюбием, и посредством строгой методики достигает всех степеней своего последнего развития. Кто бы мог подумать, что такой политикой, разрушительной для свободы и для существования Церкви, мы обязаны духовному лицу? Прелату, наделенному всем видимым благочестием, но министру правителя? Но не знал и сам Ришелье, когда принижал знать, чтобы выхватить из ее рук власть, что в тот момент он создавал современный принцип монархии, которая стала нестерпима народам, и они, усилившись, восстали против нее; которая стала нестерпимой духовенству разных стран, но оно, ослабев, покорилось ей. У духовенства нет иного прибежища кроме тайного стенания, коим оно испрашивает у неба другого Моисея, который выведет народ Божий из Египта. Пусть же ниспошлет его немедленно Господь, обитающий в неопалимой купине!

73. Если затем рассмотреть, как получилось, что богатства духовенства, не применяемые в благотворительности, стали причиной зависти для народа, основой ненависти для знати, которая видит в этом богатстве отнятые у нее наследственные владения, и предметом ненасытного вожделения со стороны правителей, не будет трудно признать в этих богатствах обильный источник разъединения народа Божьего. Следует думать, кроме прочего, что богатство, которым владеет духовенство, не находит в ее среде, по природе чуждой оружием, соответствующей силы для того, чтобы быть защищенным; а всякое незащищенное богатство рано или поздно становится долей того, кто силен, и чей взор слишком раздражен видом легко приобретаемых сокровищ. Очевидно, что все разграбления Церкви, многократно повторяющиеся в разные исторические эпохи, имели под собой эту общую причину, или вернее, общее обстоятельство слабости обладателей. Этим объясняется, почему аристократов не грабили так же часто, как духовных лиц: ведь они, как правило, обладали достаточной мощью, но как только ослабели по сравнению с другой чуждой им силой, та не преминула обрушиться на них, как в последнее время мы видели это на примере французской революции, — события гораздо менее нового, чем обычно думает толпа. Но наиболее плачевным следствием разграбления духовенства является то, что по невежеству в людские умы входит ошибочное мнение, будто церковные богатства составляют одно с самой Церковью и христианской религией. К сожалению, само духовенство призвало к жизни этот предрассудок. Поскольку не было у него иного средства защитить свои земные блага от захватчиков, как лишить последних пользования духовными благами, оно сделало в глазах грабителей святотатство равносильным отказу от веры и неотделимым от него. Следовательно, те государи, которые решали любой ценой ограбить духовенство, вместе с тем шли на полный разрыв со святой Церковью. Совершенно ясно, что

если духовенство предусмотрительно, то оно должно быть более осторожным в наши дни. Отлучениями, наложенными по причине разграбления церковного имущества, совершалось еще большее преступление, ибо большим несчастьем, чем просто ограбить, для человека будет ограбить и тут же оказаться отпавшим от святой Церкви. И совершающего большее преступление, большее нечестие наиболее трудно найти среди религиозных народов, где жива еще вера, и зло ограничено в степени, от чего, в определенное время и в определенных местах, отлучения, как мы говорили, могли защитить церковные богатства. Но во времена безверия, когда повсюду страстность и степень развратности повышена и может осмелиться на любое преступление, отлучение от Церкви не останавливает преступников, но взвинчивает их и толкает на превышение пределов собственной преступности. Быть может, в некоторых странах и возможно было бы спасти католическую веру от крушения, вовремя освободив Церковь от дурно употребляемых богатств, которые служили причиной опасности, подобно тому, как облегчается челн посреди жестокой бури, когда бросают в море пусть даже самые ценные и дорогие вещи, чтобы спасти судно и жизни путешественников. Может, оставив в целесообразное время Густаву Вазе, или Фридриху I, или Генриху VIII огромные богатства, которыми Церковь владела в Швеции, в Дании и в Англии, или хотя бы часть этих богатств, обедневшее духовенство тех народов смогло бы спасти их, спасая самого себя, и смогло бы воскресить веру теми же средствами, которыми апостолы насадили ее! Но где же возможно найти богатое духовенство, имеющее смелость стать бедным? или такое, чтобы у него хватило незатененного разума понять, что пробил час, когда обеднить Церковь значит спасти ее? Но, быть может, долгий и трудный опыт... возможно, великодушный вопль о свободе, недавно возглашенный одним человеком, который, какое бы мнение не имелось на его счет, будучи одержимым великой мыслью, возвышающейся над всеми частностями, и совершенно особенным католическим чувством, наполняющим все его слова, не напрасно сотряс воздух, не напрасно раздражил слух часовых, поставленных Богом на страже Израиля! — Возможно, само смятение народов, которое, проявляясь, принимает совершенно материальные формы, ибо нуждающееся в выражении чувство облачается в первую же попавшуюся одежду, хоть она может и не подходить или вовсе противоречить ему, это смятение, говорю, эти постоянные жалобы на материальные отягчения, которые имеют, быть может, тайный источник, еще не открытый самими народами, и религиозная нужда скрывается там, где кажется, что больше всего торжествует неверие: нужда в религии, свободная сообщиться сердцу народа без посредства правителей и правительств, а вопль неверия лжет самому себе, и в порыве ненависти по ошибке смешивают саму религию с порабощенным служением ей. Божественным Провидением готовится смешивание народов, которое имеет целью не уменьшение дани (которую революционные народы терпеливо выносят и в большей мере), а — кто же этому поверит? — освобождение Церкви, основанной Христом, держащим все в Своих руках.

Еф IV, 4.

Еф IV, 5, 6.

Deus unus est, — говорит св. Киприан — et Christus unus, et una Ecclesia et Cathedra una super Petrum, Domini voce fundata. Ер. XL * [Бог един, и Христос един, и едина Церковь, на Петре гласом Господним утвержденная].

Episcopatus unus est, cujus a singulis pars in solidum tenetur. Lib. de unit. Eccl. * [PL 4, 516].

Ин XVII, 11.

В качестве примера можно упомянуть о том, что под руководством св. Мелетия в Антиохии был поставлен св. Иоанн Златоуст; и Сократ * [первый продолжатель «Истории» Евсевия Кесарийского] рассказывает, что видя прекрасный характер юноши, этот святой епископ позволял всегда быть рядом, крестил его после трех лет подготовки и поставил его чтецом, позже рукоположив в иподиаконы и в диаконы. Вместе со св. Златоустом были Феодор и Максим, которые потом стали епископами Мопсуэстии Киликийской и Селевкии Исаврийской. Диодор, руководивший ими на пути аскезы, также был епископом Тарсиса. Василий, друг св. Иоанна Златоуста, был поставлен в епископы совершенно молодым. Вот гнездо епископов, бывших друзьями прежде возведения в сан. Если нужен западный пример, стоит рассмотреть школу св.

Валериана, епископа Аквилеи. Когда его пометил св. Иероним, то кроме св. Хромация, наследовавшего св. Валериану кафедру в Аквилее, кроме Елиодора, также ставшего потом епископом, там полно было ученейших и благочестивейших священников, диаконов, и низших служителей, таких как Руфин, Иовин, Евсевий, Непоциан, Бенозий и другие, имена которых благоговейно сохранила история. В Африке известен дом, или вернее, монастырь св. Августина, бывший питомником епископов.

Это еще более сильно происходит на сверхъестественном уровне. Святые сообщают всеми своими действиями и почти переливают дух святости в тех, кто их окружает. Это выразил Христос наиболее ярко в своих словах: «кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой» *Ин VII, 38*.

* [Имеются в виду Мартирий, Сисиний и Александр, погибшие мученической смертью, проповедуя христианство в Анаунии (латинское название долины Валь ди Нон) недалеко от Роверето, родного города А. Розмини].

* [Понтификат святого папы Сотира, итальянца из Кампаньи, приходился между 166 и 175 годами].

В этом послании Дионисия к Римской Церкви святой, между прочим, говорит: «мы сегодня отмечаем святой праздник Воскресного дня, и прочли ваше послание, которое продолжаем читать ради нашего обучения, как и предыдущее, написанное нам Климентом». Евсевий *Stor. Eccl., lib. IV, c. 23* * [PG 20, 390]. Известны семь посланий этого известного коринфского епископа, написанные верующим разных Церквей, а именно, кроме Римской, еще и Лакедемонской, Афинской, Никомидийской, Церкви Амастра Понтийского, Критской Церкви, а также одно послание гностикам того же острова. Самые прекрасные из сохранившихся до наших дней послания принадлежат св. Игнатию Богоносцу и направлены к Ефесской, Магнезийской, Траллианской, Римской, Филадельфийской и Смирнской Церквам. Настолько были широки связи, поддерживаемые теми святыми епископами, пресвитерами и христианскими народами!

О долге епископа во вселенской Церкви так говорит св. Киприан: *Copiosum Corpus est Sacerdotum concordiae mutuae glutine atque unitatis vinculo copulatum, ut si quis ex collegio nostro haeresim facere et gregem Christi lacerare et vastare tentaverit, subveniant ceteri. Nam etsi Pastores multi sumus, unum tamen gregem pascimus, et oves universas, quas Christus sanguine suo et passione quaesivit et fovere debemus.* * [Обилен корпус священников, склеенный взаимным согласием и связанный узами единства, так что если один из нашего собрания пытается ересью разорвать и разграбить стадо Христово, другие приходят на помощь. Ибо даже если много нас, пастырей, одно мы пасем стадо и общих овец, которых Христос Своей Кровью и Страстями взыскал, мы же должны сохранять] *Ep. 68. Al. 67. Ad Steph.* * [PL 3, 1029s].

1 *Кор VI, 12.*

«Все делалось в Церкви, – говорит Флери, – посредством совета, ибо было желание, чтобы в ней не царил ничто, кроме разума, закона и воли Божьей». – «Собрания имеют то преимущество, что, как правило, в них всегда находится некто, показывающий, какая из сторон лучшая, и приводящий других к соглашению. Собрания производят взаимное уважение, ибо стыдно прилюдно выказать себя несправедливым. Те, которые слабы в добродетели, поддерживаются другими. Нелегко совратить весь собор, но легко завоевать одного человека, или того, кто им руководит, если тот определяется самовольно, беспрестанно следуя наклонности своих страстей. – В каждом городе епископ не предпринимал ничего важного без совета священников, диаконов и важных членов духовенства. Часто спрашивали совета и у всего народа, когда он непосредственно был заинтересован, как при рукоположениях».

Св. Киприан отчитывался перед своим народом во всем, что делал, и не имея возможности делать это непосредственно во время гонения, все же отчитывался посредством посланий, некоторые из коих сохранились до наших дней (см. *Ep. 38, col. 33* * [PL 4, 338-340]). Два века спустя св. Августин поступал так же со своим народом. В своих проповедях он сообщает народу о

всех церковных нуждах и рассказывает ему о всех подробностях своего поведения. Среди прочих заслуживают рассмотрения проповеди CCCLV, CCCLVI * [PL 39, 1568-1581].

«Согласие народа настолько принималось во внимание, – говорит Флери, – в первые шесть веков Церкви, что если он отзывал уже рукоположенного епископа, то не принуждался, и поставляли другого, который был бы приемлем для народа» («История Церкви» т. 5, стр. 283). Св. Августин соглашается с этим в следующих словах, направленных непосредственно к народу: «мы христиане для себя самих, епископы же – для нас» (проповедь 359 * [PL 39, 1483]).

Св. Киприан в письме к своему духовенству, написанном из убежища, где он скрывался во время гонения, указывает на свое одиночество как на причину того, что он не ответил на письмо, направленное ему некоторыми священниками, говоря: «с начала моего епископства решил я ничего не делать своей головой, без вашего совета и народного согласия» (Ер. 14 * [PL 4, 268-170]). Так он поступал, следуя постоянному примеру апостолов. Вспомним апостольский способ выбора диаконов. Апостолы, несомненно, имели власть избрать любого, кого хотели. И все же с какой мягкостью и осторожностью предлагают они верующим, чтобы те сами назвали бы тех, кого оценили бы наиболее подходящим и достойным к подобному служению.

Пятое из двадцати дисциплинарных правил великого Никейского собора гласит, что во всех областях собор должен созываться дважды в год * [Соответствующее место этого правила гласит: «Соборы же да бывают, один пред четырьдесятицею, да по прекращении всякого неудовольствия, чистый дар приносится Богу; а другой около осеннего времени» – Еп. Никодим (Милаш), «Правила Православной Церкви с толкованиями», СПб 1911, т. 1, стр. 191-192].

Необходимо, стало быть, различать две эпохи и два периода. Точка, откуда начинается новый порядок вещей, составляет эпоху шествия; точка, в которой этот порядок вещей уже совершенно установлен и укреплен, составляет эпоху застоя. Между эпохой шествия и эпохой застоя имеется периода, когда общество работает на самоорганизацию, то есть на достижение совершенства того порядка вещей, к которому оно устремлено, и это есть период, который мы называем *организующим*. После того, как порядок вещей окончательно установился и в Церкви настал период застоя, человеческие факторы не могут остановить свое действие, благодаря чему вскорости следует другое движение в противоположном направлении, то есть движение к разрушению, и настает период, который мы называем *критическим периодом*.

Различными были причины, по которым духовенство силой обстоятельств и действительно наперекор собственному желанию было вовлечено в мирское управление. Среди нам известных причин можно назвать ту, которую знаменитый историк выражает следующими словами: «римляне питали огромное презрение и неприязнь к этим новым господам (варварам), которые сверх обычной для них деревенской неотесанности и природного свирепства, поголовно все были язычниками или еретиками. В качестве противоречия этому среди народа возросло уважение и доверие к епископам, которые все были римлянами и часто самого благородного и влиятельного происхождения». К этому он добавляет: «С течением времени крестившиеся варвары вошли в духовное сословие и привнесли туда свои обычаи: так что вскоре появились не только священники, но и епископы, бывшие охотниками и воинами. Они также стали сеньорами и в качестве таковых обязаны были посещать ассамблеи, на которых регулировались государственные дела, и которые в то же самое время служили национальными парламентами и советами».

Когда в первые времена речь шла об управлении застольями верующих, епископы избрали семь диаконов, поручая им эту заботу. По отношению же к самим себе, сказали, что не пристало им заниматься мирскими делами, и обозначили две собственно епископские обязанности этими словами: «Nos vero orationi et ministero verbi instantes erimus» * [мы постоянно пребудем в молитве и служении слова] (Деян VI, 4). Молитва соответствует *богослужению*, и служение слова, то есть проповедь – *наставничеству*.

Об этом свидетельствуют опасения, выраженные в писаниях св. Григория и других епископов, которые были первыми, кто погрузился мирские заботы. Эти опасения и жалобы постепенно утихают в Церкви, что является симптомом привязанности духовенства к мирской удаче.

* [Ср. *Мк* 4, 37 и далее].

Быть может возможно найти пример исключения из этого правила только за время шести первых веков. Тогда действовала лишь организующая сила. Но антагонизма было достаточно: эта сила имела сопротивление вне Церкви, в языческом обществе.

* [Несомненно, Розмини имеет в виду сильнейшее напряжение, которое именно в это время возникло между Германским императором Генрихом IV и строгим но решительным реформатором Церкви клюнийским монахом Гильдебрандом, ставшим в 1073 году папой Григорием VII († 25. V. 1085). Сам Розмини подробнее рассмотрит обстоятельства этих отношений в следующей главе трактата (см. пп. 90-91). В конце января 1076 года Генрих созвал собрание в Вормсе, где было объявлено о незаконности выборов папы. Было отослано первое, а затем и второе послание «Гильдебранду, более не папе, а лжемонаху». Заключение одного из писем было оскорбительным и звучало так: «Мы, милостью божьей король Генрих, со всеми нашими епископами говорим тебе: сойди! Сойди!». Послания достигли папы к Великому посту, во время ежегодного Латеранского собора, на котором провозглашались некоторые фундаментальные принципы григорианской реформы. Непосредственным ответом папы было свержение и отлучение Генриха, которое Григорий представил в виде молитвы апостолу Петру: «блаженный Петр, глава апостолов, внемли мне, слуге твоему <...>. В силу твоего благословения, ради чести и защиты твоей Церкви, именем всемогущего Бога, запрещаю королю Генриху, <...> который восстал против твоей Церкви с неслыханной дерзостью, правительству Германской империи и Италии, освобождая всех христиан от данной им присяги <...> и запрещаю всякому служить ему как королю». Следующей зимой Генрих «без всякого знака королевского достоинства, но скорее, с видом того, кто заслуживает жалости, – как напишет впоследствии Григорий VII в широко распространенном письме, – босиком и в покаянной одежде предстал перед воротами Каносского замка», где нашел убежище папа. Позже, 25 января 1077 года, в день Обращения св. Павла Генрих был допущен в стены замка, чтобы совершить трехдневное покаяние. 28 января, после того, как письменно принял все условия папы и присягнул исполнять их, Генрих был восстановлен в Церковном общении – Galantino 1997, pp. 193-194].

За периодом разрушения, стало быть, следует период восстановления. Это восстановление касается не движения, а состояния Церкви. Одновременным же с разрушением является период организации: он касается движения. Это время начинаний. после него наступает усталость, время застоя. Во время движения, следовательно, действуют две крайне активные силы: одна строит, другая разрушает. Во время застоя также действуют две силы, хотя обе имеют малую мощность: одна частично исправляет повреждения, другая опять наносит их, но, скорее, по причине небрежности, ибо в мастерской, где происходит восстановление, не хватает хорошего делопроизводства.

«Епископы, – говорит Флери, – общались друг с другом, как братья, без больших церемоний и с великой любовью. Если же видно, что они упоминают друг друга титулами святейших, почтеннейших и других подобных, то это следует приписать введенному во время упадка Римской империи обычаю давать каждой личности соответствующий ее положению титул».

На Константинопольском соборе 381 года эта кафедра получила первое место после римской. В этом не последнее значение имело имя нового Рима, данное себе самому этим городом.

Именно поддержка политической власти заставила этих архиепископов восстать против Рима. Они получили от императора распоряжение, именуемое *Тупосом*, посредством которого они отъединялись от Римской Церкви! Этот *Тупос* был потом передан в руки папы, когда они предались под власть Льва II (17. VIII. 682 – 3. VII. 683).

В 677 году Равенна возвратилась в подчинение папы Доната (2. XI. 676 – 11. IV. 678). Архиепископы вновь вышли из повиновения в 708 году, и лишь благодаря Провидению этот экзархат в скором времени прекратился после 180-летнего существования по причине разрушения, нанесенного лангобардским королем Астольфом в 752 году. Так Божественное Провидение воспользовалось этими варварами, захватившими церковные земли, чтобы укрепить римское господство и повергнуть наземь силу равеннцев.

* [Здесь содержится намек на Иосифа II императора Священной Римской империи, на Пьетро Леопольдо, Великого герцога Тосканского, на события, происходящие в Кобленце в 1769 году, и, возможно, на «имперский» собор в Париже в 1811 году, хотя на нем вопрос о патриархе и не рассматривался – G. Martina, “Un duplice lavoro necessario per un’adeguata lettura delle *Cinque piaghe di Rosmini*”, in *Rivista Rosminiana* LXX (1976) p. 92].

1 Тим III, 1.

Многие падают в некоторый род искушения, видя, что члены орденов так много делают в Церкви, не будучи при этом пастырями, и имея привилегии, которые по большей части освобождают их от епископской власти. Но разве не очевидно, что это было средством Провидения, которым оно поддерживало Божию Церковь в то время, когда епископы были отвлечены мирским величием? Учреждение нищенствующих орденов в XIII веке, и регулярных клириков в XVI веке имеет целью восполнить все то, что не делало духовенство, к сожалению прозванное *секулярным*. * [Не притязать на любое достоинство вне ордена является содержанием третьего обета при поступлении в Общество Иисусово (в разговорной речи именуемое орденом иезуитов). На этот счет в Конституции Общества имеется следующее пояснение: «что касается принятия епископского назначения, первым ответом от лица, того, кому направлено подобное предложение, должна быть ссылка на наш обет; это можно сделать легко, ибо Святой Престол не навязывает назначения на епископства без согласия кандидата. Но если Святой Престол в каком-то случае будет настаивать, или сам кандидат будет смущен тем, что сразу же не отвечает положительно явно выраженной воле Святейшего отца, то пусть доложит Отцу генералу непосредственно или через Отца провинциала, чтобы вместе с ним рассмотреть наиболее подходящий способ ответа на полученное предложение, согласно духу нашего учреждения и к вящей славе Божией» (*Constitutiones Societatis Iesu a Congregatione Generali XXXIV annotatae et Noramae Complementariae ab eadem Congregatione approbatae*, Curia Praepositi Generalis Societatis Iesu, Romae 1995, n. 139, § 3, pp. 317-318). Замечание Розмини по отношению к Обществу Иисусову вполне справедливо, однако, подчеркнуто хвалебный тон этого отрывка заставляет подозревать, что автор предвидел возможные препятствия, которые Орден, основываясь на своем ревностно оберегаемом авторитете и огромном влиянии внутри Церкви, мог бы чинить его сочинению. Не будет лишним напомнить, что единственным поводом неприятия иезуитами романа А. Мандзони «Обрученные» было то обстоятельство, что в тексте ни разу не упоминается имя Иисуса].

Мф. X, 16.

Антиохийский собор 341 года даже и не упоминает о нахождении епископа при дворе, как о беспорядке еще неизвестном, а повелевает, чтобы ни один епископ, священник или иной клирик не наносил даже и простого визита императору без письменного на то согласия областных епископов и, в особенности, митрополита. Если же кто-нибудь нарушит распоряжение святого Собора, то будет отлучен и сверх того лишен достоинства! Такой в те времена была святая ревность за свободу Церкви! Таковым был страх заразиться мирским величием! Собор в Сардиксе в 347 году повелевает, чтобы епископ даже по делам благотворительности не посещал двора, а посылал бы туда своего диакона.

Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть историю шведского тирана Кристиана * [известен также под именем Кристиана II Датского (1481 – 1559)] и его льстивых епископов. Церковь обязана подобным прелатам потерей этого народа! То же самое можно сказать о Германии и об Англии.

* [Собор в Констанце, созванный в 1414 году императором Сигизмундом в согласии с антипапой Иоанном XXIII (Валтасаром Коста) и распущенный в 1418 папой Мартином V (Одда Колонна, 21. XI. 1417 – 20. II. 1431)].

Французские короли, например, вобрали себе в голову, что когда умирает епископ их государства, они сами должны наследовать ему в правах на благотворительность и т. д. Разве будет полезно для Церкви, если права епископов, дошедших до такого положения, слишком расширятся? Лучше будет, если они останутся умеренными, чтобы Церковь, защищая хотя бы некото-

рый остаток своей свободы, смогла сказать королю то, что высказал папа Григорий IX * [Уголино ди Сеньи, 21. III. 1227 – 22. VIII. 1241] в письме Фридриху II: *esto quod in collatione Beneficiorum morientibus succedit, ut dicis, Episcopis: majorem in hoc ipsis non adipisceris potestatem.* Эти слова понтифик обратил к императору, который именно хотел больше прав на вакантную кафедру чем даже сам епископ!! Французские законники, прозванные прагматистами, считают, что даже если сам король пренебрегает распределением бенефиций, и тем самым обрекает души своих подданных на погибель, то даже в этом случае его право не может быть отменено или подвергнуто изменению!!!

Пс II, 2.

Пс II, 1.

Мф XVI, 18.

Поскольку духовным лицам принадлежали многие земные богатства, Правитель претендовал на их распределение, он хотел давать их во владение прелатам, которые должны были получать от короля как бы *дар*, согласно предложению, содержащемуся в формулировках средневековых инвеститур. По этому случаю король требовал от нового прелата клятвы, в которой тот должен был обещать все желаемой для короля. Еадмер рассказывает, что кроме иных прекрасных вещей, в которых английский король Вильгельм II заставлял клясться новых прелатов, было и то, что последние не должны были ни апеллировать к великому понтифику, ни вообще ехать в Рим без позволения короля. Апелляция христиан к своему верховному иерарху есть свобода, предусмотренная божественным правом, и исходит из внутреннего устройства Церкви, поэтому ее отмена есть попытка разрушить Церковь. Если в нее входят злоупотребления, их надо преследовать и исправлять, но нельзя упразднить сами апелляции. Равным образом, любой христианин должен иметь возможность непосредственно обратиться к всеобщему отцу, римскому понтифику: таковы христианские свободы. Распоряжения правителей не должны разрушать эти свободы, но должны защищать их, то есть стремиться к тому, чтобы посредством их не совершалось бы зла. Но также верно, что под предлогом снятия злоупотреблений, связанных с пользованием этими свободами, государи внесли земной деспотизм в Церковь, употребили грубую силу там, где должна пребывать нравственная сила, и требовали безнаказанности их жестокостям.

Св. Григорий Назианзин (*Orat. ad Civ.*): *Quid vero vos Principes et praefecti, quid igitur dicitis? Nam vos queque potestati meae lex Christi subiecit. Imperium et nos gerimus; adde etiam praestantius.* Таково учение католической Церкви.

В благоприятные для Церкви времена весьма редко применялись канонические меры, которые отторгали от Церкви виновных, чтобы не повергнуть последних в отчаянье. На соборе, созванном св. Киприаном в Карфагене, после гонений Деция в 251 году был рассмотрен вопрос о тех, кто во время гонения отступился от веры, и после долгих прений было решено «не лишать их совершенно надежды на общение, чтобы от отчаянья не стали бы они хуже, и видя церковные двери закрытыми, не возвратились бы к миру и к языческой жизни». Вот насколько считались с человеческими слабостями.

* [Густав Эрикссон из рода Ваза в 1521 году был назначен государственным администратором, а двумя годами позже был избран королем Швеции под именем Густава I – Galantino 1997, p. 211].

* [При его царствовании (1523-1533) в Дании стал распространяться протестантизм, – Galantino 1997, p. 211].

Здесь указывается на предложение, которое один священник сделал французскому духовенству, отвергнуть получаемое от правительства жалование и, таким образом, восстановить собственную свободу. Предложение хоть и не целесообразное, но великодушное и достойное первых веков церковной истории. Оно напоминает свободу, о которой весьма ревновал апостол Павел, для сохранения ее не пожелавший пребывать на содержании у верующих, хотя и имел на то право как и любой из апостолов. Он предпочел прибавить к трудам апостольства еще и

собственноручный труд, чтобы так добывать каждодневно то малое, в чем он нуждался для поддержания самого себя: «все мне позволительно, – говорил он, – но ничто не должно обладать мною» (1 Кор VI, 12) * [Здесь Розмини, возможно, намекает на четыре статьи отца Лакордэра, опубликованные осенью 1830 года. Вполне разумно также допустить, что имеется в виду конфликт французского аббата Ламеннэ с церковными властями, достигший наибольшей остроты именно в годы написания «Пяти язв» – Galantino 1997, p. 211].

Но кто же произнес это божественно слово, кто почувствовал так сильно цену церковной свободы, и почему же распространил эту свободу и на нечестивых? почему не увидел, что свобода есть исключительное право истины? Почему сообщил лжи права неизменной свободы? Возвысил человеческую природу без божества на ту высоту, которой достойно лишь обоженное Христом человечество? Не удовлетворился поклонением в Церкви, то есть посреди общества сынов Божьих, *на столпе и утверждении истины* * [ср. 1 Тм 3,15], и возмнил найти ее в обществе потомков Адама, сынов человеческих? Действительно, система последовательна: если грешному человечеству принадлежит истина, то ему же принадлежит и свобода. Но я не считаю возможным, чтобы истина и справедливость имели одно с человеком происхождение. Я думаю, что истина есть принадлежность общества праведных, и что правом быть свободными не обладает заблуждение, а потому, человек не рождается а соделывается справедливым с помощью Христа, от Которого получает свет истины и украшение справедливости. Только тем, кто осознает, что не обладает истиной, но вечно ищет ее, которые не могут даже ложью убедить себя в том, что имеют нечто большее чем тщетную и никогда не сбывающуюся надежду, Только им, говорю, принадлежит эта доктрина отчаянья, согласно которой «все мысли, исходящие из человеческого сердца, имеют равное право быть распространенными для того, чтобы внедриться в немощные и уступчивые убеждения народов». Нет, эта доктрина не принадлежит католику, ибо католик верит, что обладает истиной и чувствует ее достоинство, ее безграничную ценность. Он видит, что не пристало ему изменять ее права. По этой причине Глава Католической Церкви возвысил голос против доктрины, которая представлялась под именем католической. Он не признал ее таковой. Пусть Бог просветит человеческий разум, о котором мы не можем говорить без порыва уважения и любви. Пусть Он даст человеку достаточно самообладания и духовной силы, чтобы победить себялюбие и лесть со стороны друзей и врагов, чтобы целиком вернуться на путь истины, которой он так ревностно служит, выказывая столько любви и преданности, что уже не может быть согласным с самим собой иначе как откровенно признавая собственные ошибки и целиком подчиняясь вечной кафедре, которой доверено учение об истине.

Глава IV. О язве на правой ноге святой Церкви, которая есть назначение епископов, захваченное светской властью

74. Всякое свободное общество имеет существенное право избирать своих ответственных лиц. Это право так же для него природно и неотъемлемо, как право существовать. Общество, которое уступило в чужие руки избрание собственных служителей, сделалось чужим для самого себя: собственное существование больше не принадлежит ему, ибо тот, от кого зависит избрание его служителей, может оставить существовать или прекратить его в любое время. И даже существуя, такое общество не существует более для себя, но для него и по его благосклонному согласию, что составляет неустойчивое и видимое существование, в отличие от существования истинного и долговечного.

75. И если имеется на земле общество, имеющее право существовать, — а это то же самое, что право быть свободным, — для всех католиков таковой является, несомненно, Церковь Иисуса Христа, ибо это право она получила по бессмертному слову своего Божественного Создателя. Этим словом, которое переживет небо и землю, он уверил ее, говоря: «Я с вами во все дни до скончания века». Следовательно, Церковь Иисуса Христа не может передать свое управление в чужие руки, не может продать или каким либо иным способом уступить во владение кому бы то ни было избрание своих пастырей, ибо не может разрушить самое себя. Всякое предоставление в этом смысле само по себе является недействительным, и подобный договор заведомо порочен, незаконен, так же как и незаконно всякое нечестивое обязательство.

76. Христос в начале избрал апостолов, те избрали своих преемников, апостольским преемникам же всегда принадлежало и неизменно принадлежит право избирать последующих, чтобы передать им наследие, которое должно передаваться на земле неповрежденным до самого конца, и отчет о котором лишь у них спросит Господь, доверивший его в их руки. И поэтому вина на плохой выбор прелатов Церкви падет на голову предшествующих прелатов, которые первыми

выпустили из рук избрание своих преемников, или не употребили все средства, бывшие в их распоряжении, для того, чтобы спасти из других рук так же и верующих, которым нужно передать святое наследие слова и учреждений Иисуса Христа.

77. Верно, что коль скоро правление, учрежденное Иисусом Христом в Его Церкви, не является земной властью, но есть служение на благо людей и для спасения душ, то оно не может производиться произволом сурового авторитета, или впасть в жестокий юрицизм. Напротив, оно смиряется, и, основанное на кротости и на разуме, получает закон, так сказать, из рук тех самых субъектов, на благо которых было учреждено, а его чудесное учреждение состоит в том, чтобы мочь все для блага, и ничего для зла. В этом единственная его верховность, и единственное право, которым оно пользуется, есть право быть полезным. Отсюда происходит и тот сладостный принцип церковного правления, который в совершенстве проявлялся на протяжении первых веков истории Церкви, в особенности, при избрании первых пастырей. Этот принцип: **«духовенство — судья, народ — советник»**. Действительно, там, где речь шла о твердом и точном праве, то христианский народ не мог участвовать в избрании епископов, но поскольку исполнением закона, полученного правителями Церкви от Самого Христа, руководили мудрость и любовь, умеряя и смягчая его строгость, то те мудрые прелаты ничего не решали произвольно, или в тайне, или одним собственным разумом, но наученные Самим Христом хотели свидетельства и совета со стороны других, рассуждая, что лучший и наименее подверженный обману совет происходит от полного собрания верных. Таким образом, Церковь верующих действовала, как один человек; и хотя в этом человеке глава отличалась от остальных членов, она все же не отказывалась от служения другим членам, и не отсекалась сама собой из желания пребывать в одиночестве и независимости. Следовательно, пожелания народов определяли епископов и пресвитеров; и было весьма разумно, что те, кто приготавливался предать собственные души (и когда говорю «души», имею в виду все то, что могу сказать о народе, в котором жива вера) в руки другого человека, должны были знать, что он за личность, доверяли бы ему, его святости и благоразумию. Но там, где епископ и священник обладают лишь именем пастырей, где они больше не являются верными друзьями и отцами верующих, которые с полным доверием предают в их руки не то, что они имеют самого дорогого, а самих себя; там, где духовенство ограничивается формальностями или вещественными и определенными обрядами культа, уподобившись почти что древним языческим жрецам; там, где начала религии, научающей поклоняться Богу в духе и истине, дошли до такого предела; легко представимо, что народ равнодушно смирился бы со всяким пастырем, какого ему не навязали бы, даже не зная его, или зная, но не имея к нему ни уважения, ни доверия, а напротив, питая совершенно противоположные чувства. Разве должно произносить обвинительные речи против народного равнодушия по поводу религии в то время, когда от народа требуется и он даже воспитывается в соответствующем духе, чтобы был расположен принять своим епископом всякого чужого и незнакомого человека, с которым у него нет ни общности чувств, ни обязательств от полученных благодеяний, святые дела которого он никогда не видел, не слышал о них, или вовсе видел или слышал о делах мало поучительных? Дай Бог, чтобы у него были лишь святые дела! Но требовать, чтобы народ был равнодушным к своим пастырям, и соответственно воспитывать его, разве не то же самое, что требовать от него равнодушия к любому учению, которое ему преподается, или к пути, по которому его ведут? Разве требовать того, чтобы человек не имел больше нужды в доверии к служителям религии, не значит заставить его отказаться от нужд и угрызений души, внушить ему, что можно жить и вообще без религии или удовлетворяться лишь ее внешней материальной стороной? И как можно это определить, если не попытка обязать народ к слепому и неразумному подчинению, которая лучший синоним религиозному равнодушию? Истинно, что когда удалось достичь такого состояния христианского народа, удалось и развратить его, разрушить в его душе христианство, оставив ему его в одних лишь привычках и обычаях. И о таком несчастном народе, который посредством тайного, медленного и постоянного развращения незаметно потерял религиозное начало, о народе, который, говорю, усыпленный в своих религиозных интересах и фактически независимый от своих епископов, равнодушный ко всякому духовному лицу, совершающему непонятные священнодействия, о таком народе можно сказать то, что говорил один отец третьего века, а именно: «по заслугам народа Бог избирает и пастырей Церкви».

78. Но кто хочет исследовать происхождение такого великого несчастья, должен обратиться к эпохе, с одной стороны настолько величественной и в то же самое время настолько роковой, когда для Церкви начался период, который я назвал временем обращения общества, эпохой, которая объясняет всю историю Церкви после шести первых веков, ибо она содержит в себе семена ее процветания и всех ее злоключений — одним словом, эпохой, когда духовенство

возымело огромный вес на весах земной власти, став влиятельным и соответственно богатым. Совершенно очевидно, что коль скоро духовенство было сильным и богатым в мирском смысле, политика правителей оказалась заинтересованной подчинить его себе и для этого принять участие в избрании прелатов. Следовательно, первыми кафедрами, на которых светская власть присвоила себе право избирать, были Антиохия и Константинополь, где находились императоры, и где патриархи обладали наиболее широкой властью.

79. Борьба со светской властью, которая хотела присвоить себе право на избрание епископов, длилась многие века: Церковь защищалась при помощи законов, но они выполнялись лишь в соответствии с религиозностью правителей и религиозным мнением народов, поэтому степень, в какой уменьшалась свобода в избрании духовенства, может служить надежной мерой, чтобы определить падение веры, нравов и благочестия в правительствах и в народах. Вот и краткая история.

Уже в VI веке на весах выборов вместо заслуг избираемого стала сильно давить благосклонность государя: и тогда церковные соборы с принимаемыми на них правилами поспешно пришли на помощь в опасности, отстаивая свободу выборов.

Папа Симмах на Римском соборе 500 года, в присутствии 218 епископов, обнародовал декрет в подтверждение канонических выборов духовенства против светской власти, которая постоянно стремилась наложить на них свою руку. Декрет начинается словами: «не угодно нам, чтобы имели какую-нибудь власть поставлять кого бы то ни было в Церкви те, которым подобает следовать позади, а не повелевать». После такого начала декрет утверждает древний способ избрания епископов посредством голосования духовенства и народа.

Собор в Клермоне в 535 году повелевает, чтобы епископ был поставлен в результате выборов представителями духовенства и гражданами, с согласия митрополита, так чтобы исключить покровительство со стороны власть имущих, употребление посторонних средств, принуждение кого-либо при помощи страха или даров к написанию постановления выборов. В противном случае притязющего на избрание должно было лишиться общения с Церковью, которой он хотел управлять.

Та же самая забота поддержать свободу выборов от влияния земной власти видна на Втором Орлеанском соборе 533 года, и на Третьем 538 года, равно как и на Арвернском соборе 535 года и на других. Это доказывает ощущаемую Церковью в те времена необходимость каким-нибудь образом защититься от светской власти, которая, к сожалению, постоянно вклинивалась в нее и овладевала господством над ее правами.

Чуть позже во Франции удалось силой церковного законодательства санкционировать необходимость королевского согласия, которое фактически уже было необходимо во время епископских выборов. Это случилось на знаменитом Пятом Орлеанском соборе в 549 году, на котором, однако, были спасены права духовенства и народа. Требование королевского согласия не лишено смысла, более того, это согласно с духом единства и мира, который желает, чтобы служители алтаря были угодны всем, и более всего главам народов. Но это согласие связано также с огромной опасностью превратиться в команду, или в *высшую милость*, ибо в этом случае Церковь становится свободной из *милости*, и служанкой по *правосудию*. Милость же по своей природе произвольна, так что вопрос об имени или неимении Церковью достойных пастырей оказывался зависимым от воли и каприза светского лица, по причине его принадлежности к власти, а вместе с ним и тех, кто более оказывает на него влияние. Так и случилось; и не только согласие стало милостью, но милость превратилась в повеление, а наконец, стала проданной милостью, и даже пожелала быть проданной весьма дорого. Церковное же имущество, унижение и сама душа стали монетой, предназначенной, чтобы купить ее.

Эта опасность обусловила созыв Третьего Парижского собора в 553 году, то есть спустя четыре года после Орлеанского, чтобы вернуть древнюю свободу выборов, не упоминая более о королевском согласии.

«Ни один епископ, — гласит 8-е правило этого собора, — да не поставляется против воли граждан, но пусть избираются только те, которых полным волеизъявлением требуют на выборах народ и духовенство. Да никто не будет поставлен по приказу начальника, или по какому угодно условию, против воли митрополита и епископов той же области. И если из-за избытка дерзости таковой станет притязать на высоту этого достоинства по приказу короля, пусть сочтется недостойным принятия областными епископами, которые да сочтут его недостойно поставленным».

К концу того же VI века великий папа св. Григорий чувствовал всю важность свободы Церкви, и, с другой стороны, хорошо понимал, что епископы, получившие свое возвышение от светской

власти, являются ее слугами. По поводу смерти Натала, епископа Салонского из Далматской митрополии, так писал папа иподиакону Антонину, ректору той области, в 593 году: «Немедленно предупредите духовенство и народ города, чтобы они в согласии друг с другом избрали епископа, и пришлите к нам декрет выборов, чтобы епископ был поставлен с нашего согласия, как в старые времена. Особенно позаботьтесь, чтобы в это дело не вмешивались ни подарки, ни покровительство влиятельных особ, ибо тот, кто поставлен таким путем, принужден подчиняться своим покровителям, в убыток церковным благам и дисциплине».

В 615 году Пятый Парижский собор также провозгласил свободу епископских выборов. Вот только Хлотарь II изменил постановление собора посредством эдикта, в котором он объявил о своем желании пересматривать правила, касающиеся епископских выборов, кроме тех случаев, когда поставляемые в епископы лица были бы ему угодны, или были бы избраны им самим из дворцовых священников. Этот эдикт был действителен также при Дагоберте, его преемнике.

Кабилонский собор 650 года, созванный при Хлодвиге II, снова провозгласил недействительными все выборы, производимые с нарушением святоотеческих норм.

В то время во Франции происходила непрерывная, хоть и секретная и полная предосторожностей и оговорок, борьба между королем и духовенством, в которой одна сторона пытался узурпировать власть над епископскими выборами, а другая — сохранить независимость этих выборов. В этой борьбе происходили различные события, но Церковь всегда была если не совершенно подавлена, то, по крайней мере, невыносимо ослаблена чуждой силой.

Папы, конечно же, не оставляли без внимания с каждым днем растущую опасность, что светская власть захватит выборы епископов, после чего вся Церковь падет в ее руки. В начале VIII века мы видим, как папа Григорий II пишет на восток императору, чтобы предупредить его и убедить не полагать рук на священное право Церкви независимо поставлять своих прелатов. И что же? Притязания непрерывно возобновлялись, и Церковь не могла противостоять им иначе, как новыми законами и правилами — ничего более.

Седьмой Вселенский собор, созванный в Никее в 787 году, не преминул защитить Церковь правилом против притязаний мира сего, который убежден, что ему позволено все, что он в состоянии сделать. Соборное правило гласит: «Всякое избрание во епископа, или пресвитера, или диакона, делаемое мирскими начальниками, да будет не действительно по правилу, которое глаголет: аще который епископ, мирских начальников употребив, чрез них получит епископскую в Церкви власть, да будет извержен и отлучен, и все сообщающиеся с ним. Ибо имеющий произвестись во епископа должен избираем быть от епископов, якоже святых отец в Никее определено в правиле».

Собор, созванный в 844 году на вилле Феодона, отослал торжественное увещание царствующим братьям Лотарию, Людовику и Карлу, чтобы церкви больше не оставались вдовствующими, как это случалось по причине зависимости епископских выборов от светских начальников, которые из-за постоянных разногласий не находили ни времени ни расположения для церковных интересов, а Церковь от такого унижения переносила на себе все злоключения светской власти: «как Божьи посланники, — свободно и с достоинством говорят отцы, — мы увещеваем вас, что кафедры, оставшиеся вдовствующими по причине ваших разногласий, безотлагательно и свободно от любого следа симонии — этой еретической чумы — должны получить епископов, которых согласно с авторитетом правил желает назначить Бог, законно утвержденных вами и освященных благодатью Духа Святого».

Около того же времени великий понтифик Николай I, сильный защитник законов, многократно возвышал голос и против этого злоупотребления со стороны светской власти желанием вмешиваться в дела епископских выборов. Среди других документов это видно в письме к епископам королевства Лотария, где папа под страхом отлучения повелевает епископам предупредить короля, чтобы тот изгнал Ильдуина, поставленного им в церкви Камбрэ, по причине незаконности и недостойности, и позволил бы «духовенству и народу этой церкви самим избрать епископа, как то предписано священными правилами».

При Адриане II, который был преемником папы Николая Великого, в 869 году был созван восьмой Вселенский собор в Константинополе. В то время свобода церкви была непомерно уязвлена. Следовательно, Церковь изо всех сил заявляет тот же самый протест в защиту свободы, повторяет те же самые установления древности по поводу епископских выборов. Снова под страхом отлучения она выдвигает запрет на назначение епископов по приказу государя, и даже запрещает вмешиваться в епископские выборы облеченным властью мирянам, если только они не приглашены Церковью.

И что же? каким же медленным и поздним представляется влияние, оказываемое на людей разумом и справедливостью, если сравнить его с действием страстей! И насколько сильны

последние, если за ними стоит внешняя сила! Христианские государи, далекие от того, чтобы слушать голос их матери Церкви, ее повеления и угрозы, поддерживаемые юридическими тонкостями и насилием, лишь новыми захватами сокращали ее свободу. Говорю обобщенно, ибо не было недостатка и в покорных и почтительных монархах, которые подчинялись. Скажу больше: почти все государи чувствовали какое-то влияние со стороны постоянно выносимых дисциплинарных решений и церковных законов, которые настоятельно издавались понтификами и Соборами, вершиной которых всегда почитались правила выборов. По этой причине государи несколько смиряли свою власть в присвоении права на назначение епископов, и дерзали обходить каноническое право лишь посредством наиболее изобретательных находок. Наконец, они снабжали свои вторжения заявлениями и почтительными клаузулами, которые составляли противоречие и осуждение самой узурпации власти. Но все это не уменьшило необходимость бдительности и крепости для Церкви и для тех непоколебимых созерцателей народа Божьего, кои во имя Господа принимали бой, и коих мир не обделял клеветой, приписывая своей гордыне и своим амбициям их благородные усилия, когда те трудились, принужденные справедливостью, на сохранение доверенного им сокровища и выполнение заповедей Христа, Который в некий день спросит у них суровый отчет об этом сокровище.

80. Один из этих великодушных прелатов Церкви, который в конце девятого века с епископским благородством и прямоотой защитил во Франции свободу епископских выборов, был знаменитый архиепископ Реймса Инкмар. Достаточно вспомнить события, связанные с королем Людовиком III.

В 881 году был собор в Физме, на котором председательствовал епископ Инкмар. И поскольку после смерти епископа Одона освободилась кафедра в Бовэ, некий клирик именем Одоакр предстал перед собором с декретом выборов, проведенных духовенством и народом Бовэ в угоду королевскому двору. Собор имел право исследовать этого клирика, прежде чем утвердить его, и исследовав, нашел его недостойным. Тогда было составлено послание королю, в котором отцы объясняли причины, почему не могли канонически совершить рукоположение Одоакра, и отослали это послание с депутацией епископов. При дворе немедленно поднялся большой шум: там говорили, что «когда король разрешал выборы, должен был избираться тот, кто был угоден ему, ибо церковное имущество находится в руке короля, и он отдает его тому, кому сам пожелает». Король написал Инкмару ответ своим обычным неопределенным и противоречивым стилем. Король заявлял, что «хочет следовать его [епископа] советам как в государственных, так и в церковных делах, и умоляет его так же заботиться о нем, как и о королях, его предшественниках». Затем в доказательство действительности желания следовать советам епископа добавлял: «я прошу вас, чтобы вашим согласием и при помощи вашего служения я мог бы дать епископство в Бовэ Одоакру, вашему возлюбленному сыну и моему доверенному слуге. Если соблаговолите сделать мне эту услугу, я во всем окажу почтение тем, кого вы считаете наиболее для себя дорогими».

Но разве с целью услужить человеку можно поставлять пастыря стаду Христову? Разве возможно доверять восстановленные кровью Богочеловека души не тому, кто имеет святость и благоразумие, но тому, кого любит властитель, кого желает король? Для того чтобы он обогатился благами епископства? Как объяснить этот переворот в мыслях?

Инкмар не забыл свой долг: он ответил, что «в послании собора не содержалось ничего ни против почтения, которое должно оказывать королю, ни против государственного блага, и оно стремилось лишь сохранить за митрополитом и областными епископами право исследовать и утверждать выборы согласно с каноническим правом». «То, что вы-де являетесь хозяином выборов и церковного имущества, — добавляет епископ, — есть речь, исходящая из ада и из уст змия. Вспомните обещание, сделанное вами во время вашего венчания на царство, скрепленное вашей подписью и представленное Богу в алтаре перед лицом епископов; прикажите заново прочитать его в присутствии вашего совета; не притязайте на введение в Церковь того, на что в свое время не притязали великие императоры, ваши предшественники. Надеюсь навечно сохранить должную вам верность и преданность; я не мало внимания уделил вашему избранию: так не пожелайте воздать мне злом за добро, пытаюсь убедить меня в старости моей удалиться от святых правил, которым я, благодаря Господу, доселе следовал на протяжении тридцати шести лет епископского служения. Что же касается обещаний, которые вы мне даете, я не дерзаю просить вас ни о чем, а только лишь о благосклонности к бедным ради вашего же спасения. Но прошу вас учесть, что рукоположения против церковных правил являются симонией, а все, кто способствовал им, участвуют в этой вине. Я в этом письме не говорил с вами от своего лица, не излагал перед вами собственных мыслей, но доложил вам слова Иисуса Христа, Его апостолов, его святых, которые царствуют с Ним на небе. Бойтесь послушаться их! Епископы же соединятся в

соборе, чтобы с вашего согласия провести канонические выборы вместе с духовенством и народом Бовэ».

Епископы, которые не из-за презрения говорили такую правду королям, верили, что таким образом дают им наиболее твердое доказательство своей верной и нерушимой привязанности. Как мало нам известно подобных примеров! И от кого еще монархам надеяться услышать правдивое и божественное слово, если епископы скрывают его? Так пусть же умеют они различать слова той апостольской свободы, которая есть нечто совершенно иное, чем недостаток уважения и преданности! Пусть царствующие католики умеют ценить их, пусть знают, что это дар Божий — иметь при себе мужей, говорящих по велению совести, и ради этого идущих навстречу бесчестию со стороны как самих правителей, так и со стороны королевских льстецов и раболепных прислужников, что еще более унижительно. Эти мужи не предадут их ни под каким условием, не обольстят их угодливой ложью, которые будто бы увеличивают земную власть королей, но на деле постепенно подтачивают ее основы и готовят ее разрушение. Церковь, «столп и утверждение истины», всегда была того мнения, что не должны быть обманутыми и те государи, которые желают быть таковыми, и которые жестоко наказывают тех, кто их не обманывают: и эта всегдашняя дружественная верность Церкви предназначена на утверждение тронов, подкрепляя их справедливостью и благочестием. И этот до этой степени верный голос столько раз был неверно истолкован! так дурно понят! так оклеветан смертными врагами власти, которые были замаскированы под его ревностных сторонников! Они весьма хорошо понимают, что если государь внимает суровым словам Церкви, то Церковь и государство процветают во взаимном согласии, а поэтому ничто не заботит их так сильно, как уверить государя, что Церковь всегда стремится лишить его прав, и всегда воспринимают апостольскую свободу пап и епископов как нечто вроде амбиции и дерзкого покушения на королевское достоинство. Под таким видом был описан Людовику III его министрами достойный и преданный ответ Инкмара: и в то время как он должен был увеличить в юном государе почтение и благодарность к древнему прелату, этот ответ лишь оскорбил его и побудил до смерти опечалить великодушного старца следующими словами: «если вы не согласитесь с избранием Одоакра, я совершенно буду уверен, что вы не желаете ни оказать мне должное почтение, ни соблюдать мои права, но напротив, желаете во всем противиться моей воле. Против равного мне я бы употребил всю мою власть, чтобы сохранить мое достоинство, но против моего подданного, который стремится умалить его, я воспользуюсь презрением. Более не продолжится это дело, пока я не оповещу моего царствующего брата и царствующих кузенов, чтобы они созвали собор всех епископов наших королевств, которые решат в соответствии с нашим достоинством. Наконец, если будет на то необходимость, мы сделаем все, что потребует целесообразность».

Если бы Инкмар действовал, руководствуясь гордыней или выгодой, такой ответ, который угрожал ему потерей высшей милости, несомненно заставил бы его уступить. Но человек, действующий по велению совести, никогда не склоняется: государь не способен заставить его изменить верности, ибо его верность государю основана на его верности Богу: это не преданность *выгоде*, но *долгу*. Действительно, Инкмар ответил свободно, и по поводу упрека в недостатке почтения и покорности удовлетворился, продиктовав торжественное опровержение королевскому секретарю. По поводу остального же добавил: «что же касается того, что вы говорите, и что вы сделаете, если того потребует необходимость и целесообразность, то я прекрасно вижу: это говорить, чтобы напугать меня. Но вы не владеете иной властью, кроме той, которая происходит свыше, и пусть Богу будет угодно с вашей помощью, или посредством того, кому это угодно, освободить меня из этого плена, от этого старого и немощного тела, чтобы воззвать к Тому, видеть Которого я желаю всем сердцем, не потому что заслуживаю этого, а в силу Его безвозмездной милости. По поводу того, что я согрешил, согласившись на ваше избрание против воли и угроз многих людей, молю Господа, чтобы вы дали мне наказание в этой жизни, чтобы я не подвергся ему в другой. И поскольку вам весьма по сердцу избрание Одоакра, пошлите ко мне известие о том, в какое время смогут собраться епископы Реймской области вместе с теми, которые были в депутации Физмского собора. Я поеду на собор, если еще буду жив. Пошлите также и Одоакра вместе с теми, кто его избрал, будут они из дворца, или из церкви Бовэ, приезжайте и вы сами, если вам угодно, и будет видно, если Одоакр сможет войти в овчарню через дверь. Но пусть он знает, что если не приедет, то мы пошлем его искать по всей Реймской области, и будет он нами осужден как узурпатор Церкви, так что не сможет более исполнять какой-либо церковный долг ни в каком месте этой области; и все, кто будет иметь часть в его вине, будут отлучены, пока не удовлетворят требованиям Церкви».

Эти блестящие слова, достойные епископов первых веков, не смогли остановить гордыни: придворные, которые соревнуются в произнесении речей наиболее льстивых слуху их хозяев, и в

выказывании себя наиболее верными, склонили Людовика III к применению силы: назначение Одоакра совершилось силой оружия. Несчастливая церковь Бовэ вытерпела этого наемника, но не внесла его в список своих пастырей: через год он был отлучен за это и другие преступления, и был низложен, когда Людовик III уже сошел в могилу, чтобы дать отчет божественному Судье за свое поведение.

81. Основанием, весьма облегчившим земной власти государей, постоянно стремящихся к этому, овладеть епископскими выборами, было разъединение народа от духовенства, происшедшее по причинам, которые я уже изложил. Народ, все более отделенный от своих пастырей, и все более развращенный, все менее был заинтересован наличием достойных. С другой стороны, поскольку епископские кафедры превратились в места земных наслаждений, во вместилище непомерного богатства и чести, к которому стремились наиболее жадные, а достигали наиболее преступные, было довольно нетрудно покупать и продавать развращенный народ, разделять его на партии, вовлекать в смуты, делать из него убежденных сторонников недостойных людей, которые льстили ему, и в которых он любил и искал собственные пороки, а не епископские добродетели. Эти беспорядки составили печальную причину, его полного исключения из выборов. Это сперва было сделано на Востоке, где светская власть овладела выборами еще раньше; а потом и на Западе. Это отняло у законов и правил их силу, которая, главным образом, заключалась в участии народа. Да и духовенство тоже не было довольно тем, что выборы оставались лишь на его ответственности без участия и совета всего множества верующих. В самом духовенстве вскоре выдвинулось и обрело первенство над большинством малое количество церковников, которое обратило в собственную привилегию право избирать епископа. Эти последние, которые были канониками кафедральных соборов, достигли того, что согласовали затребованное для себя право с церковными правилами. Исключена была, таким образом, из епископских выборов огромная масса народа и духовенства, что уменьшило корпус избирателей настолько, что он не имел более никакой силы защитить право избрания против тех, кто на него притязал.

82. При таком положении вещей во времена французских пап, находящихся в Авиньоне, были распространены понтификальные ризервы, очередные милости и доходы с первого года (annate). Первыми на все это благосклонно воззрели, а иногда и требовали их государи, ибо вследствие этого ослаблялась действенность права, которым обладает Церковь в избирании пастырей. И поскольку правоохранительные санкции должны быть настолько сильными, насколько широко само право, то отдельная личность, пусть даже облеченная каким бы то ни было достоинством, не имеет соответственной силы, для распространения права избрания епископов на весь мир. Поэтому, посредством всеобщих ризервов, Церковь взяла на себя непосильную ответственность: было предпринято осуществление непомерно широкого права, на защиту которого невозможно было выделить надлежащую мощь. В этих случаях, как известно, оставшееся без защиты соответствующими санкциями законное право неустойчиво и потеряно. Отсюда происходят жалобы народов, отсюда — унижение конкордатов, посредством которых мать верующих принуждена недовольными сынами снизить до договора с ними; отсюда, наконец, та ужасная язва на теле Церкви, по причине которой, после того, как упразднена выборность духовенства, отнята сила у их законного права, отняты у пап их ризервы, назначение епископов во всех католических народах пало в руки одной лишь светской власти, сохраняя право на их утверждение (что само по себе вещь ничтожная) за главой Церкви. Этим самым было совершено действие внешне привлекательно облаченной силой, то есть «порабощение Церкви под всеми формами свободы». Но прежде чем показать нестерпимую тяжесть этой язвы, прежде чем говорить об этой притворной свободе, об этом истинном рабстве, я должен остановиться на перечислении других причин, в силу которых епископские выборы пришли к этому несчастному состоянию, и рассказать о долгой борьбе святых понтификов и пастырей, столько сделавших и так пострадавших, чтобы препятствовать этому и сохранить Церковь в истинной свободе, как она и была утверждена навечно ее божественным Основателем.

83. Когда северные завоеватели двинули варваров на завоевание юга, то после победы они назвали себя королями Франции, Италии, Англии, то есть королями земель, а не французов, итальянцев, англичан, — то есть личностей. Но поскольку одному завоевателю, каким бы сильным он ни был, невозможно сохранить владение над такой пространной территорией, ибо согласно вышеуказанному закону, «санкции, предназначенные для защиты некоторого права, должны соответствовать распространению самого права», то эти правители, короли нового рода, изобрели или переняли феоды в качестве способа сохранять за собой владение латифундиями, уступая пользование ими другим людям, которые превращались в верных хранителей тех земель. Иначе королевские земли подвергались бы опасности захватчиков, и в первую очередь со стороны самих соратников, которые никогда бы не смирились с собственным неучастием в

общем завоевании. Эти благодетельствованные королем, частично призванные собственной выгодой, были теми самыми верными (*fedeli*), от названия которых произошел потом термин феодал, и которые клялись королю в верности, обещая быть его вассалами в определенной службе, главным образом, участвуя в предпринимаемых королем войнах. Это было удачайшей находкой в тех обстоятельствах. Таким способом завоеватели сохранили за собой владение землями, одновременно подчиняя себе людей приманкой пользования частью владений, которая после смерти феодала снова поступала в руки короля, который передавал ее другому из своих верных слуг, по своему желанию.

Довольно скоро политика новых хозяев Европы заметила, что более выгодно, чем светским воинам, было передавать земли на сохранение епископам и церквям: что положило начало церковным феодалам и синьориям уже со времени Хлодовея. Карл Великий более других ощутил важность этой находки. «Великий Карл, — говорит Вильгельм Мальмесбургский, — для подавления свирепости германских племен дал почти все земли в церковное владение, дальновидно замыслив, что лица духовного звания не пожелали бы с подобной мирянам легкостью сбросить с плеч верное служение царствующему правителю. Кроме этого, церковники могли бы останавливать мятежи мирян под страхом отлучения силой своей власти».

Эти великие свободы, предоставленные государями епископам, были тем же, что и подарки клиентов судьям. Кроме этого, сама природа этих щедрых даров с необходимостью влекла за собой порабощение Церкви. Епископы, превратившиеся в таких же вассалов, обязанные воздавать омаж своему королю, связанные с королем и заинтересованные в земном величии, ставшие его соратниками в походах и войнах, которые он предпринимал по собственному усмотрению, уже потеряли возможность ощутить силу сказанного апостолом: «никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику». Они не привыкли видеть в своем короле только лишь земного владыку, а в себе самих — его слуг, по его милости участвующих в его богатстве и власти, забывая в то же время, что этот их король был простым мирянином, сыном Церкви, овцой из их паствы, и что они сами были епископами, поставленными Духом Святым на руководство Церкви Божьей. Одним словом, не было возможно, будучи *людьми короля*, не забывать о том, что они люди Божьи, ибо «никто не может служить двум господам».

Мф XXVIII, 20.

В Деяниях апостольских написано, что Павел и Варнава рукополагали к каждой Церкви пресвитеров (ср. *Деян XIV, 23*).

Апостол Павел поставил Тита епископом Крита. В послании апостол повелевает ему сделать то же самое в других городах. «Для того я оставил тебя в Крите, чтобы ты довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал» — *Тит I, 5*.

«Тот, кто призван быть епископом, — говорит Ориген, — призван не для того, чтобы командовать, но для того, чтобы служить Церкви и совершать это служение с такой кротостью и таким смирением, чтобы оно было полезно и самому совершающему, и тому, на кого направлено». Затем он добавляет довод, общий не только для Церкви, но и для всякой иной христианской власти: «ибо правление христиан должно быть во всем отлично от власти язычников, которая представляется жестокой, бесстыдной и тщетной».

В римском понтификальном служебнике до сих пор существует церемония, согласно которой епископ спрашивает у рукополагающихся, имеют ли они доброе свидетельство со стороны народа.

Ориген в XII проповеди о книге Чисел и в VI проповеди о книге Левит говорит, что «при рукоположении епископа, кроме избрания от Бога, стремятся к присутствию народа с той целью, чтобы все были уверены, что избирается наиболее выдающийся и мудрый, святой и добродетельный понтифик из всех возможных. Народ должен присутствовать, чтобы никто не имел причины сетовать, и уничтожена была бы всякая возможность упрека» * [PG 12, 744.469].

Такое понятие о священстве, к сожалению, преобладает в наше время: верят, или силятся верить, что предназначение христианского священника совершенно ограничиваются материальными стенами Церкви! Вот в каком роде говорил недавно господин Дюпен * [Андрэ Мари (1783 – 1865) французский судья и политик – Galantino 1997, p. 219] старший член депутатской палаты Франции (заседание 23 февраля 1833 года): *J'ai le plus profond respect pour la liberte du pretre, tant qu'il se renferme dans ses fonctions: si cette liberte etait attaquée, je serais le premier a la defendre; mai que le prktre se contente du maniemement des choses saintes, et qu'il ne sorte pas du seuil de son Eglise; hors de la il rentre pour moi dans la foule de citoyens; il n'a plus de droits que ceux du droit commun.*

* [Я весьма глубоко уважаю свободу священника, когда она состоит в исполнении его предназначения: если этой свободе что-либо будет угрожать, я буду первым среди ее защитников; но священник должен ограничиться охранением святынь и никогда не должен выходить за пределы своей церкви; вне ее он соединяется со мной с множеством граждан, и не имеет прав, отличных от прав общих со всеми]. Разве это католический священник? Разве тот, о котором говорится, есть священник, учрежденный Иисусом Христом? Или может ему не было сказано: «идите и научите все народы»? Или не было сказано: «вы соль земли»? Разве Божественный основатель, научивший, что истинные верующие будут поклоняться Отцу «в духе и истине», когда-нибудь говорили о материальных храмах? Разве он не дал священнику права связывать и разрешать? Может быть, оно действительно только в церковных стенах? Когда Он повелел провозглашать истину на кровлях, когда послал их, говоря, – «как Отец послал меня, так и я посылаю вас», – когда заповедал нести Евангелие перед лицом земных тиранов и правителей, разве Он полагал такие узкие границы для христианского священства, в какие его заключает господин Дюпен? Но невежество и предрассудки господина Дюпена в некотором роде простительны, ибо являются следствием всей плачевной системы публичной власти, и препятствий, которые политика воздвигла перед религией.

Св. Лев Великий * [имеется в виду папа Лев I, 29. IX. 440 – 10. XI. 461] хорошо знал, что принудить народ принять нежеланного епископа значит развратить его. Это было одной из причин, по которой это святейший понтифик твердо придерживался древней церковной дисциплины по поводу избрания епископов посредством собрания духовенства, народа и областных епископов. Вот один из многих поступков этого великого человека, который я могу привести здесь в доказательство сказанного. В 445 году он пишет Анастасию, епископу Солунскому, (гл. 5): «Когда речь пойдет об избрании первосвященника, пусть будет предпочтен другим тот, которого единодушно потребует собрание духовенства и народа. И если голоса распределяться между двумя лицами, пусть будет отдано предпочтение тому, кто пользуется большей любовью и имеет больше заслуг. Надо только иметь в виду, чтобы не рукополагались те, кого не хотят и о ком не просят, чтобы обделенный народ не презрел и не возненавидел своего епископа, и чтобы, не имея возможности получить желаемое, не стал он менее религиозным, чем подобает». (*Ne plebs invita Episcopum aut contemnat aut oderit; et fiat minus religiosa quam convenit, cui non licuerit habere quem voluerit*). Вот образ мыслей Льва и ему подобных! Смотрите, что сам великий понтифик пишет в письме к епископам Венской области (гл. 3) и в письме к Рустуку Нарбонскому (гл. 7).

Для того, чтобы увидеть, насколько тесным было единение народа с епископом и зависимость от него в древние времена, достаточно рассмотреть то обстоятельство, что не только священники, но и простые миряне, проезжая из одной области в другую, должны были взять от своих епископов грамоты, удостоверяющие их принадлежность к Церкви. На Арльском соборе в 314 году было велено, «чтобы и управляющие областями, приведенные в эту должность, будучи христианами, должны, подобно другим, брать такие грамоты от своих епископов, и епископ области, в которой они отправляют свои должностные обязанности должен заботиться о них, и даже отлучить их, если совершат нечто против дисциплины». То же самое относительно всех, находящихся на государственной службе.

Ориген, *In Iudic. hom.* IV * [PG 12, 969].

Даже раньше этой эпохи, сразу же после того, как императоры стали христианами, они сделали несколько частных попыток вмешаться в избрание епископов; но, сказать по правде, это было не настолько их виной, сколько виной некоторых церковников, которые они были вовлекаемы в настолько разрушительное для церковной дисциплины дело. Как же легко мирскому владыке остаться обманутым лицемерием и дерзостью, или невежеством дурных священников, особенно,

в церковных вопросах! Великий Афанасий весьма горько сожалел по поводу подобных попыток императора Констанция. Вот, что пишет о нем этот отец, непобедимый воин Божественного Слова: «этот стал думать, как бы преступить закон, нарушить *учреждение Господа, переданное нам апостолами*, и изменить обычай Церкви, для чего и изобрел новый способ поставлять епископов! Он посылает их народам, которые не хотят их получать из чужих мест, отстоящих на добрые пятьдесят дней пути, и дает им в сопровождение воинов. Эти епископы же, вместо того, чтобы принять от народов соответствующий им суд, сами несут судьям письма угрозы». В этом отрывке становится ясным, насколько способ избрания епископов посредством духовенства и народа считался важным для церковного устройства, был принят за божественное установление и сохранен апостольским преданием. Также и св. Киприан в 68-м письме объявляет, что этот способ избирать епископов является божественным правом: *de traditione divina et apostolica observatione descendit*. Заслуживает зрелого размышления упрек данный св. Афанасием Констанцию за то, что тот посылает епископов «*ex aliis locis et quinquaginta mansionum intervallo disjunctis*» * [из чужих мест, отстоящих на добрые пятьдесят дней пути]!

И все-таки вначале хотелось, чтобы наряду с голосом императора происходило и каноническое избрание при помощи духовенства и народа. Например, Константинопольский патриарх начала VI века, Епифаний, в отчете об избрании папы Римского Ормизды * [20. VII. 514 – 6. VIII. 523], после того, как сказал, что папа был поставлен императором Юстином и всеми вельможами, добавляет, что «не было недостатка и в согласии со стороны священников, монахов и народа» (*simul et sacerdotum et monachorum et fidelissimae plebis consensus accessit*). Так же и письмо великого понтифика Агапита * [I, 13. V. 535 – 22. IV. 536], написанное в том же веке и прочитанное на Константинопольском соборе при патриархе Менна, рассказывая об избрании последнего, говорит, что было согласие императора, но лишь в качестве добавочного условия; письмо настаивает на том, что было канонической нормой, то есть на избрании духовенством и народом. Вот слова этого папы: «*Cui, licet, praeter caeteros, serenissimorum imperatorum electio arriserit, similiter tamen et totius Cleri ac populi consensus accessit, ut et a singulis eligi crederetur*» * [PL 66,50] – эти слова дышат церковной свободой.

И какой же была причина, по которой в определенные времена Константинопольский патриархат стал откровенно продажным? Почему в другие времена было продажным папство? Кто не заметит, что причиной было земное богатство более не связанное с благотворительностью, а с помпезностью этих кафедр? Мирские люди не расположены тратить ради достоинства, если с этим не связаны мирские преимущества.

* [Святой Симмах происходил из Сардинии. Понтификат 22. XI 498 – 19. VII 514].

Сколько значения придавала Церковь от самих ранних до нынешних времен ненарушимому сохранению способа епископских выборов, который заключается во всеобщем согласии и в решении духовенства! И поскольку, как я думаю, этот вопрос непосредственно касается божественного устройства Церкви, я не хочу обойти вниманием и другие документы, предшествующие VI веку, которые способны подтвердить постоянную заботу Церкви, направленную на сохранение епископских выборов в неприкосновенности от какого бы то ни было светского влияния.

Уже на великом Никейском соборе ощущалась необходимость закрепить при помощи правила (правило 6) апостольский и божественный обычай выборов * [Скорее всего Розмини имеет в виду правило 4 Никейского собора, которое гласит: «Епископа поставляти наиболее прилично всем той области епископам. Аще же сие неудобно, или по належащей нужде, или по дальности пути, по крайней мере три во едино место да соберутся, а отсутствующие да изъявят согласие посредством грамот, и тогда совершати рукоположение. Утверждати же таковые действия в каждой области подобает ее митрополиту». – Еп. Никодим (Милаш), указ. соч., т. 1, стр. 181]. Это доказывает, что как только императоры стали христианами, Церковь заметила, что ее свободе угрожает опасность. По той же причине последующие соборы не преминули издать декреты в защиту древнего и законного способа избрания епископов посредством духовенства и народа. Среди прочих 19 и 23 правила Антиохийского собора.

Среди апостольских правил есть одно, а именно 29-е * [30-е – Еп. Никодим (Милаш), указ. соч., т. 1, стр. 91], которое гласит: «Аще который епископ, мирских начальников употребив, чрез них получит епископскую в Церкви власть, да будет извержен и отлучен, и все сообщающиеся с ним».

Папа Целестин I * [10. IX. 422 – 27. VII. 432] в начале V века издал декрет, которым закреплял ту

же свободу: *Nullus invitis detur Episcopus; Cleri, Plebis et Ordinis consensus et desiderium requiratur.*

Св. Лев Великий, который в том же веке занимал кафедру св. Петра, то есть с 440 по 461 год, и которого мы уже цитировали выше, постоянно следил за соблюдением свободной и канонической нормы епископских выборов: достаточно указать послание к Афанасию, епископу Солунскому, в котором он говорит: *Nulla ratio sinit ut inter Episcopus habeantur, qui nec a Cleris sunt electi, nec a plebe expetiti, nec a Provincialibus cum Metropolitanis iudicio consecrati.*

Правило 2.

Правило 4.

Правило 7.

Правило 3. Флери, излагая содержание этого собора, говорит, что «на нем был рекомендован древний порядок епископских выборов в областях посредством согласия духовенства и граждан. Возможно, это происходило по причине смут, которые земная власть начинала внедрять в этот порядок».

* [Арверния древнее название Клермон-Феррана, поэтому Розмини ошибается, когда считает, что этот собор не тот же самый Клермонский собор 535 года, о котором говорится выше – Galantino 1997, p. 224].

Правило 10. *Nulli episcopatum praemiis aut comparatione liceat adipisci, sed cum voluntate regis iuxta electionem cleri ac plebis.*

Так, к сожалению, и случилось. Среди форм, дошедших до нас благодаря Маркольфу, которые были в ходу во Франции при Меровингах, имеется именно форма, представляющая собой не *согласие* короля, а *предписание*. Она выражена следующим образом: «советом и волей епископов и наших вельмож, соответственно воле и с согласием духовенства и народа того же города, в вышеупомянутом городе N, мы именем Господа возводим вас в понтификальное достоинство. В силу чего настоящим предписанием решаем и повелеваем, чтобы вышеупомянутый город и блага его Церкви и духовенство оставались под вашим произволом и правлением». Ничто не встречается так часто в писаниях тех времен, как фраза, что тот или другой был поставлен в епископы «повелением короля». Имеются также формулы прошений, которые представлял народ королям, чтобы те издали подобное предписание: необходимо было подавать прошения для получения повелений! таких повелений! * [Маркольф – французский монах, живший во второй половине VII века – является автором сборника гражданских актов и договоров, который являлся полезным образцом при их составлении. Книга переиздана в Париже в 1613 году – Galantino 1997, p. 224].

Лесть и тщеславие изобретают эти выражения, которые в начале лишены значения, но вскоре приобретают слишком даже реальное. Странно не замечать, что таким образом правителям не оказывается подобающего им истинного и постоянного уважения, а употребляется язык, который в то или иное время становится сатирическим. В действительности все это кажется ироническим и язвительным стилем писателя прошлого века, к тому же весьма ученого, который будучи подвергнутым цензуре за сказанное о рассматриваемой нами эпохе, что «было действительно королевским *благоденствием*, что духовенство пользовалось свободой избирать, а король был арбитром и судьей в выборах» (будто бы эти две вещи могут существовать одновременно), в свою защиту заявил, что под королевским *благоденствием* подразумевал прекращение узурпации со стороны короля. Разве это не *благоденствие* разбойника, дарящего жизнь? Вот слова писателя, между прочим, искренне преданного светской власти: *jus eligendi penem Clerum erat. Sed quia saepe reges electionum usum inturbaverant, assensum in merum imperiam vertere soliti, Ecclesia Galliacana his qui veterem electionum usum restituerant, ut Ludovico Pio, plurimum, se debere profitebatur. Eorum certe beneficiorum erat asserta et vindicata sacrarum electionum libertas, etc.*

Св. Григорий Турский писал в 527 году: *Jam tunc germen illud iniquum coeperat fructificare, ut sacerdotium aut venderetur a regibus aut compararetur a Clericis*. Эти слова святой пишет после того, как в пример приводит множество фактов, когда духовные лица получили епископские кафедры от королей не по пастырским достоинствам, а благодаря достоинству денег.

Готские короли узурпировали даже право назначать великого понтифика, нарушив порядок его законного избрания. После того, как они были изгнаны из Италии, Юстиниан сохранил за собой право утверждать понтификов; его преемники требовали большую сумму денег от нового папы за милость этого утвердить его, и эта сумма выплачивалась вплоть до Константина Погоната, взошедшего на трон в 668 году.

Св. Григорий был весьма внимателен к свободе епископских выборов; этот аргумент весьма часто встречается в его письмах. См. среди прочих 1. III, ep. 7 * [данное послание, на самом деле, не касается темы епископских выборов, которая трактуется в послании 7 из 1. IV: PL 77, 673s – Galantino 1997, p. 226].

Вот выражение из эдикта, которая представляет собой противоречие in terminis: «*ideoque definitionis nostrae est, ut Canonum statuta in omnibus conserventur... Ita ut, Episcopo decedente, in loco ipsius, qui a Metropolitano ordinari debet cum Provincialibus a Clero et populo eligatur*». После этих прекрасных слов непосредственно следуют другие: «*et in persona condigna fuerit, per ordinationem principis ordinetur: vel certe, se di palatio eligitur, per meritum personae et doctrinae ordinetur*». Вот как понимала светская власть соблюдение канонических уложений in omnibus!!!

Правило 10.

Вот некоторые факты: Григорий Турский повествует, что епископы настоятельно просили Котэна, канонически избранного епископа Аверны, чтобы тот позволил им рукоположить себя, не дожидаясь назначения от короля Теобальда (554 г.). Тот же св. Григорий повествует, что Альбин наследовал Ферреолу на Усетской кафедре *extra regis consilium*. После смерти Альбина, как вещает тот же историк, некто Иовин получил предписание короля принять епископство на этой кафедре, но областные епископы, заботясь о каноничности выборов, опередили Иовина, и вручили кафедру диакону Маркелу. Когда граждане Тура просили короля позволить им поставить канонически избранного епископа Евфрония, король ответил: «*praesepeream ut Cato Presbyter illic ordinaretur, et cur est sprete jussio nostra?*» Когда король Хлотарь поставил в Сентскую церковь епископа Эмерия, надо было терпеть его, но после смерти Хлотаря митрополит Леонтий, собрав областных епископов, низложил Эмерия, как не избранного каноническим путем (562 г.). Таким же образом и епископы Аквитании поспешили дать Аквитанскую Церковь священнику Фаустиниану вопреки тому, что король Хильдерик предназначил это место графу Никете. Поэтому Константин Ронкалья мудро отмечает, что «поскольку епископы рассудили, что они были обязаны воспротивиться власти короля, притязавшей распространиться и на епископские кафедры, становится ясным, что эти государи никогда в полном спокойствии не обладали этой властью над епископскими выборами, которую сами себе произвольно приписали», и что «во избежание чего-либо худшего Церковь никогда свободно не позволяла этого, несмотря на многие невзгоды, претерпеваемые ею как несчастной матерью».

* [Святой папа Григорий II был римлянином. Понтификат 19. V. 715 – 11. II. 731].

Среди прочего он пишет Леону Исавру следующие замечательные слова: «*Quemadmodum Pontifex introspectendi in palatium potestatem non habet ac dignitates regias deferendi: sic neque imperator in Ecclesiam introspectendi et electiones in Clero peragendi*».

Правило 3.

Правило 2.

* [Святой папа Николай I, римлянин по происхождению, был прозван Великим за проведенные им существенные изменения в Церкви. Известен своим конфликтом с Константинопольским патриархом Фотием. Понтификат 24. IV. 858 – 13. XI. 867].

Ер. LXIII.

* [Понтификат Адриана II: 14. XII. 867 – 14. XII. 872].

Французские епископы в те времена уже не могли пересекать границы королевства без особого разрешения короля; ни митрополит не имел права посылать своим легатом епископа за пределы государства, как это явствует из письма Инкмара Реймского папе Адриану, написанного в 869 году.

Правило 12 и Правило 22.

Наиболее соблюдаемыми становятся эти правила, – говорит Флери, – «когда публикуются в присутствии императора и сената». Другие правила были приняты на этом соборе в защиту свободы Церкви. Основными являются следующие. Правило 21. «Обладающие светской властью должны чтить пять патриархов, не пытаться лишать их престола и ничего не предпринимать против должного к ним почитания». Отсюда становится ясным, насколько патриаршие престолы, более других кафедр, составляли предмет притязаний светской власти по причине связанных с ними преимуществ и большего влияния. Правило 14. «Епископы не должны выходить из своих церквей навстречу полководцам (стратегам) и правителям, сходя с лошади, или простираясь перед ними. Должны сохранять надлежащее достоинство, чтобы при необходимости обличать их». Правило 17. «Патриархи имеют право созывать митрополитов на собор, когда почитают целесообразным, последние же не должны оправдываться тем, что удержаны силою мирского начальства». Добавлены также и слова: «с ужасом отвергнем то, что говорят некоторые невежественные люди, будто нельзя созывать соборы без присутствия светского начальника». Так гласят Вселенские соборы!

Вот пример того, с какой смесью повеления и мольбы, подчинения и авторитета, с каким исполненным благочестия стилем, который обволакивает собой гордыню, пишет Людовик II Венскому епископу Адону, чтобы склонить его и как-нибудь побудить поставить епископом Гренобля некоего Бернара лишь потому что этот был клириком при дворе императора Лотария, а император желал сделать его епископом: «Наш возлюбленный брат Лотарий, – пишет Людовик, – взывал к нашей кротости (*mansuetudinem nostram*), чтобы соизволили мы некоему его клирику именем Бернару верить епископскую кафедру в Гренобле, что мы благосклонно и сделали (*quod nos benignissime fecimus*)». Вот она, гордыня Его Кротости: сначала совершает нечто, а потом смиренно обращается к Церкви, чтобы просить разрешения. «Поэтому уверяем твое святейшество, что если сладчайший наш брат пошлет тебе вышеупомянутого клирика на рукоположение, ты должен немедленно подчиниться его воле, обеспечив наше согласие на его назначение в гренобльскую церковь». Рекомендации Карла Лысого и Людовика III были в том же самом стиле, который содержит больше противоречий, чем слов. Иногда, в рекомендацию какому-нибудь субъекту, добавляли клаузулу: «Если не будет найден недостойным», оставляя, таким образом, судить митрополиту; но чего на самом деле стоили подобные клаузулы, можно заключить из собора в Физме с Людовиком III, о котором несколько позже расскажем.

Вот развитие узурпации: 1) светская власть препятствует Церкви производить выборы прежде полученного на то разрешения; 2) впоследствии это разрешение превращается в чистую *милость свыше*, которая подается, или в которой отказывается произвольно; 3) эту милость уже не желают подавать бескорыстно, но заставляют за нее платить; 4) наконец, эта купленная высшая милость, которая разрешает проведение *выборов*, сочетается с условием, что избранным должен быть тот субъект, которого хочет король!!!

Обратите внимание на обычное смешение идей, которое производили эти придворные. Церковное имущество, которое представляет собой лишь добавочную ценность, ставится во главе всего. Более того, оно признается единственным содержанием епископства!

Hincm. ep. 12, t. II, p. 188 * [Источником информации для Розмини служит опять же сочинение Флери t. VIII, p. 77 – Valle, 1981].

Вот в чем заключается почтение к королю! в совершении низости! в измене Церкви Христовой и душам, купленным ценой Его крови, чтобы следовать Ему!

Достоинство, которое заключается в злоупотреблении властью над слабыми!

Упрямство и прихоть простого верующего, который беспокоит всех епископов королевства и принуждает их созвать собор, – и почему? – чтобы те издали новый закон «не для поддержания справедливости, а в угоду его удовольствию», которое он именует *достоинством*. Странной представляется надежда подкупить национальный собор, чтобы сокрушить справедливость областного собора! Но разве в наши дни мы не видели, как подобные надежды приносят те же самые плоды? Кому пришло в голову созывать национальный собор в Париже?

Все те, для которых имя божественного Провидения, управляющего событиями, означает хоть что-нибудь, и которые также верят, что ничего не происходит без его мудрого определения, обязательно задумаются над совпадением смерти этого юного короля Людовика III с предупреждением Реймского прелата по делу епископской кафедры Бовэ. Этот последний, отвечая на письмо короля, настойчивого в желании поставить Одоакра епископом вопреки каноническому праву, говорит между прочим: «если вы не измените того зла, которое совершили, Бог исправит его, когда Ему будет угодно. Император Людовик не жил столько, сколько его отец Карл, ваш предок Карл не жил столько, сколько его отец, так же и ваш отец не жил больше своего. А поскольку вместо них сейчас находитесь вы, опустите глаза; посмотрите, где сейчас ваш отец, и где закопан ваш пращур. Не стремитесь возвыситься над Тем, Кто умер за вас, воскрес больше не умрет. Вы скоро отправитесь отсюда, но Церковь со своими пастырями, под началом своего Главы Иисуса Христа, пребудет вечно, согласно Его обетованию». Флери, который вовсе не является доверчивым историком, приводя эти слова архиепископа, добавляет: «эта угроза Инкмара могла быть оценена как пророчество, когда молодой король Людовик умер на следующий год».

Это случилось в XII и XIII веках. Из письма знаменитого Инкмара, епископа Реймского, становится ясным, что в те времена (IX век) в выборах участвовало и сельское, а не только городское, духовенство. Он пишет следующее Лейденскому епископу Эденульфу, посылая его председательствовать на выборах епископа в Камбрэ: «*quae electio non tantum a civitatis Clericis erit agenda, verum et de omnibus monasteriis ipsius Parochiae, et de rusticorum Parochiarum Presbyteris occurrant Vicarii commorantium secum concordia vota farenties. Sed et laici nobiles ac cives adesse debent: Quoniam ab omnibus debet eligi, cui debet am omnibus obediri*».

С другой стороны, предупреждение Инкмаром Эденульфа показывает, что уже с того времени пытались изменить этот древний обычай. Иннокентий III в конце XII века в одном из своих декретов приписывает право выбора *ad Cathedralium Ecclesiarum clericos* * [клирикам кафедральных соборов]. Наконец, IV Латеранский собор сузил право выборов до одних только каноников кафедральных соборов.

Климент V был понтификом, который в 1306 году распространил понтификальные *ризервы* на епископства. Бенедикт XII, который взшел на апостольскую кафедру в 1334 году, сделал их почти что всеобщими. Бонифаций IX в конце XIV века распространил *юбилейные года* на епископства и сделал их постоянными.

* [Так мы переводим на русский язык термин *l'annata*, который означает обязанность лица, получившего какую-нибудь должность в качестве бенефиция, отдавать римскому понтифику доход с первого года].

Это наблюдение объясняет тот факт, который иначе кажется необъяснимым. Базельский собор, поддержанный светской властью, упразднил понтификальные ризервы. Каковым было истинное и скрытое намерение политики светских властей, которые встали на стороне Базельского собора? Быть может уничтожить ризервы? – нет, но ослабить их и присвоить себе. Доказательством этого служит поведение короля Франции в связи с этим. Карл VII с кажущимся торжеством принял

базельские декреты, и объявил их государственным законом на ассамблее в Бурже, где опубликовал Прагматическую санкцию. И что же? Тот же самый Карл VII чуть позже, как и его преемники Людовик IX и Карл VIII, просят папу, чтобы тот сохранил (зарезервировал) за ними некоторые епископские должности, и распределял их согласно с королевскими просьбами. Следовательно, они желали ризерв, но слабых, и чтобы папа допускал это им в угоду: стало быть истинным духом политики было упразднить ризерв для их ослабления, а после этого пользоваться ими вопреки церковным законам.

Быть может, никогда на протяжении пятнадцати веков, среди многих испытанных несчастий, Церковь не впадала в большее унижение, чем то, когда была принуждена на такие договоры с верующими! Это унижение было вызвано греховностью духовенства: «если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, разве что выбросить ее вон на поправление людям» (Мф V, 13). Говорю так, ибо нельзя не согласиться, что конкордаты представляют собой настоящие договоры, ибо таким именем называют их и сами великие понтифики. *Nos attendentes*, – говорит Юлий III, – *concordata dicta vim pacti inter partes habere etc*: хоть и никакой договор не соблюдается, когда становится несправедливым. И договоры с Церковью не должны пониматься в таком узком смысле, чтобы покуситься на полноту власти, которой она обладает на благо христиан, ибо она, будучи существенно свободной, никогда не может быть скована. Эти мои слова не направлены на осуждение конкордатов, но оспорить их необходимость. Истинно то, что ни с помощью конкордатов, ни посредством какого-либо иного человеческого соглашения невозможно упразднить божественные и неизменные права Церкви; нельзя ни ограничить ее законодательную власть, полученную от Иисуса Христа, ни каким-либо образом уменьшить ту полноту авторитета, она может действовать ради блага, а стало быть может неограниченно повелевать верующим то, что она считает необходимым и полезным для их вечного спасения и для возрастания на земле Царства Христова.

Когда великий понтифик Адриан I написал Карлу Великому (784 год), чтобы сообщить ему, что светской власти не принадлежало право входить в епископские выборы, и что она должна была оставить их свободными, тогда папа имел в руках убедительный и точный аргумент, а именно тот, что и он сам, будучи папой, не вмешивался в выборы, чтобы они лучше оставались свободными. Вот его слова: «*Numquam nos in qualibet electione invenimus nec invenire havemus. Sed neque Vestram Excellentiam optamus in talem rem incumbere. Sed qualis a Clero et plebe... electus canonice fuerit, et nihil sir quod sacro obsit ordini, solita traditione illum ordinamus*». Этот аргумент, весьма значительный перед государями, был папами потерян после эпохи ризерв.

Светские феодалы во Франции стали наследными к концу второй династии, как это доказывает Антуан Доминиси, но что касается церковных феодалов, то поскольку духовные лица не имели наследников, их феодалы всегда оставались персональными.

De gestis regum Anglorum, Lib. V.

На этом не остановилось, ибо где же останавливается история? Клятва, которая требовалась от епископов как феодалов, потом уже требовалась от них как от епископов, *per extensionem*, как сказали бы юристы и поверили бы, что этой клаузулой оправдывается узурпация. Церковь не стала молчать, и запретила подавать клятву тем епископам, которые не получали от государя никаких земных благ. По этому поводу был издан торжественный декрет Иннокентия III * [Лотарио ди Сеньи, 22. II. 1198 – 16. VII. 1216] на IV Латеранском соборе (правило 43), который гласит: *Nimis de jure divino quidam laici usurpare conantur, cum viros Ecclesiasticos, nihil temporale detinentes ab eis, ad praestandum sibi fidelitates juramenta compellunt. Quia vero, secundum Apostolum, servus suo domino stat aut cadit, sacri auctoritate Concilii prohibemus, ne tales Clerici personis saecularibus praestare cogantur hujusmodi juramenta.*

2 Тим II, 4.

Тот, кто был наделен феодалом, звался *homo regis*. Нельзя найти лучший способ, чтобы выразить абсолютную власть короля над этим человеком, ставшим чем-то вроде королевской собственности. Как странно было бы представить св. Петра, и св. Павла, или св. Златоуста и св. Амвро-

сия, из *homo Dei* превратившихся в *homo regis*! А само слово «человек» (*Homo*) в те времена стало синонимом солдата.

Мф VI, 24.

84. Последствие земных вещей, употребленных в соответствии с земными целями, к сожалению, есть ослепление людей. Вся церковная власть и свобода принадлежит к духовному и невидимому порядку вещей. Поэтому разве удивительно, что после того, как к духовному предназначению и власти епископства присовокупилась великая внешняя и осязаемая власть, земное и материальное предназначение, сами епископы, будучи людьми, подобно самим государям остались бы ослепленными и целиком поглощенными этим дополнением, и вскоре основали бы на нем главный стержень их епископского достоинства; смешали и спутали бы с полученной от государя земной властью духовную власть, полученную от Христа; и эта невидимая власть, смешавшись и спутавшись с земною, исчезла бы и потерялась из их поля зрения, а *епископством* называлось бы княжеское благодеяние, и уже не представлялось бы возможным ни разделение епископского предназначения от земной милости, ни понимание того, как первое может существовать без второго? Действительно, привычные фразы в стиле того времени, содержащие в себе общее мнение, ясно доказывают сказанное мною. Они смешивают все вместе, ибо вместо того, чтобы сказать, что король дарует земные блага, соотнесенные с епископской кафедрой, говорят, что «дарует и присваивает епископство; присваивает епископское достоинство; повелевает, предписывает, чтобы некто стал епископом; что, будучи поставлен королем, некто был рукоположен в епископы и так далее».

Повторяю, что эти способы выражения во время, когда они были изобретены, не имели прямого значения, но как бы предсказывали то значение, которое обрели впоследствии. Так и случается: в начале изобретаются фразы, и некоторое время они употребляются без значения, будучи слабым снисхождением, которое делает истина лживым страстям. За фразами, однако, не запаздывают и события, ибо существует закон, принуждающий человека говорить правду, и следовательно, приводящий их к осуществлению смысла слов, ранее тщетно произносимых. Разговорная манера выражаться, бытующая в народной речи, открывает проходимый этим народом путь тому, кто привык всматриваться в глубь человеческой жизни, и в манере выражаться читает взятые народами направления и предсказывает их конечные цели. Отождествление земных милостей с епископским достоинством, производимое в разговорной речи, приписывание светской власти права на распределение архиерейской чести, подобно тому, как распределяются дары, по их природе зависящие от произвола дарящего, ясно указывало на подбострастие и развращение духовенства, уже готового на низменное служение светским начальникам, предпочитающего богатства мира сего свободе Христовой. Также и в государях проявлялось неустанное стремление захватить все, завоевать Церковь так же, как они завоевали уже землю. Это стремление могло некоторое время сдерживаться от своего естественного развития, благодаря личному благочестию некоторых правителей, но по прошествии некоторого времени оно непременно должно было свалиться туда, куда тяготело, и вырастить плод, зародыш которого носило в себе.

Так мы видим, что с самого начала, после того, как были сняты некоторые произвольные акты выборов, эти правители признавали, однако же, право Церкви самой избирать для себя пастырей; даже когда они произвольно раздавали епископские места, обычно, сопровождали это словами, которые смягчали странность этой их несправедливости, и дышали благочестием, чтобы не вовсе оскорбить мнение прелатов и народа, все еще строгое и основанное на нормах законов и истины, еще не достаточно гибкое и продажное (*cortigiana*).

Благочестие, праведность и политика Карла Великого пошла вперед, и возвратила Церкви так же и ту часть свободы, которую нарушили короли из рода Меровингов; а Людовик Святой последовал примеру своего великодушного родителя.

Но не таковыми были короли, следовавшие за ними.

85. То, что после смерти каждого епископа феоды вновь попадали в руки короля, и что король пользовался их доходами на период, когда кафедры оставались вакантными, что называлось *regalia*, было еще терпимо, ибо исходило из самой природы феода. Однако на этом не остановились. Подвигнутые стремлением заполучить эти доходы, государи подолгу держали церкви лишенными их пастырей. Они препятствовали церковным выборам, требуя, чтобы епископ не избирался без королевского дозволения, и таким образом ставили Евангелие и спасение душ в зависимость от воли и каприза короля, а в особенности от его алчности. Именно потому, что и простые священники пользовались доходами Церкви, было приказано, чтобы

Божья Церковь больше не имела права поставить и наименьшего из своих священников без высшего позволения и милости!_

86. Более того: законники, которые при дворах играют ту же роль, что софисты и демагоги среди развращенного народа, нашли следующий замечательный аргумент: «основное притягивает к себе добавочное; но феодалы являются основным среди церковного имущества; следовательно, все остальное церковное имущество должно принять на себя свойство феодалов, и подлежать тому же законодательству». Этой замечательной аргументацией все виды церковного имущества возымели высокое достоинство рассматриваться как *благородные сущности* (*enti nobili*), как блага первого порядка, и следовательно, как блага в некотором смысле королевские. Исходя из этого, король притязал не только на одни феодалы, но на все без различия церковное имущество, распространив на него свои права, которые имел на феодал. Король пожелал от всех иметь *regalia*, то есть доходы вакантных бенефиций, которые после смерти бенефициария, должны были возвращаться в руки сеньора, часто располагавшего ими по своему усмотрению, как совершенной своей собственностью. Иногда свободному церковному имуществу давалась сама форма феодалов. Так была феодализована десятина; и дальнейшее развитие по тому же пути присвоило десятину и другие феодализованные блага мирянам, как иногда это происходило с настоящими феодалами после смерти епископов или аббатов. И по причине того, что духовное достоинство рассматривалось неотделимым от земной милости, миряне, и главным образом, воины командовали в аббатствах посредством аббатов, и в диоцезах — посредством епископов._

87. Это неделимое соединение духовного и земного стало причиной того, что узурпация земного стала равной узурпации духовного, и отсюда происходят данные государями инвеституры со знаками духовной власти — перстнем и посохом; отсюда — полная вакансия епископств, ибо государь сохранял за собой бенефиции; отсюда — совершенный захват государем церковных выборов; отсюда — продажа епископских кафедр тому, кто предлагал наибольшую цену; отсюда — возвышение на церковные троны низменных душ по единственному их достоинству низости, то есть угодливости государю и поощрению его пороков; Отсюда невероятное вырождение и развращение в среде народа и духовенства, и все бедствия, тяготевшие над несчастной Церковью по причине этого жалкого положения вещей, которое незаметно для монархов затопляло собой само государство, повреждало, возмущало, разрывало его, препятствовало ему встать на путь развития цивилизации (*l'incivilimento*), по которому мирно ведут разумная природа и религия Христа, согласованные между собой в добром союзе.

88. Духовенство от такого давления изо дня в день теряло сознание собственного достоинства и свободы; считало, что неизвестная ему более цена этих потерь вполне оплачена возрастанием богатства и земной власти._

И однако, грозный голос, восстающий из бездны унижения, чтобы возглашать истину, никогда не умолкал в Церкви: ибо Церковь более не была бы бессмертна с того мгновения, когда бы прекратила вещать ее. Но голос этот был одинок, был стоном и плачем, подобный которому то и дело раздается посреди погоста.

Я удовлетворюсь сообщением об одном отрывке из Флора, лионского диакона, который в X веке, когда свобода епископских выборов почти уничтожилась, решил написать книгу под заглавием «Об избрании епископов», чтобы напомнить, каковым оно должно быть согласно со святыми законами Церкви, и чтобы отвергнуть уже начинающее бесчувственно укореняться при дворах мнение, будто «необходима воля короля, чтобы избрание епископа было законным и действительным».

Автор начинает с подробного объяснения истинного учения об епископских выборах, говоря следующим образом: «известно всем, кто совершает в святой Церкви священническое служение, что должно соблюдать все, что требуется авторитетом священных канонических и повелевается церковным обычаем **согласно распоряжению божественного закона и апостольского предания** по поводу избрания епископов, а именно, что после кончины пастыря, когда освобождается место, один из священников той церкви, кого изберет общее и единое согласие епископов и всего народа, торжественно и законно утвердив это публичным декретом, и кого затем рукоположит надлежащее число епископов, должен справедливо занять место усопшего архиерея, ни мало не сомневаясь, что его назначение, с таким порядком и благочинием совершенное Божьей Церковью, утверждено и божественным судом и произволением. Таков порядок, находимый в соборах, у святых отцов, в декретах понтификов апостольского престола, утвержденный с самого начала Церковью Христовой».

В доказательство этого учения он приводит слова св. Киприана, которые в письме к Антониану, говоря об избрании св. Корнилия, писал так: «епископ соделывается судом Бога и Его Христа,

свидетельством всего духовенства, советом народа и согласием старых священников и лучших мужей (*bonorum virorum*)».

После этого он продолжает: «вследствие этих слов блаженного Киприана, становится ясным, что со времен апостолов и почти четырехста лет, все епископы Божиих Церквей были поставлены и законно управляли христианским народом без всякого совета со стороны человеческой власти. Когда потом мирские начальники начали становиться христианами, то, вообще говоря, одного очевидного аргумента будет достаточно, чтобы убедить нас в том, что в епископских выборах была соблюдена свобода Церкви, ибо, когда единоначалие над всем миром было в руках одного императора, для него не было возможным знать и избирать всех епископов, которых надо было назначать во всех краях его пространных владений — в Азии, Европе и Африке. И поэтому всегда считалось законным и значимым рукоположение, совершаемое святой Церковью согласно апостольскому преданию и религиозному благочинию. То, что впоследствии в некоторых государствах укоренился обычай проводить выборы, спрашивая совета у государя, это означало рост братской любви и желания пребывать в мире со светской властью, но никак не увеличивало истинность или авторитет таинства рукоположения, которое дается любому не посредством царской власти, но лишь волей Божьей и согласием верных членов Церкви. Ибо епископство не есть человеческая должность, но дар Духа Святого... Отсюда следует, что мирской начальник тяжко грешит, если считает, что своей милостью может дать то, что даруется лишь божественной благодатью: слугитель ее могущества должен следовать за ней, отдавая себя, а не выдаваться вперед, предпочитая себя».

89. Но надобно признать, что светская власть своей многовековой настойчивостью в постоянном стремлении поработить Церковь посредством альтернативы бенефиций и даров продвинулась настолько вперед, что не могла более: завоевание совершилось, и сама Церковь в десятом веке уже, казалось, устала напрасно протестовать против узурпации, казалось, уже не находила в себе ни голоса, ни дыхания, — настолько редко и слабо стала она говорить.

Это самый бедственный из веков. Духовенство сошло с пути, ослепло от мирских богатств, и почти что привыкло торговать собственным достоинством и совестью. К этому прибавилось и замечательное обстоятельство, способное помочь росту порабощения Церкви: усиление Оттона I, который унизил крупных сеньоров и укрепил абсолютный приоритет власти монарха. Это было бы большим благодеянием для общества, если бы монаршая власть не была направлена на узурпацию церковных прав. Учитывая имевшийся исторический опыт и порочные обычаи, всякое возрастание этой власти означало возрастание самой узурпации.

В начале XI века свобода выборов в Церкви оказалась совершенно искорененной.

Об Англии аббат Ингольф, современник Вильгельма Завоевателя, пишет так:

“Уже много лет, как в наших краях для прелатов уже не производится никаких совершенно свободных и канонических выборов. Все епископские звания и должности аббатов вместе с перстнем и посохом распределяются королевским двором, согласно его произволу».

О Франции во времена Филиппа I папа так жаловался Рохлену, Шалонскому епископу:

“Дошло до нас верное сообщение о том, что среди других князей нашего времени, которые своей развратной алчностью совершенно поработили собственную мать, король франков Филипп так угнетает церкви Галлии, что почти достиг крайнего предела в этом своем гнусном деянии. Все это мы воспринимаем с настолько большей скорбью, зная, насколько в другие времена это королевство было сильно своим благоразумием и верой, и преданно Римской церкви».

О Германии св. Ансельм, епископ Лукки и современный этим событиям писатель, говорит следующее:

“Твой король, — обращается он к антипапе Гильберту, — постоянно продает епископаты, публикуя эдикты, согласно которым не должен быть епископом никто избранный духовенством или востребованный народом, если королевская власть не упредит его назначение, будто бы король был привратником той двери, о которой истина говорит: «ему откроет привратник»! Вы терзаете члены Католической Церкви, которую вы захватили всем королевством, и доведя до порабощения, держите под надзором, как недостойную рабыню. Вы налагаете руку на свободу закона Божьего тем низменным почтением, которое оказываете императору, говоря, что все должно подчиняться его власти — и епископства, и аббатства, и все без исключения церкви, тогда как Господь говорит: «Моя Церковь, Моя голубица, Мои овцы». И Павел говорит: «никто сам собою не приемлет этой чести, но призываемый Богом, как и Аарон»».

90. Но в те несчастные времена, когда Божья Церковь кажется невозвратно потерянной, Христос напоминает о Своих словах, пробуждает и восстанавливает какую-нибудь особенную личность, который огромной и, несомненно, нечеловеческой нравственной мощью сопротивляется и противостоит всему, и над всем возвышается. Этот человек отвоевывает Церковь, залечивает ее

раны и, я бы сказал, обновляет царство Всевышнего на земле. Все уже поняли, кто является посланником Божиим в рассматриваемые времена: все догадались, что мы описываем Григория VII.

Этот приснопамятный муж взошел на кафедру Петра в 1073 году. Уже его предшественнику были предъявлены жалобы о беспредельной распущенности и неслыханной тирании по отношению к его христианским подданным, и о многих бедствиях, которые причинял Церкви Генрих IV. Но св. Александру II, смерть помешала прикрыть рукой глубокую и смертельную язву на теле Христовом. Провидением было назначено, чтобы смиренный монах Гильдебранд исполнил тягчайший долг после смягчающих и болеутоляющих мазей использовать сталь, острым и опытным надрезом излечив застарелую гангрену. Он в начале отказался от понтификата, но потом принял его в сознании невозможности противиться воле Божьей, хотя слишком мрачными были времена, и папа, желающий исполнить свой долг, должен был стать жертвой. Папа Григорий воспламенился жертвенным духом, и показал миру то возвышенное понятие о епископстве, имеющееся у первых епископов Церкви, когда писал своим братьям: «По причине краткости жизненного предела и ненадежной природы земных удобств, мы полагаем, что никто не может лучше обрести звание епископа, чем претерпев гонения за справедливость, а посему решили скорее подвергнуться вражде нечестивых, подчиняясь божественной заповеди, чем трусливо угодить им, вызвав гнев неба».

91. Прежде всего, папа, как только мог по-отечески испробовал с Генрихом все пути ласки и терпения, но они оказались совершенно напрасными: и нунции понтифика, и его послания, и вся его любящая забота были встречены одинаковым презрением. Созвав собор епископов и кардиналов, папа спросил их совета. Собравшимся были разъяснены все шаги, предпринятые отцом верных для отрезвления свернувшего с прямого пути сына, а с другой стороны — грубости и поношения, все возрастающую дерзость, с которыми ответил на все это Генрих. Наибольшая из последних была схизма, уже начатая королем при помощи множества коррумпированных епископов, его нечестивых сообщников из Ломбардии и Германии. Были прочтены имперские послания, привезенные присутствующими на соборе послами, полные всякого рода кощунственных оскорблений. Выслушаны были также и послы, которые перед лицом всего собора обратились к папе со следующей речью: «повелевает господин наш король, чтобы ты оставил апостольский престол и папство, ибо оно принадлежит ему, и чтобы ты более не занимал этого святого места». Были рассмотрены все обстоятельства, странность времени, зло, неизлечимое без сильного средства. И наконец, все, без исключения, отцы посоветовали папе, что если когда и случалось обстоятельство, при котором целесообразно было проявить строгость, то это было именно таким. Поэтому папа должен был испробовать и этот последний путь, не должен был оставлять Церковь, но преподавать грядущим векам великий пример церковной твердости и верности. С другой стороны, император не получал корону безусловно, но под условием закрепленных присягой обязательств. При короновании был заключен настоящий договор между ним и христианским народом, были установлены взаимные обязательства: народ дал клятву верности, обусловленную, прежде всего, сохранением свободы и защитой религии, в том смысле, что Церковь по своей природе должна оставаться матерью и попечительницей христиан. Церковь приняла клятву императора, данную от своего имени и от имени народа, согласно которой народ не мог сам освободить себя от данных обязательств, но глава Церкви как толкователь и судья присяги должен был заботиться об его спасении и о сохранении веры. Поэтому великий понтифик был обязан как перед собственной совестью, так и перед Церковью верных произнести приговор, объявляя, что поскольку император нарушил свою клятву, то и народ был свободен от принятых обязательств. Такова была основа и объяснение совета, единодушно данного всем собором великому понтифику Григорию VII. Поэтому Григорий, принужденный собственной совестью, в 1076 году отлучил Генриха IV и объявил его подданных свободными от клятвы верности.

92. Этот великий факт обозначает, как я уже говорил, *период восстановления Церкви*. Он был сигналом к ужасной битве: Церковь поднимала голову после многих лет унижительного ига, и это необходимо вызывало отчаянную борьбу между той, что была подавлена, и силой, которая подавляла. Победа была одержана лишь после трех веков сражений. Освобожденная от порабощения светской властью, Церковь вновь была растерзана великой западной схизмой. Как только схизма была преодолена, появились северные ереси. И лишь начиная с Тридентского собора, Церковь стала переводить дух. Между тем две великие максимы Григория VII, то есть *свобода церковной власти и нравственный облик духовенства*, были сохранены неизменно. Первая из них сразу же принесла свой плод, наполняя Церковь силой и мощью одержать победу над множеством врагов, да и сам Тридентский собор можно назвать ее плодом, ибо после него

ощутимо начала давать результаты и вторая максима с учетом поправок, сделанных по поводу церковной дисциплины и нравов.

93. Эта жестокая тройная битва с гордыней, схизмой и ересью была неизбежна. Схизма и ересь были дочерьми гордыни, пережившими свою мать. Семя этих зол было уже посеяно, когда Григорий VII взшел на престол: средство против зла было сильным и было готово к употреблению, но было невозможно заставить его действовать с надлежащей быстротой, чтобы предотвратить возникновение уже наступающих неминуемых бедствий. И хоть он не смог предотвратить их, все же привел к победе. Григорий нашел Церковь в состоянии, подобном тому, в котором находится земля во время зимнего солнцестояния. Хотя животворное светило, достигшее своего максимального удаления от описывающего нашу область круга, возвращается от той крайней точки обратно, и начинает приближаться к нашему меридиану, оно все-таки не двигается с поспешностью, достаточной для предотвращения жестокостей погоды, обрушивающихся уже после того, как светило уже начало описывать обратную дугу. Но причиняемые заморозками страдания не в силах изменить истину о том, что солнце уже обратилось на свой обычный путь, и что вскоре возвратится сиять над нашими головами. Будем ждать: придет день, когда оно растопит лед, и оживит благотворным теплом озябшую и замершую природу.

94. Здесь однако не будет бесполезным сделать одно замечание по поводу решения Римского собора и Григория о присяге, данной королю Генриху его подданными, которое стало поводом для многих пересудов и гнусной клеветы против апостольского престола. Замечание состоит в следующем:

Божественное Провидение, как мы сказали, тем, что ввело в Церковь мирские богатства и власть (что началось с обращения римских императоров, но, главным образом, с нашествия варваров, которые разрушили Римскую империю и основали новые королевства), имело своей целью освятить общество после того, как оно осватило человека, и внедрить евангельские принципы в законы и в нутро общественного порядка. Если это благотворное влияние религии в скором времени ясно проявилось в большей справедливости в разных ответвлениях общественного администрирования, в последнюю очередь стало ясно, что оно оказало также мощное и настойчивое действие на саму природу верховной власти, сумев, наконец, изменить эту природу. Но это изменение было произведено так мудро, так постепенно, с такой мягкостью, что природа верховной политической власти была изменена прежде, чем кто-либо заметил бы молчаливое действие Евангелия. И после этого процесса осталось сделать весьма тонкое и трудное исследование, чтобы выявить способ и ступени, по которым религия Христа привела к следствию этого важнейшего изменения. Одним словом, языческая монархия, или, если хотите, скажу естественная монархия, была *абсолютной*; христианство превратило ее в *конституциональную*. Пусть никого не оскорбит это слово: я совершенно согласен, что в новейшие времена его постигла профанация. Но если мне будет позволено объяснить всю мою мысль в целостности, прежде чем осуждать ее, то обнаружится, что она совершенно чужда многим опасным вопросам, возникшим в наше время, в которых ощущается стремление к добру без его четкого знания. Государственный министр, известный писатель, который не может быть заподозрен в поощрении неподчинения со стороны народов, писал, что «папы воспитали новую европейскую монархию», и что «природа этой монархии и то, что так возвышало правительства древних времен, было полученным ею фундаментальным законом, то есть наличие монархов, подвигнутых тем духом справедливости и любви, который вселяет в людей Евангелие, доверив право карать соответствующим судам». Таким образом, этот известнейший писатель, который хотя и с почтением говорил, что не в человеческих силах формирование политической конституции, все-таки признавал, что монархия, став христианской, получила *фундаментальные законы*. После чего каждый может видеть, что когда я говорю о конституции, то имею в виду нечто вполне отличное от теорий изобретательных и благосклонных людей: я не имею в виду конституцию, составленную человеком, но рожденную самостоятельно с ходом веков и таинственным действием обстоятельств, и это равносильно мысли, что конституция создана Богом. Я имею в виду конституцию, которая является спонтанным эффектом учения, ставшего всеобщим благодаря своей всеильной очевидности, и заставившего монархов и подданных действовать сообразно с его требованиями, подчинив себе их убеждения. Я считаю, что это учение, твердое и неизменное, заслужившее веру всех, кто составляет европейское общество, было Евангелием, и что убеждения монархов и народов, связанные с этим учением, приводят к тому следствию, что их действия «перестали быть произвольными, начали следовать неизменным принципам»: это равносильно тому, чтобы сказать, что государи подчинились *конституции*, установленной Евангелием, и таким образом приняли и признали начало и

бессмертное семя всех гражданских реформ.

Такая конституция определенно не выходила в свет и не становилась совершенной в тот самый миг, когда императоры стали христианами. Именно поэтому мы говорим, и это необходимо учесть, о фактической конституции. Надо было, чтобы в начале Евангелие было узнано и постигнуто народами и монархами, потом, — чтобы оно проникло в их сердца и воцарилось над их убеждениями, что не было возможным осуществить так скоро. Потом надо было, чтобы из евангельских оснований были выведены последствия, и эти основания были бы приложены к способу правления, что также требовало немалого времени. Наконец, надо было, чтобы христианство в душах монархов приобрело бы силу, достаточную для выведения следующего решения: «мы христиане, и хотим соответствовать самим себе, хотим, чтобы закон Евангелия регулировал нашу власть, торжествовал над нашими страстями». Это было великим делом! Оно свершилось, но постепенно и понемногу. И пока эта мощь религии не развернулась в душах монархов, они не склоняли гордых голов. Будучи *абсолютными монархами*, они не могли стать *конституционными* в знак почтения Богу, ставшему Братом всем людям. Ныне же, когда эта конституция сформировалась, она не ограничилась одним лишь артикулом, о котором говорил цитированный нами выше выдающийся муж, но содержала в себе и другие, которые постепенно диктовал и еще будет диктовать народам евангельский дух.

95. Следовательно, различаются три состояния христианства по отношению к политической власти: когда императоры еще не были христианами, когда, став христианами, еще не испытали живительного влияния Евангелия, и когда это влияние принесло в пользу им свои самые благотворные плоды.

Пока Церковь Христова обладала лишь народом, и правитель был чуждым ей, она могла обратить голос своих небесных поучений к одному лишь народу, которому говорила: «ты, о народ верных, стонешь под властью, часто тиранической, нечестивых или суеверных государей, поклоняющихся лживым богам; терпи спокойно твою тяжкую долю, считай все происходящее написанным в домостроительстве Божественного Провидения, оно бдит над тобой, и власть никогда не была бы в руках нечестивых правителей, если так не было бы предусмотрено Провидением тебе же на пользу. Ибо всякая власть происходит от Бога, Который всемогущ. Один лишь грех является злом, одна лишь добродетель есть благо. Заботься о ней, остальное же доверь заботе твоего Отца, Который на небесах. Когда Он усмотрит, что другой порядок вещей даст тебе больше заслуг для вечной жизни, тогда Он изменит внешнее, и ты будешь иметь посреди себя твоих правителей. Но пока чты тех, которые даны тебе, подчиняйся им во всем, что не противно Божьим законам, бейся и умирай за них, и делай это не за страх, но за совесть, то есть почитай в них того Бога, что свыше располагает всем человеческим».

Когда потом настало время обращения государей в веру, Церковь предлагала народу все ту же речь, но решила научить также и правителей. И поскольку Евангелие еще не проникло в сердца последних достаточно глубоко, но они постигли его лишь поверхностно, Церковь говорила к ним не публично, а частным образом. С одной стороны она говорила народу: «никогда не позволю тебе восстать против твоего государя, пусть даже трудно будет тебе понимать его. И если ты народ Христов, то должен исповедовать смирение, покорность и жертву». С другой стороны, — отводила правителей в сторону и тайно говорила им: «знайте, что вы всего лишь люди, а люди равны перед лицом Всевышнего. Вы будете осуждены Христом, как самый последний и ничтожный из ваших подданных, и даже строже, ибо написано: «строгому суду подвергнутся начальствующие». Знайте, что ваше положение страшно и нежелательно перед взором веры, что справедливость и братская любовь единственные пути, идя по которым, вы сможете избежать вечных мук и спасти ваши души, ибо вы не должны ценить и сердечно привязываться к величию, которым окружены, и которое после вашей смерти совершенно вас оставит. Вы волей Провидения поставлены над народом христианским не ради вашего, но ради его преимущества, ваше достоинство же есть служение, и чтобы сделаться выше других, вы должны стать ниже всех». Такими были величайшие и человечнейшие истины, которыми Церковь наполняла слух и пропитывала души правителей, когда те стали ее сынами. Они слушали их с почтением и удивленно обнаруживали новое благородство, которое не могло быть дано им ни властью, ни блеском короны, но одним лишь смирением креста Господнего. И что же? Эти истины проникли в сердца и победили: пришло их время, и почти на всех тронах Европы показались герои, которые воплотили в жизнь все евангельские добродетели в их совершенстве, и которые, одной рукой управляя правосудием и борясь за него, простирали другую на помощь бедным, — их новым возлюбленным братьям, — до того, что даже лично кормили и обслуживали их, видя в них Самого Христа, вселившегося в личность всех бедных, вплоть до того, что склонили свои царственные плечи под драгоценным грузом неимущих и немощных, оставленных на обочинах

дорог.

С тех пор Церковь таким образом обучила теории и практике Евангелия правителей не менее чем народ, более она не говорила с ними по отдельности: она как добрая мать призвала их вместе, и повела с ними следующую беседу: О, правители, чада мои, вы уже просвещены светом Евангелия; желаете ли быть во всем согласными с ним? — Да, желаем. — Хорошо, тогда напоминаю вам, что Евангелие говорит: не случай, но Бог Своим благосклонным промыслом поставил вас во главе Христианского народа, чтобы вы сохраняли его в мире, правили бы им справедливо, и в особенности защищали бы религию, наибольшее для него благо. Желаете ли вы иного? — Это справедливо. Мы не желаем иного, но положим всю нашу славу на справедливое и мирное управление народом Божиим, и на защиту Церкви, матери нашей. — Так поклянитесь во всем этом, поклянитесь передо мною и в присутствии народа. — Клянемся. — Но какую гарантию придаете вы вашей клятве? Разве не справедливо, чтобы народ имел доверие к вам как к образам Христа, если он получит какое либо свидетельство о надежности ваших нынешних обещаний, дабы никогда не случилось, чтобы христианским народом управляли неверные или непокорные Церкви государи? — Весьма разумно: пусть Бог пошлет всяческие бедствия на нашу голову, если мы нарушим клятву. — Стало быть, вы заявляете, что согласитесь сойти с трона, если отпадете от повиновения Церкви? Заявляете, что будете недостойны христианской короны, которая носящего ее соделывает викарием Христа, единого Царя вечности; и что поэтому вы будете довольны, если клятва верности не будет связывать ваших подданных с того часа, когда вы падете в такое нечестие? — Да, да, мы заявляем; мы довольны всем этим: признаем справедливым, чтобы чада Церкви были управляемы только другими преданными чадами той же Церкви, ибо если государь никто иной, как служитель Христа, обязанный трудиться на благо Своих верных, то он перестает быть таковым, как только восстает против Самого Христа. — Государи и подданные, мои возлюбленные чада, прикоснитесь вашими чистыми руками к этой священной книге Евангелия: пусть взаимные клятвы, которые вы сегодня заключаете, вечно пребывают в вашей памяти в качестве основных и неизменных законов христианского государства, они будут неисчерпаемыми источниками чистого счастья, пока с почтением будут соблюдаемы, — проклятие и горе тому, кто первым нарушит их.

Это не мечта: это реальнейший факт, это конституция христианских государств, родившаяся в средние века, в то время, когда евангельский дух пришел к власти и подчинил себе наиболее высокие вершины общества. Те государи, проникшиеся учением Христа, ощущали себя как никогда ревностными его служителями, и пожелали бы претерпеть все, прежде чем отречься от него. Поэтому, уверенные в себе, они не боялись произносить клятв, которые они находили такими справедливыми, такими человечными, что хотели связать ими, как счастливейшими обязательствами, и своих потомков. Чувство справедливости и любви по отношению к собственным народам, которых, омывшись вместе с ними водою одного и того же крещения, они считали своими братьями и почтенными и священными сущностями, вверенными их заботам Царем царей, подкрепленное ревностной верой, подавило гордыню и любовь к собственной власти. Ради славы этой веры, ради истинного блага народов, государи были весьма довольны оставить своим преемникам империю, менее *абсолютистскую* по форме но более благородную, ибо более справедливую и благочестивую, благословенную религией. Увеличив, таким образом, нравственное достоинство, а вместе с ним и твердость и могущество их скипетров, сгибающихся перед вечным законом любви и справедливости, только служение которому и имеет значение истинного царствования. Эта христианская конституция царства частично была написана, частично же оставалась неписаной, но принятой всеми, и не было ни государя, ни народа, которые предавали бы ее сомнению, ибо, будучи согласными друг с другом и проникнутыми верой, не имели причины для этого: общее благо всех заставляло трудиться для его сохранения. Иногда эта конституция сводилась к более частным и точным законам: таковыми были законы, принятые в Римской империи и Германском царстве. Мы видим это из фактов, происшедших с Генрихом.

96. Когда Генрих, которому угрожала свержение со стороны германских феодалов, собравшихся в Трире, пришел к папе в замок Каносса, умоляя освободить его от кары отлучения, то сообщил, что скоро истекал год с того дня, когда его отлучили, а потому настаивала необходимость, в которую его повергали «законы палатина», согласно которым, если король находился в отлучении от церковного причастия в течение одного года и одного дня, то объявлялся недостойным своего места, и свергается *ipso facto* со своего трона без права восстановления. Это обстоятельство подвигнуло великого понтифика предоставить отпущение, обманув его внешними признаками покаяния, которые сумел разыграть этот несчастный монарх. И подобно тому, как в Германии был установлен срок отлучения в один год и один день, чтобы

быть свергнутым с трона, также и в других христианских государствах было определено установлено заинтересованными сторонами, что ересь и неверность лишала царства, и клятва верности, данная подданными, была произнесена под условием, что государь должен был оставаться в пределах христианской католической веры.

97. После всего становится очевидным, что низложение христианского государя зависело от дела, решение которого принадлежало Церкви, ибо ей принадлежит решение вопросов веры и сохранение или изгнание из своего ложа христиан любого звания. Кроме этого, поскольку Церковь, будучи всеобщей матерью, посредством любовного соглашения сблизила и объединила правителей и народы, явив миру новое волнующее зрелище, когда те пожимали друг другу руки в знак братства, необходимо было, чтобы одна только Церковь, сохраняющая священный договор, также была и его истолковательницей, и в случае нарушения, прежде чем стороны на деле затребовали бы восстановление нарушенных прав, она объявила бы об их нарушении. Прежде чем были заключены эти христианские соглашения между народами и их начальниками, власть, как мы говорили, была абсолютной по божественному праву, ибо реальные факты принадлежат божественной справедливости как упорядоченные Провидением. В этом случае Церковь никогда не признает возможным случая, при котором христианские подданные имели бы право выйти из подчинения их правителю. Но когда сами правители, внимая голосу справедливости и любви, облагородили их короны, заставили их воссиять небесным светом, подчиняя их Евангелию, и возжелали зависеть от евангельских принципов, когда они возлюбили не господство над рабами, а служение Христу на благо свободным людям, когда они клятвенно обещали быть таковыми, и добровольно поддались счастливой необходимости стать почтительными чадами Церкви Иисуса Христа, то власть и правление стали, так сказать, подчиняться «церковно-человеческому праву», и Церковь признала существование случая, когда подданные могли быть освобождены от данной ими клятвы верности.

Но поскольку это изменение (*transmutazione*) общества не происходило внезапно, но, как мы сказали, неощутимо и незаметно для человеческого глаза, впервые предоставив Церкви возможность произнести такое важное суждение лишь во времена Григория VII, неудивительно, что поступок этого великого понтифика многим показался новым, из-за чего они усмотрели повод оклеветать это новшество. Но и те, кто клеветал, имели от него пользу, и Церковь намного раньше применяла санкции, основанные на тех же принципах народного христианского права, не встречая и малейшей оппозиции или удивленья с чей-либо стороны, ибо это были акты не строгости, а поощрения, и не были отмечены сильными и неотступными пороками.

98. Кроме того, те, кто противились политике Церкви в отношениях с Генрихом IV, в своих нескончаемых и язвительных речах пользуются тем аргументом, что общество надолго было переполнено злом, происшедшим из борьбы Церкви с империей. Прежде всего, я бы попросил их увидеть именно в этом зле одну из причин, в силу которых Церковь до времен Григория VII воздерживалась от таких крайностей, и более не пользоваться этой воздержанностью Церкви до XI, наиболее развращенного столетия, когда она не смогла более терпеть преступление, как аргументом против ее же юрисдикции. Затем я бы призвал их спокойно рассмотреть вопрос о том, «имел ли поступок Григория природу, способную с необходимостью обусловить все последующие бедствия».

99. Эта ужасная борьба не происходила уже между духовенством и империей, как обычно полагают, но была борьбой, происшедшей «именем духовенства и империи». Само духовенство разделилось на две части, одна из которых сражалась за Церковь и была Церковью, другая же сражалась за себя против Церкви, и облачалась в цвета рвеня за права империи. Аристократы, как и народ, согласно пребывали на стороне папы, но против папы были многие богатые и влиятельные епископы. Причина ясна: папа вовсе не объявлял войны королю, которого любил с отцовским чувством, и менее того, его короне или его правам, ни одно из которых он никогда не желал захватить. Но папа объявил войну духовенству, погрязшему в симонии и распущенности, ибо был убежден, что необходимо было даже ценой собственной крови искоренить пороки, настолько разросшиеся, что они сами грозили искоренить Церковь, если были сохранены далее. Устрашенные поэтом цельностью и святостью этого человека, Богом возвышенного на апостольскую кафедру, для того, чтобы освободить народ Израиля подобно другому Самсону, все развращенные священники и те, кто за высокую цену купил у Генриха епископство, сильные своими вотчинами и влиянием при государственных правительствах, восстали во взаимном согласии, заключили договор поразительный своей ненавистью к добродетели, — самой властной из страстей, — применили все ухищрения, какие только может посоветовать самая искусственная зловредность, и в знак единения возгласили девиз «всеобщего долга защищать

священные права своего господина». Но какие же права своего господина притязали защищать эти епископы? Может, право совершать симонию и бесстыдно покрывать конкубинат среди духовенства? Но какое же иное право короля Генриха было присовокуплено? Разве Григорий VII выразил когда-нибудь хоть малейшее притязание на какое-либо иное право короля? Разве он требовал чего-либо иного, кроме прекращения торговли епископскими местами, чтобы те не осквернялись недостойными лицами? Лишь для того, чтобы предотвратить полное и немедленное разрушение Церкви, которая, поскольку другие средства уже ничего не значили, а совращенный коварными увещеваниями нечестивых прелатов император становился все хуже, папа отлучил его.

Но не только совращенное духовенство столкнуло Генриха на дно стольких зол, оно лишь удержало его там и помешало окончанию борьбы. Это было естественным: война не может прекратиться, если не побежден враг, а единственным врагом была развращенность и продажность этого придворного духовенства.

Допустим, что Генрих прислушался бы к отеческим и справедливейшим речам главы Церкви, или что он, примирившись с папой в замке Каносса, не примкнул бы к нечестивым епископам, которые пользовались им как щитом для себя и для своих пороков, вовлекая его в свою древнюю непорядочность. Вся эта буря сразу же утихомирилась бы: король, без промедления освобожденный от наказания, остался бы в совершенном мире с Церковью, он сохранил бы за собой царство, а благочестивый понтифик, прижав его к груди со всем отеческим благоутробием, окропил бы его обильными слезами своей чистой радости. Но если война между государством и духовенством, так скоро окончилась бы в самом зародыше, как и соответствовало ее природе, что бы случилось с этими прелатами, погрязшими в симонии и блуде? Они хорошо понимали последствия окончания войны, чувствовали, что бы произошло с их пороками, с их дерзкой и безнравственной жизнью, с богатейшими и дорого купленными бенефициями, с их женщинами, с милостью их государя и раскаявшегося сообщника. Это все объясняет, и показывает более ясную, чем солнце, причину, из-за которой весь этот народ впал в отчаянье, прослышав о примирении Генриха с папой, и прибегнул к самым крайним средствам, чтобы повергнуть короля в грех и заставить его вновь порвать с понтификом и с Церковью.

100. Нужно ли другое доказательство тому, что не права империи были причиной этого злополучного и такого долгого противостояния? Вспомните, что случилось спустя полвека между Генрихом V и Пасхалием II. Этот бессмертный понтифик обнаружил способ выражения (*linguaggio*), святее и возвышеннее которого в устах любого другого папы из древности не было бы возможным сыскать: он показал своим поведением, что на Петровом престоле никогда не уничтожался апостольский дух, и что у вечного Евангелия Иисуса Христа нет ни вчера ни сегодня. Думаю, что я должен привести подлинные слова примирения с Генрихом V, предложенные этим великим папой, ибо они представляют собой светлый памятник, который свидетельствует, что в Церкви даже в самые бедственные века никогда не может угаснуть то сияние мысли, которое возвышает христианское священство над всеми преходящими высотами и богатствами мира сего, и содействует ему сильным посредством одного лишь слова Божьего. Этот отрывок из Пасхалия II может также показать, насколько великие понтифики познали ту правду, о которой мы непрестанно говорим, то есть о происхождении порабощения и продажности духовенства из вовлечения его в мирские дела. Одним словом, папа с беспримерным великодушием предлагает, чтобы духовенство отказалось от феодалов и от всего мирского величия, и чтобы взамен этой жертвы была ему возвращена вся его свобода, — великое предложение, исходя из того плачевного состояния, в которое была погружена Церковь, которое по достоинству еще не оценено писателями церковной истории. Ему еще предстоит воздать должное, и размышления потомков оценят его по достоинству, осветив его как одно из самых блестящих событий в истории Церкви. Однако такая возвышенность и красота предложения папы Пасхалия, достойная апостолов, содействовала ему в глазах современников странным и абсурдным: духовенство Германии, услышав его, ожесточилось, восстало против папы, и восстановила против него самого императора, хотя тот, со своей стороны, принял его и подкрепил клятвой. Иного и не следовало ожидать. Вот опять пример того, как прельщение духовенства земными богатствами, по крайней мере, третий раз помешало восстановлению мира между священством и империей, а империя вышла из повиновения Церкви, чтобы повиноваться и служить овевяшему ее дымом тщетной лести растленному духовенству, которое, не имея никогда достаточного достоинства и свободы, тем не менее, всегда оказывается способным завладеть ею. Следовательно, империя лишь чистый повод, добавочное условие в великой битве: растленное духовенство искусно достигает привлечения империи на свою сторону, и борется ради себя самого, прикрываясь именем прав империи, и ее руками. Но послушаем Пасхалия.

Он пишет императору следующим образом: «определено установлениями божественного Закона, и запрещено священными правилами, чтобы священники занимались мирскими заботами, или пребывали бы при дворе, если только не заступаются за осужденных и за тех, кому причинена несправедливость. Но в пределах Вашего царства епископы и аббаты настолько заняты мирскими заботами, что не могут избежать постоянного посещения двора и совершать военную службу. Служители алтаря стали государственными служащими, получив от монарха города, герцогства, графства, монетные дворы, замки и другие богатства, потребные для служения царству. Отсюда утвердился в Церкви обычай, чтобы избранные епископы не получали рукоположения, прежде чем от руки монарха не были бы облачены инвеститурой. Иногда инвеститурой облакаются и другие, хотя еще живы епископы. Этим злом, и еще другими бедствиями без числа, часто случавшимися по причине инвеститур, были охвачены наши приснопамятные предшественники Григорий VII и Урбан II, которые, созывая частые соборы епископов, осудили эти созданные рукою мирян инвеституры. И если бы имелись духовные лица, которые такими средствами содержали бы Церковь, они должны были бы оставить свои места, а тех, кто облек их инвеститурой, должно было бы отлучить в силу апостольского правила, которое гласит: «если епископ, употребляя мирскую власть, примет во владение Церковь, должен быть извержен, так же и те, кто находится с ним в общении». По этой причине мы повелеваем, чтобы вернулись в тебе, о король Генрих, дражайший наш сын, и государству те монаршие права, которые явно принадлежали государству во времена Карла, Людовика, Оттона и других государей, твоих предшественников. Мы запрещаем под страхом анафемы, чтобы впредь никто из сущих и будущих епископов и аббатов получали королевские права, то есть города, герцогства, маркизаты, графства, монетные дворы, права на налоги, адвокатуры, права на центурии и королевские суды со всем отсюда исходящим, вооруженные отряды и замки. — Постановляем также, чтобы Церкви оставались свободными с их имуществом и наследными владениями, которые никогда не принадлежали королю, как и ты обещал в день твоей коронации всемогущему Господу перед лицом всей Церкви».

Разве это речь узурпатора? Такое великодушие, такое пожертвование долей земной власти, которой Церковь владела законно, благодаря ее вековым заслугам перед государством разве может служить доказательством папских амбиций или алчности?! Какое же воздаяние требуется от светской власти за отказ Церкви от таких широких прав? Разве таится здесь какая-нибудь подспудная цель? Разве это политическая игра Римской курии? Пусть Бог и Рим будут судьями тому, кто так думает. Папы не просят у монархов ничего кроме СВОБОДЫ для Церкви, угнетенной до последнего предела. Смею сказать, что папы никогда и не просили иного — на этом кончается их гордыня и алчность. Но, к сожалению, именно это свободное существование Церкви вызывает неудовольствие, а то, что папы добиваются и требуют его, составляет их единственный непростительный грех в этой борьбе. Поэтому мир полнится криками: «оскорбление величию тронов! Горделивое покушение на их права!» Таков дух несправедливости и глубокой лжи, который руководил выступлениями против римских понтификов, и, можно сказать, печатным словом прошлого века. Такова неприкрытая причина преувеличенного рвения за достоинство монархов во времена, когда делается все, чтобы стереть их с лица земли!! Неужели сами монархи этого не замечают???

Фульберт Картолезский пишет о Франке, канцлере короля Роберта, что тот был поставлен епископом *eligente Clero, suffragante populo, dono regis* * [по избранию духовенства, совету народа и королевскому дарованию]. Как я говорил выше, эта фраза уже употреблялась всеми, и совершенно не принималась во внимание ее неточность. Та из формул Маркольфа, которая содержит предписание короля и о которой мы упоминали, следующим образом обращается к назначенному епископу: «*pontificalem in Dei nominem commisimus dignitatem*» * [именем Божиим присваиваем архиерейское достоинство]. Эта манера выражаться нуждается в объяснении, и ревностный защитник королевских прав присовокупляет следующее объяснение: «*quod saniori sensu et magis canonico intelligi non potest quam de regiorm jurum et feudorum investitura et concessione quae Clodoveus rex Ecclesis mano liberali contulerat*». Св. Григорий Турский говорит о Котэне, епископе Авернском: «*tunc jussu regis traditis ei clericis et omnibus quae hi de rebus Ecclesiae exhibuerant*» * [затем по приказанию короля ему были переданы те клирики и все то, что они принесли из церковного имущества]. Хлотарь II в своем эдикте, в котором он вносит поправку в правило V Парижского собора, пишет: «*ut si persona condigna fuerit, per ordinationem principis ordinetur*». Такие выражения на каждом шагу встречаются в писаниях того времени.

Вот каким образом был смягчен *Praeceptum de Episcopatu* франкских королей, согласно формуле, сохраненной Маркольфом: *Cognovimus antistitem illum ab hac luce migrasse, ob cujus successorem sollicitudinem congruam una cum Pontificibus (vel proceribus nostris) plenius tractantes, decrevimus illustri viro illi Pontificalem in ipsa urbe committere dignitatem.*

Великий понтифик Адриан I предупредил Карла Великого о своем долге сохранять свободу епископских выборов, и великий человек принял предупреждение от главы Церкви с той покорностью, которая гораздо более сопротивления и неповиновения показывает величие души христианских государей. Более того, в своих капитуляриях 803 года (гл. 2), король санкционировал эту свободу: «не будучи несведущими в священных канонах, мы дали свое согласие на церковный порядок (чтобы святая Церковь более надежно владела своим достоинством), в соответствии с которым епископы должны избираться их диоцезом, при участии духовенства и народа, как предписывается священными канонами, исключая любое лицепрятие и подарки, по одним жизненным заслугам и дару мудрости, так, чтобы они со всех сторон могли бы приносить пользу своим подданным словом и примером». В 806 году Людовик Святой подтвердил закон Карла Великого в капитулярии, опубликованном после собора.

В XI веке узурпация достигла вершины. Чтобы не продолжать до бесконечности, достаточно привести пример общения двух епископов Кентерберийских, Ланфранка и св. Ансельма с двумя королями Англии, Вильгельмом I и Вильгельмом II. Когда поставленный королем Вильгельмом I епископ Ланфранк требовал блага, которыми пользовались его предшественники, король гордо ответил: «*se velle omnes baculos pastorales Angliae in manu sua tenere*». Историк, рассказывающий об этом происшествии, говорит, что прелат, услышав подобный ответ, остался в изумлении и из осторожности замолк, чтобы король не навлек больших зол на Церковь. Не менее показательно для тогдашнего состояния Церкви то, что произошло между преемником Ланфранка, св. Ансельмом, и королем Вильгельмом II. Историк Эадмер рассказывает, что когда Вильгельм оставил церкви и аббатства без пастырей, чтобы пользоваться доходами, от вакантных церковных мест, Ансельм в качестве примаса посчитал за долг заметить королю, что недостаток прелатов ведет за собой великие бедствия для Церкви, и смиренно просить его прекратить эту практику, которая обращалась во зло для его собственной души. Историк сообщает, что прослушав эту речь святого архиепископа, *non potuit amplius spiritum suum Rex cohibere, sed oppido turbatus cum iracundia dixit: «quid ad te? numquid Abbatiae non sunt meae? Hem, tu quod vis agis de villis tuis, et ego non agam quod volo de Abbatibus meis?»*. На это добрый прелат не смог сдержаться, и сказал королю, что церковное имущество принадлежит ему лишь поскольку он должен сохранять и защищать его, а в остальном является собственностью Бога и предназначено для поддержания Его служителей. Оскорбленный король ответил: «*Pro certo noveris, mihi valde contraria esse quae dicis. Non enim Antecessor tuus auferet ullatenus patri meo dicere: et nihil faciam pro te*». До такой степени уменьшилась свобода Церкви в те времена! До такой степени возросла гордыня и высокомерие светской власти!

Церковь всегда проявляла отвращение в такой зависимости, и борьба Церкви, стремящейся к свободе действия, с секулярной властью, которая желала подчинить ее себе, непрерывна на протяжении всей истории. Следовательно, часто происходили противоречия по причине выборов, произведенных без королевского согласия. Ричард I (около 1190 года) в письме к епископу Лондона жалуется на выборы, произведенные без заблаговременной консультации с ним: «*Quod si ita est, regiam majestatem nostram non modicum esse offensam*»; и заявляет: «*Non enim aliqua ratione sustineremus quod a praefatis monachis vel ab aliis quidquam cum detrimento honoris nostri in electione Episcopi fierit: et si forte factum esset, quin in irritum recoveretur*». Достижения светской власти в захвате прав Церкви и притеснения ее свободы во времена Ричарда I были невероятны, и все более ослабляли сопротивление со стороны Церкви, которая погибла бы, если бы не Бог, вечно заботящийся о ее сохранении, не призвал бы пап, наделенных сверхчеловеческой силой и великодушием, которые снова освободили ее. Что бы сказала Церковь в свои лучшие дни, если бы светские государи притязали на то, чтобы, избирая своих пастырей она должна была бы зависеть от них, и при каждом новом избрании епископа, умолять о позволении? Что бы сказали Амвросии или Златоусты, услышав, что сын Церкви хочет связать руки собственной матери, и позволять ей действовать только подобно тому, как действует рабыня лишь по воле своего хозяина? С какой благородным и святым достоинством ответили бы они на подобные притязания, поддерживая права Невесты Христовой? Еще в X веке на Востоке Церковь ощущала всю недостойность того притеснения, которое навлекалось на нее. Кедрен

рассказывает, что Никифор Фока запретил проведение епископских выборов без его позволения, и хотя этот император был запятнан многими преступлениями, историк считает, что этот закон, который ставил выборы пастырей в зависимость от его воли, величайшим из его нечестий: «*Id omnium gravissimum, –* говорит он, – *quod legem tulit, cui est episcopi quidam leves atque adulatores* (вот где залегает корень зла!) *subscripserunt, ne absque imperatoris sententia ac permisso Episcopus vel elegeretur vel ordinaretur*». После того, как Фоке наследовал престол Иоанн Цимисхий, патриарх Константинопольской Церкви, Полиевкт, всей своей священнической грудью заградил ему дорогу, не позволив войти в общество верных, и отказался венчать его на царство прежде чем тот не покаялся бы в своих преступлениях и не отменил бы разрушающий церковную свободу закон Никифора. Император удовлетворил этому требованию, отменив этот закон при всем народе.

Среди формул Макрольфа есть одна, озаглавленная *Praeceptum de Clericatu*, которая представляет собой необходимое позволение, выдаваемое королем желающим принять духовный сан. Оно, как видно, именуется предписанием, ибо все, что исходит из королевских уст, должно быть предписанием, как утверждает привычная для льстецов ложь. Если бы я имел право советовать государям, то просил бы их развеять всю лживость придворного словаря, и основать свою власть на твердыне истины. Как же тогда укрепились бы и освятились бы их троны! Но кто не усмехнется при этих словах? Между прочим, епископы иногда рукополагали священников, не заботясь о королевском позволении. Среди писем Герберта есть одно, принадлежащее архиепископу Реймскому, в котором он говорит, что на него «наложили пеню за преступление против королевского величества, за то, что он без позволения возводил в церковное достоинство».

Также и французские короли желали, чтобы от их власти зависела возможность верных христиан выходить из мира и посвящать себя Богу. Однако же, Инкмар в письме Карлу Лысому пишет, что такой закон никогда не был принят в Церкви.

См. Nat. Alessandro, In saec. XIII et XIV, Dissert. VIII, art. I.

Эти блага, как считается, пользовались большим покровительством и защитой: но разве светская власть была установлена не для того, чтобы одинаково защищать любую собственность?

Термин «бенефиция» (милость, благодеяние), до сих пор повсеместно распространенный в Церкви, ведет свое происхождение сначала от военных, а потом и от церковных бенефиций, которые предоставлялись монархами новых средневековых царств. Этот термин напоминает о продаже духовенством своей свободы государю в обмен на богатство.

Церковь не молчала: она пыталась защитить себя против такой узурпации. Но что же она противопоставляла оружию? Она не имела ничего кроме разума, авторитета и *канонических правил*. Вот некоторые из них:

Великий Халкидонский вселенский собор уже в 451 году принял следующее правило: *Redditus vero viduatae Ecclesiae integros reservari apud oeconomum ejusdem Ecclesiae placuit*.

Регийский собор 493 года в 6 правиле заявляет:

Испанские соборы в Валенсии и Илере 524 и 525 годов подтверждают правило Халкидонского собора.

Принятое на Втором Орлеанском соборе в 533 году правило 6 гласит, что при кончине епископа соседний епископ, приехавший совершить погребение, должен собрать священников, провести точную опись имущества данной церкви и доверить его сохранение верным и умным людям, как постановил и Регийский собор.

Седьмое правило Пятого Парижского собора 614 года постановляет, что никто не должен касаться имущества епископа или иного духовного лица в случае смерти последних, даже если в дело вмешивается regio precetto (королевское предписание). Все это постановляется под страхом отлучения, и с требованием, чтобы *ab Archidiacono vel Clero in omnibus defensentur et conserventur*.

Знаменитый Инкмар, архиепископ Реймский, так писал в IX веке епископам и начальникам своей области (ep. IX): *et sicut Episcopus et suas et ecclesiasticas facultates sub debita discretionem in vita sua dispensandi habet potestatem, ita facultates Ecclesiae viduatae post mortem Episcopi penes oeconomum integrae conservari jubentur futuro successori ejus Episcopo; quoniam res et facultates ecclesiasticae non imperatorum atque regum potestate sunt ad dispensandum vel invadendum, sed ad*

defensandum atque tuendum. То же самое этот епископ пишет и лично королю Карлу Лысому в 29-м письме, и то же самое повторяет он в других письмах, например, в 21-м и в 45-м. Другой знаменитый епископ Реймский, Герберт, тот самый, который позже стал папой Сильвестром II, утверждает то же учение в своем 118-м послании, адресованном духовенству и народу. И поскольку эти законы многократно повторялись и утверждались в Церкви, государи до IX столетия не могли налагать руку на церковное имущество без риска подпасть под общественное презрение. В пример этому *Annali Bertiniani* от 882 года упоминают как о преступлении о том, что император Карл Толстый дал во владение Угоне, сыну Лотария Младшего, имущество церкви города Метц, которое, – говорят *Анналы*, – согласно священным законам, предназначалось будущему епископу.

То, что десятина была узурпирована светской властью, считалась феодалом и в качестве феодала давалась в пользование государями и самими епископами и ректорами церквей, достаточно хорошо известно, ибо отражено в каноническом праве.

Собор 845 года в Метце с апостольской свободой обратился к Карлу Лысому, который практиковал подобный же деспотизм над Церковью, предоставляя церковное имущество мирянам, «из-за чего происходило, что вопреки всякому авторитету, постановлениям отцов Церкви и обычаю христианской религии миряне председательствовали, как хозяева, в регулярных монастырях посредством священников и других лиц духовного звания, и, как если бы они были аббатами, решали вопросы их жизни и общения, судили их и духовно окормляли их не только в отсутствие, но и без ведома епископа». См. правила 10 и 42 указанного собора. Поэтому отцы собора объявили «*ut praecepta illicita jure beneficiario de rebus ecclesiasticis facta a Vobis* (обращаются к Карлу Лысому) *sine dilatione rescindatur, et ut de caetero ne fiant, a dignitate Vestri nominis regii caveatur*» (правило 8). Они указывают королю на недостойность разрывания одежд Христа, чего не делали даже распявшие Его воины: «*Ante oculos reducentes tunicam Christi, qui vos elegit et exaltavit, quam nec milites ausi fuerunt scindere, tempore vestro quantocitius reconsuete et resarcite: et nec violenta ablatione, nec illicitorum praeceptorum confirmatione res ab Ecclesiis vobis ad tuendum et defensandum ac propagandum commissis aufervobis, fautore Deo, dimiserunt, redintegrate, praecepta regalia earumdem Ecclesiarum conservate et confirmate*» (правило 2). На этом же соборе можно заметить, что различается имущество, данное Церкви в полное и свободное владение, от имущества, имеющего характер феодала, и ставится в упрек королю предоставление мирянам церковного имущества первого рода.

Вот что говорится в «*Notitia de Villa Novilliaco*» * [*«Справке о вилле Новиллиако»*], которая дается в приложении к «*Истории*» Флодоарда:

Посмотрим, какое вырождение слышится в словах епископа Артуриха, приведенных Эльмольдом в «*Cronico Slavogum*», и это будет достаточным, чтобы понять, насколько образ мыслей служителей Всемогушего был раздавлен под тяжестью земных преимуществ. «Инвеститура епископов, – говорит этот прелат, – является делом одного лишь императорского достоинства, ибо одна она сиятельна и после Бога среди сынов человеческих самая великая» (епископ, который заявляет, что императорская власть самая великая после Божьей! Он не помнит более, что любой мирской владыка в Церкви является лишь простым мирянином, одним из ее сынов!), «она приобрела эту честь с большим прибытком». (И речи не может идти о *чести*, ибо распределять епископские места – тяжелейший долг, священное и неизменное право Церкви. Может ли Церковь продать это право? Могут ли земные государи купить его с помощью земных благ? Чего иного желал Симон волхв?); «не с тщетной беспечностью называли себя достойнейшие императоры сеньорами епископов». (епископ, хвалящий земных владык за то, что они называли себя *сеньорами епископов!!!*). «Но компенсировали этот ущерб» (это, стало быть ущерб?) «несметными богатствами их царств» (свободу Церкви можно компенсировать земными богатствами? А можно ли отбросить то единственное богатство оставленное Церкви Христом, чтобы подобрать те богатства, которые способны дать мирские владыки?). «И пусть Церковь ныне не считает себя униженной из-за того, что несколько подчиняется, и пусть не стыдится склоняться перед одним, чтобы получить возможность господствовать над многими» (вот прекрасный совет, действительно достойный преемника апостолов! Церковь не ищет *господства* над людьми, но их *спасения*. Первое происходит посредством земных богатств, тогда как второе совершается силой слова Божия и Духом Святым. Если Церковь была бы служанкой

одного человека, пусть даже с его помощью господствовала бы над всеми остальными, ее с того часа отверг бы Христос).

«Cum ministerium suae potestatis in hujusmodi negotium peragendo adjungere debeat, non praeferre» – Это и есть истинная идея о том, что могут сделать мирские начальники на благо Церкви: не представлять законодателями, а помогать тому, чтобы законы и распоряжения Церкви были бы исполнены согласно ее воле, и никак не иначе.

Это не произошло сразу. Оттон I был государем религиозным и благочестивым, третьим после великих Альфреда и Карла. О нем сообщается много фактов, которые доказывают его почтение к Церкви и ее авторитету. Одному графу, просившему у него имущество одного монастыря на содержание воинов, он гневно ответил, что «предоставлением церковного имущества мирянину он бы нарушил заповедь Христа: «не отдавайте святыни псам»». Он принес много пользы Римской церкви, санкционировал свободу выборов великого понтифика. Следовательно, не Оттон подавил церковную свободу, но она сама потухла в следствие более сильной власти, которую Оттон завещал своим преемникам, которые не были праведными, как он, и не отличались столь широким и великодушным образом мыслей. Скажу больше: другим обстоятельством, подготовившим разрушение церковной свободы в первой половине XI века, было религиозное рвение великих государей, в особенности же Первого и Третьего Оттонов, и святейшего императора Генриха, которые наложили руки на Церковь с искренним желанием быть ей полезными. Церковь же, заметив происходившие из этого преимущества, не воспротивилась. Из этого, однако, получилось, что преемники этих государей получили возможность распоряжаться церковными делами, которую они использовали для угождения собственным страстям.

Такие мнения в изобилии производились имперскими льстецами. Святой епископ Лукки решился опровергнуть их посредством нарочно составленного сочинения, благородного и искреннего, где слышится весь голос древности, который, как я уже неоднократно говорил, никогда не умолкал в святой Церкви. Вот аргумент из предисловия ко Второй книге: *«optulante Domini nostri clementa, qui nos et sermones nostros suo mirabili nutu regit atque disponit, accingimur respondere his qui dicunt, regali potestati Christi Ecclesiam subjacere, ut ei pro suo libito, vel prece, vel pretio, vel gratis, licat Pastores imponere, ejusdem possessiones vel in sua vel in cujus libuerit jura transferre»*. Этот ответ святого епископа исполнен эрудиции и силы.

* [Папа Александр II, итальянец Ансельмо из Баджо, вступивший на престол 1. X. 1061, умер 21. IV. 1073. Через день после его смерти был избран папой Григорием VII был избран тосканец Гильдебранд].

И все же в 1073 году, незадолго до смерти, святой понтифик призвал Генриха в Рим для ответа перед Церковью за преступления, в которых обвиняли его саксонцы. По этой причине Григорий VII, взошедши на апостольский престол, нашел дело уже открытым, ибо его предшественник приложил все силы, чтобы положить конец нарушившимся на Церковь бедствиям, отменить симонию на выборах и восстановить их свободу.

Слова современников никогда не лишены интереса. И поэтому я забочусь оправдать все, что говорю, посредством их свидетельств по вопросу настолько искаженному и запутанному историками. Вот как рассказывает Мариан Скотт об этом событии: «Он не утратил (говорит об императоре Генрихе), осквернить и затемнить единственную и возлюбленную Невесту Христову посредством блудников, то есть еретиков, соделав продажными, по примеру Симона волхва, священные духовные обряды Церкви, безвозмездные дары Духа Святого, посредством нечестивых и противных католической вере договоров. Пастыри Церкви того времени, видя и слыша эти и другие подобные нечестия короля Генриха, имея в душе Божию ревность о доме израилевом, подобно пророку Илие, стеная и плача, как в письмах, так и непосредственно жаловались Александру, Римскому епископу, об этих и других бесчисленных поступках, содеянных в тевтонском королевстве нечестивыми еретиками, предавшимися симонии, над которыми хозяин и покровитель – король Генрих. Но когда скончался апостольский владыка Александр, то на апостольский престол взошел Григорий, именующийся также Гильдебрандом, бывший монахом. Этот, услышав сетования и жалобы католиков на короля Генриха, видя нестерпимость его

прегрешений, воспламененный ревностью по Боге, провозгласил упомянутого короля отлученным за грех симонии». Современные писатели согласно друг с другом описывают Генриха как преданного всякому роду распутства, как в его личных нравах, так и в смысле его жестокости к подданным, и нечестия по отношению к Церкви. Но по той же причине он находит защиту у писателей прошлого века! И Григорий, праведный и великодушный Григорий, который рискует своим покоем и жизнью, чтобы осадить зверского тирана, защитить подавленный народ, спасти погибающее без скорой и надежной помощи христианство, он заслуживает одно лишь презрение и ненависть всего человечества! Но слава Небу, которое подвигает самих протестантов к признанию в Григории VII истинного защитника рода человеческого, демиурга современной цивилизации! (См. сочинение, опубликованное на немецком языке под заглавием «Гильдебранд и его век»). Хотя время Григория останется предметом глубоких размышлений для будущих веков.

Ер. II, Lib. IX.

Такое учение о публичном праве было распространено в те времена среди христиан, и никто его не оспаривал. Короли были по-настоящему конституционными, хотя термин не был еще изобретен. Собор изрекал свои решения подразумевая этот смысл. Вот решение собора, как его доносит до нас автор «Жития Григория VII». Он рассказывает, что после того, как понтифик сообщил отцам тяжкие обстоятельства дела, они воскликнули: *«tua, sanctissime Pater, censura, quem ad regendum nostri temporis saeculum divina peperit clementia, contra blasphemum, invasorem, tyrannum, desertorem, talem sententiam proferat, quae hunc conterat, et futuris saeculis transgressionis cautelam conferat. – Tandem omnibus acclamantibus definitum est, ut quam omnes assentanei sui colligarentur. Accepta itaque fiducia, Dominus Papa, ex totius synodi consensu, et iudicio, protulit Anathema»*.

Граф Жозеф Де Местр * [в его произведении «О папе»].

Вот слова Ламберта Скафнабургского (около 1076 года): *Ut si ante hanc diem excommunicatione non absolvatur, deinceps juxta palatinas leges indignus regio honore habeatur, nec ultra pro asserenda innocentia sua audientiam mereatur: proinde enixe potere, ut solo interim anathemate absolvatur etc.* Что из себя представляют эти палатинские законы, если не настоящую конституцию?

Генрих признал это условие, сопряженное с царством христианских государей, происходящим из церковной традиции также и в письме, адресованном Григорию VII, в которой говорит следующее: *«Me quoque, licet indignus inter Christianus sum, ad regnum vocatus, te teste, quem sanctorum Patrum traditio soli Deo iudicandum docuit, nec pro aliquo crimine nisi a fide (quod absit) exorbitaverim, deponendum asseruit»*.

Св. Фома, писатель, толковавший церковную традицию наиболее глубоко и надежно любого другого, чьи решения приняты за голос самой Церкви, считает, что этот «основной закон» христианских государств, согласно которому католический король должен был немедленно быть низвергнут, если становился еретиком, происходит из самого устройства Церкви, основанной Иисусом Христом, а не только из выраженного или подразумеваемого соглашения между государями и христианскими народами при посредничестве Церкви. Однако верно, что пока на деле не последовало такое соглашение, пока эта идея не была принята за добрую и справедливую мнением как народов, так и правителей, то не настало еще время, когда руководители Церкви смогли бы распространить это свое право на верующих христиан. Это обстоятельство не считали достаточным те, кто удивлялся, не находя в первых веках церковной истории примера такой власти, и поэтому считал ее злоупотреблением. Сначала Церковь должна была преобразить человеческую личность, потом должна была преобразить общество, и только преобразив последнее, могла употребить по отношению к нему продиктованные христианством законы.

Это понимается в том смысле, в котором говорит св. Павел: . Поэтому св. Фома ясно говорит, что против божественного права выходить из подчинения неверному правителю: *Est ergo contra jus divinum prohibere quod ejus iudicio non stetur, si sit infidelis*. Но если властелин является христианином, то учитель Церкви признает существования обстоятельств, когда подданные церковным авторитетом могут быть освобождены от клятвы верности. – *Et ideo quam cito aliquis per*

sententiam denuntiatur excommunicatus propter apostasiam a fide, ipso facto ejus subditi sunt absoluti a dominio ejus et juramento fidelitatis, quo ei tenebatur.

Сам Генрих в письме к папе, говоря об Юлиане Отступнике, пишет не о недостатке власти, а об осторожности Церкви, не свергнувшей его. *Cum etiam Julianum Apostatam prudentia sanctorum Episcoporum non sibi, sed soli Deo deponendum commiserit.* Таковым был совершенно естественный образ мыслей во времена Генриха. Как же изменился этот образ мыслей среди христиан? Откуда происходят новейшие мнения о христианском публичном праве? Вот весьма важный вопрос.

Немецкие князья донесли до папы дело Генриха. Не только Саксонцы, как утверждают некоторые новейшие историки, но и Швабы, и другие народы, как о том повествует Брунон в «Истории Саксонской войны».

Вот как объясняет Уго Флавинианский истинную причину борьбы между духовенством и империей: “Ob hanc igitur causam, quia scilicet sanctam Dei Ecclesiam castam esse valebat (Gregorius), liberam atque catholicam, quia de sanctuario Dei simoniacam, et Neophytorum haeresiam, et faedam libidinosae contagionis pollutionem volebat expellere; membra diaboli coeperunt in eum insurgere, et usque ad sanguinem praesumpserunt in eum manus injicere, et ut eum morte vel exilio confuderent, multis eum modis canati sunt dejicere. Sic surrexit inter regnum et Sacerdotium contentio, ac crevit solito gravior sanctae Dei Ecclesiae trimulatio (In Chron. Virdunensi)”. * [Бенедектинец Уго Вердунский, аббат из Флавиньи († около 1115), является автором Хроник своего родного города Вердун. Данный фрагмент взят из PL 154, 293 – Galantino, 1997, p. 267]. Все епископы, которые были на стороне императора и склоняли его дух против предупреждений со стороны папы, уже ранее были отлучены по причине симонии, ереси, недостойного поведения или иных преступлений. Это были епископы, которым сам Генрих продал церковные бенефиции. Какое сердце нужно было папе, чтобы править и реформировать Церковь с таким духовенством! Тем более, что и светская власть была вовлечена в подобные же пороки, и развращена потворством самого духовенства!

И не только насилие, но также искусство клеветы, софизмов и всякого рода утонченной лжи было брошено против Григория VII духовными лицами, преступления которых он желал исправить, и которые окружали Генриха, облачившись его помощниками, советниками и министрами. Архиепископ Равенны Гиберт, который потом стал антипапой, не постеснялся подделывать декрет папы Николая II и распространить его с целью заставить верить, что выборы пап целиком были отданы в руки императора. Таким образом он ввел в заблуждение много народа, запутал вопрос, вызвал желания: вот истинные авторы смуты!

С ранней молодости Генриха окружали по преимуществу самые развратные прелаты, а св. Аннон и другие достойные люди вынуждены были удалиться от него, ибо не были льстецами и помощниками его злых наклонностей. Брунон в «Истории Саксонской войны» приписывает вину за падение Генриха на дно всех зол его близости с Бременским епископом Адальбертом * [† 1072].

Когда Генрих получил от Григория VII в замке Каносса освобождение от отлучения, епископы из его партии были разочарованы при виде того, что император оставил их дело. Роберт Бамбергский, Ульдабрих Кострейнский и другие главные советчики его нечестия, которым папа, освобождая короля, поставил условие удалиться от двора и от царствующей особы, вместе с другими ломбардскими епископами того же пошиба подняли большой шум, угрожая восстанием, по причине рвения, как они утверждали, за королевское достоинство, обесчещенное Генрихом, который так унизился, представ перед понтификом. Они сумели, наконец, заново отвести Генриха от его добрых намерений и вынудить его вновь обратиться на свою блевотину. Логика этих прелатов была исключительной! Королевское достоинство было оскорблено, потому что позволило исправить собственные пороки папе: поэтому они и намеревались наказать короля и к тому же посредством факта!

* [Пасхалий II, итальянец из окрестностей Равенны, был папой с 14. VIII. 1099 по 21. I. 1118].

Вот истинное происхождение инвеституры: феодалы.

Другие обвиняют великодушного понтифика в том, что он тем самым недостаточно поддержал права Церкви, оставив вожделинию других ее земное имущество. Пусть мне простится одно наблюдение по этому поводу, которое я смею предложить суду тех, кто видит лучше меня. Кажется мне, что богатство и земная власть, появившиеся в среде духовенства, не только произвели в одной его части явное развращение, но также породили общее избыточное упование на человеческие средства в деле религии. Предполагаю поэтому, что в других случаях эти богатства защищались слишком сильно, как я лучше объясню впоследствии. И поскольку согласно церковному духу древности «лучше отказаться от имущества в том случае, когда усилия против его утраты влекут за собой опасность худшего духовного зла», то земные блага не являются для Церкви абсолютной необходимостью, равной ее свободе и святости, а значит, и не заслуживают абсолютной и безусловной защиты.

Кто хочет убедиться, насколько бескорыстными были чувства святого Августина не только по отношению к собственной личности, но и к благу его церкви, пусть прочтет проповеди, с которыми он обращался к своему народу, в особенности же 316-ю [355]. В ней он между прочим говорит: «кто хочет лишить имущества своих детей, для того чтобы оставить его Церкви, пусть поищет другого и пусть не Августин примет от него этот дар». Эти слова доказывают, что такое чувство было обычно для епископов того времени. И далее: «как не хвалить дела Аврелия, епископа Карфагенского! Один человек, не имеющий детей и не надеющийся их иметь, завещал Церкви свое имущество, сохранив за собой право пользоваться им. У него родились-таки дети, и епископ возвратил ему все завещанное, когда тот уже не ждал этого. Мог и не возвращать согласно мирскому, но не Божьему суду» * [Serm. 355; PL 39, 1572].

С равным великодушием пишет св. Амвросий: “Quid igitur non humiliter responsum a nobis est? Si tributum petit (imperator) non negamus. Agri Ecclesiae solvunt tributum: si agros desiderat imperator, potestatem habet vindicandorum, nemo nostrum intervenit”. De Basilicis tradendis, n. 33 [PL 16, 1060].

По поводу податей скажут, что иногда слишком много заботы проявлялось для освобождения от податей в пользу церковного имущества. Эта привилегия, когда церковных богатств много, содержит в себе нечто весьма одиозное и несправедливое. Смеем сказать больше: она скорее вредила Церкви, чем доставляло ей преимущество даже в мирском смысле: именно эта привилегия стала причиной изобретения ужасного термина «мертвые руки».

Справедливым решением было следующее: «чтобы государство отказалось от королевских податей с тех имений, которые не являются первичными и истинными феодалами, а церковное имущество облагалось бы налогом, как все прочие».

Пасхалий II хорошо знал, что увещевания злонамеренных усложняли дело, и поэтому так писал королю Англии: «оказавшись посреди этих противоречий, о, государь, не впускай себе в душу ни одно из нечестивых сомнений, будто мы желаем как-то умалить твое величие, или добиться для себя большего влияния на поставление епископов. Более того, ради любви к Богу оставь свои притязания, которые явно противны Его воле, ибо, будучи на стороне Бога, ты не можешь осуществлять их, а мы, ради твоего и нашего спасения, не можем тебе позволить этого. Ибо о чем бы ты ни попросил нас, если мы можем того Бога ради допустить, то мы доставим тебе это с превеликим удовольствием, и станем тебе помогать во всем, что приумножит твое достоинство и будет способствовать твоему возвышению. Не думай, что ослабнет ось твоей власти, если ты отречешься от этой нечестивой узурпации. Напротив, ты будешь править с большей мощью, ибо в царстве твоем воцарится божественный авторитет» * [Pascalis II, *Epistolae et Privilegia*; PL 163, 70-72]. Эти последние слова Пасхалия прекрасны и замечательны еще и потому, что указывают на факт, замеченный одним глубоким современным мыслителем, а именно, «что папы, хотя и сопротивлялись правителям, когда последние желали подавить Церковь, все же никогда не умаляли их авторитета. Более того, их подчинение церковному авторитету придало нечто священное, почти отражение божественного света их правлению». Слова Пасхалия к королю Англии говорят именно об этом. К ним можно добавить, что царствовать должен лишь тот, кто служит Богу, справедливости и истине!

101. Утверждение, которое я поддерживаю, а именно — «так называемая борьба между духовенством и империей не была ничем иным как борьбой между развращенным духовенством, отвергающим реформы, и Церковью, которая хотела его реформировать» — все более

освещается и проясняется с каждым шагом вперед по истории этого противостояния: достаточно наугад открыть любого из хронистов того времени, независимо от его партийной принадлежности и убеждений, на какой бы странице не остановился бы наш взгляд, я уверен, что он тотчас встретится с очевидными доказательствами утверждаемой мною истины. Это заставляет удивляться нерадивости нынешних историков, которая мешает им заметить настолько явную истину, записанную слезами и кровью в каждом памятнике того времени. Бесплезны другие доказательства, когда доказательством является сама история. Но эта нерадивость философствующих писателей побуждает меня добавить еще один факт, который, несмотря на свою неоспоримую истинность, так был погашен и вычеркнут из памяти, что многим он будет казаться новостью. А то, что имеет вкус новизны, заслуживает тщательного подкрепления доказательствами, по причине должного уважения к общественному мнению. Факт, который я желаю привести, не имеет отношения к разногласию с германскими императорами, ибо необходимо пояснить, что истина, поддерживаемая мною, является общей для всех конфликтов, которые в те времена папы имели со светскими государями. Я имею в виду все то, что произошло между Пасхалием II и королем Англии Генрихом I.

Генрих, как и всякий государь того времени, распоряжался епископствами по своему произволу. Папа предупредил его, что епископства суть священные, что нельзя их превращать в товар, и что Церковь должна распределять места, предназначенные апостольским преемникам и Христовым призванным посредством канонических выборов. Король противился. Этому последовало множество писем в обе стороны и посольств: Пасхалий был непоколебим, как скала, и св. Ансельм, бывший тогда примасом Англии, стоял вместе с ним. Этот святой архиепископ уже претерпел много гонений и даже изгнание от Вильгельма, предшественника Генриха. Последний, вызвав его из ссылки по политическим соображениям, принял его с почестями, но не сумел ни подкупить его, ни получить от него омаж, который давали епископы, поставленные королем. Как только закончилось разногласие с Ансельмом, к папе было отослано новое посольство: три епископа от имени короля, и два монаха от имени примаса. Они возвратились, не получив ничего. В присутствии собранных королем епископов и дворянства были прочитаны папские послания к Ансельму, полные достоинства и непреклонности. Дело казалось законченным, король, наконец, сдался. Но что же? Именно в этот момент заключения мира, когда Церкви возвращались ее нарушенные священные права, три посланных в папе епископа вновь подняли смуту: они бесстыдной и невероятной ложью склонили короля на сторону преступной партии и сохранили порабощение Церкви. Впоследствии разоблаченный и наказанный обман был следующим: они решительно принялись утверждать, что папа тайно говорил с ними, позволив королю делать все, что он запрещал в своих посланиях, ибо не хотел записывать этого, чтобы другие князья не воспользовались случаем вершить то же самое. Напрасно протестовали и отрицали все два монаха, сопровождавшие их в посольстве: их оскорбили и подавили. Так погибла всякая надежда на согласие, и причиной этому было не упрямство короля, а нечестивость лживых епископов, подверженных симонии и безвозвратно погибших.

Все это свидетельствует об очевидной несправедливости нынешних историков, которые оставляют без внимания сущность вопроса, и запутываются в несущественной подробности события, когда, занимаясь самой борьбой, забывают о причине борьбы. Участниками и руководителями борьбы были папы и государи, но причиной борьбы было дело духовенства, ибо первые хотели возратить его древней добродетели и достоинству, а вторые — сохранить их пороки, ибо короли, как обычно, за ничтожную плату содержали духовное сословие, которое под их защитой, как и всегда, также и в те времена искало безнаказанности.

102. И что же? Неужели надо было, чтобы глава Церкви оробел перед грубой силой развратного духовенства? Неужели надо было, чтобы дух преемников Петра поколебался при виде трудности положения? Или, может, должны были они отступить от оздоровления Церкви, уже достигшую крайней опасности от зол, рожденных непобедимым упрямством церковников, которые отказывались внимать предупреждениями и спасительным законам? Разве подобная душевная трусость могла быть достойной великих понтификов? Или разве не должны были они с еще большим величием и жертвенностью души и духа приняться за дело, о неминуемой победе которого говорила им вера в слово Христово?

С другой стороны, когда же происходили на земле великие реформы без великих смут? Когда это преодолевались повсеместно распространенные застарелые злоупотребления без препятствий и противоречий? Разве когда либо народ обретал вновь потерянное достоинство без жертв? Разве достигала благополучия нация, не проходя через великие несчастья и жестокие испытания? А Католическая Церковь, эта общность народов, подавленная, порабощенная, разве может

притязать на то, что сумеет воспрянуть из глубины унижения и вновь стать свободной без великого потрясения, без больших социальных волнений? Стало быть, не знают, что говорят, те жалкие головки, что с такой самоуверенностью смеют критиковать великих, которых Провидение поставило водителями христианских народов и поручило им обновление человечества.

103. Я спрашиваю протестантских писателей — историков наиболее враждебных к великим понтификам; спрашиваю Юма и Робертсона. Они не могут избежать подтверждения того, что «возрождение человеческого общества, дошедшего до крайнего упадка, а также Церкви совпадает с эпохой папы Григория VII». Хватило взгляда, не зараженного цветом страсти, чтобы заметить, что это совпадение не случайно, и что оно объясняется при помощи тех великих и гуманных поступков понтифика, против которых эти писатели так много выступают. Эти поступки, рассмотренные во всей их полноте, несомненно, изобилуют полезными следствиями для Церкви не менее чем для гражданского общества, цели (*causa*) которых соединены, или, скорее, составляют неделимое единство. Но наше рассуждение касается только свободы Церкви в епископских выборах, поэтому ограничимся одним этим.

104. Вопль о свободе, возглашенный Григорием, пробудил Божью Церковь ото сна, в который она погрязла. Это был новый вопль, сладостный и полезный: церковная вера, справедливость, достоинство, подобно погасшим искрам вновь возгорелись под тем дуновением. Поместные Церкви, все святой жизни прелаты, которые еще оставались в Церкви, явились на зов, объединились под знаком общего дела, в письмах и правилах повторили древние заявления и протесты против светской узурпации, которые так редко или вовсе никогда не появлялись в предыдущем столетии.

Очевидно, что этим делом руководил Бог. Какой же человеческий совет был способен помочь Церкви в этой крайней нужде? Как можно найти в истории единственного в своем роде человека, а найдя его, возвести на апостольский престол, чтобы он смог бы провести полное обновление старого и обветшавшего мира, сумев противостоять всем властям и внутренним врагам, чтобы в немногие годы при помощи одиннадцати церковных соборов поборол бы самые сильные и застарелые беспорядки, очистив от них Церковь, и чтобы оставил, наконец, в наследство своим последователям принципы, соделанные им очевидными и точными, которые одни способны завоеванное управление над Церковью? Как, если не от божественного совета, могла появиться эта длинная череда понтификов, которые наследовали Григорию VII, а именно: Виктор III, Урбан II, Пасхалий II, Геласий II, и Каллист II, — совместно обладающие духом силы и справедливости того великого папы, к которому они все относились как к учителю и отцу, ибо они продолжили великий путь освобождения церковных выборов и очищения нравов, так что ни один из них не противоречил самому себе, не оставлял никогда верный путь, начертанный перед ним? Меньшего и не требовалось: было только непрерывное продолжение усилий, почти неуклонное упорство в принципах, превышающее по продолжительности человеческую жизнь, неустанная смелая проповедь истины, исходящая из апостольской груди многих следовавших друг за другом пап, которые казались одним и тем же понтификом, бессмертно живущим во всех подобно тому, как один был сам понтификат, способный разрушить предрассудки, одолеть страсти, суметь внедрить в души правителей силу разума, заставить их смириться перед Христом, как произошло, когда они торжественно отреклись от своих узурпаций в 1122 году в Вормсе, а годом позже — на Вселенском соборе в Латеране, 42 года спустя после того, как Григорий VII впервые подверг анафеме злоупотребление инвеститурой! И кто же иной, как не Божественное Провидение, наконец, привел в совершенство и увенчал успехом великое дело, когда по непредвиденному стечению обстоятельств Оттон IV в 1209 году, Фридрих II в 1213 и в 1220 годах, и Рудольф I в 1275 отказались от прав на регалии, которые еще сильно ограничивали свободу Церкви?

105. Можно сказать, что Церковь и Святой Престол, руководивший ею, полностью восторжествовали после присяги, данной Рудольфом в Лозанне, и все предвещало, что свобода выборов с того дня утверждалась навечно, и что надо было ожидать всемирный расцвет стада Христова.

Но случилось так, что враг рода человеческого нашел новое и более тонкое средство, чтобы возмутить спокойствие и благосостояние в Церкви. И этим средством были *безмерные ризервы*. Преимущество над мирской властью, которое Святой Престол так справедливо и честно завоевал, ко многому его обязали. Необходимость почти вынудила его на это завоевание, а другие тяжкие причины приняли участие в резком изменении дисциплины. Это вовсе не означает, что Святой Престол не был в праве брать на себя решение выборов при особенной необходимости: напротив, повторим, что Святой Престол всегда имеет право спасти Церковь.

Но именно существование частных и всеобщих ризерв восстановило против него все имеющиеся на этот счет интересы. Разногласия начались почти одновременно с введением ризерв, и уже в XIII столетии Григорий IX, чтобы заставить замолчать англичан, должен был обещать им, что прекратит предоставление бенефиций на светские должности. Через некоторое время у Лионского собора была затребована законная фиксация этого, и поскольку она не была получена, повсеместно уменьшилось уважение и даже проявились враждебные действия по отношению к Святому Престолу, этой матери всех Церквей. В Англии Эдуард III упразднил папское право на предоставление церковных должностей (*provisione*). Во Франции галликанское духовенство самостоятельно выносило декреты, навязывая их папе, а Карл VI в 1406 году принял эти декреты в качестве государственного закона. Если собор в Констанце, принужденный со всех сторон завладеть папскими ризервами, все же сдержался по причине некоторого остатка почтения к верховному иерарху, скоро ему последовал Базельский собор, более нетерпеливый и дерзкий, тут же прибрал их в себе, и базельские декреты против ризерв, очередных милостей и прав на доходы с первого года, подобно манне небесной были собраны провоцировавшей их Францией, и в 1438 году нашли выражение в пресловутой *Прагматической санкции*. Германия вскоре последовала этому примеру после 1439 года, а немногим позднее, все более отвращаясь от великих понтификов, происходят разногласия с конкордатами Евгения IV и Николая V в 1446 и 1448 годах. Злоупотребление в этом случае последовало со стороны Церкви: мы должны признать это и по отношению к папам, которые наивно допустили его. И таким образом, дело ризерв закончилось таким унижением Апостольского Престола, которое стоило его возвышения во время триумфального увенчания дела инвеститур.

106. Но самое тяжелое осложнение дело ризерв оставило в Церкви после того, как было каким-то образом закончено. Война инвеститур, правда, была более бурной, но раны, полученные в ней, были менее жестокого свойства и легче заживали. Рим блистал в этой своей борьбе всем блеском справедливости, великодушия и бескорыстности, а вся грубая сила, развращенность и ложь были собраны против него. Не так было в деле ризерв. Все народы, Церкви, государи, в этом последнем событии не видели в Риме ничего кроме низменных интересов. Это не настолько раздражало души, насколько вызывало у них отвращение, а гнев гораздо менее опасен, чем презрение; и гораздо легче потерять земные богатства вследствие насилия и гонений, чем уронить свое нравственное достоинство. К сожалению, Божественное Провидение, желавшее очистить от вожделий главенствующий Престол, который оно никогда не оставляет, должно было подвергнуть его горчайшему и строжайшему испытанию. Оно допустило, чтобы это вожделие было побеждено путем насилия, ненависти и презрения: и, к сожалению, оно отступает лишь под натиском подавляющей его силы. Но поражение Рима оставило в душах настолько враждебные ему устремления, что Церковь Христова оказалась чрезмерно обессиленной. Это обстоятельство сильно способствовало ересям XVI столетия. Ереси нашли плодородную почву среди правителей, у которых ослабло и уменьшилось почтение к Святому Престолу, ибо они соблазнились им, и уже не были склонны поддерживать его. Более того, им было приятно видеть среди духовенства кишение настроенных против пап дерзновенных бунтарей, которые провозглашали свободу от древнего и наскучившего ига. Однако эта провозглашенная свобода была лишь произволом, и означала больше того, чем правители были способны понять в то время. Она была независимостью естественного разума от всякого положительного откровения, была тем роковым рационализмом, который подобно зародышу смерти, развился за последующие годы в огромное древо неверия, которое покрыло своей тенью мир, изменило общественные устои, опрокинуло троны и заставило человечество задуматься над своей будущей судьбой. Французская и Европейская революции восходят к этим древним началам.

107. Другое более чем вредоносное последствие дела о ризервах, как мы уже говорили, было падение права на поставление епископов в руки светских правителей, чем была уничтожена свобода выборов. Это стоило многих великодушных усилий, долгих опасностей, крайних мучений Григорию VII, и его последователям на протяжении столетий. Скажем ли мы, что в Болонском конкордате 1516 года для сохранения некоторых экономических преимуществ Рим поступился некоторой частью этой свободы? Нет, никогда не скажем такого. Не вылетит из наших уст даже одно слово упрека в адрес того, что совершил Лев X с такой зрелостью рассудка, и что прочел он вслух перед отцами всеобщего собора. Но кто же запретит нам осудить печальнейшие обстоятельства времени, которые в качестве наименьшего зла сделали необходимым это тяжкое соглашение? Кто удержит нас от того, чтобы лить слезы по поводу горькой судьбы, выпавшей на долю мудрости этого папы и этого собора, которым пришлось вновь оставить большую часть ценной свободы выборов, для завоевания которой потрачены

были целые века волнений и жестоких разногласий внутри Церкви и во всем мире?

108. Если фактическая власть Римских понтификов, как мы уже говорили, достигла вершины своего величия, после завершения войны инвеститур; с того же времени, напротив, стала уменьшаться власть светских правителей. Аристократия, именно по причине этих разногласий, настроилась против пап и повсеместно избавлялась от всяких обязанностей, формируя в Европе множество новых малых княжеств. Но со времени установления мира папская власть, спускаясь, так сказать, со своего апогея, стала падать, и упала по причине того же самого средства, благодаря которому она, согласно человеческому разумению должна была будто бы непрерывно возрастать, то есть по причине ризерв и других действий, которые она сама предпринимала, и которые наполняли ее золотом; светская же власть, напротив, с выгодой для себя воспользовалась этим временем отдыха, чтобы залечить свои раны, не упуская ничего, что бы могло увеличить ее влияние и авторитет. Наконец, в XV столетий, беспощадный государь Людовик XI, не знавший препятствия честности, преподал из Франции всем европейским правителям, как нужно сильными и жестокими ударами принизить дворянство и сделать королевскую власть абсолютной. Эта политика была, в основном, воспринята всеми королевскими дворами, хотя и без такого откровенного дерзновения явной тирании, и упорно продолжалась, пока Франциск I и Карл V не закончили возводить фундамент великому начинанию, которое давало новую форму и природу королевской власти в Европе. С этими последними правителями имели общение римские понтифики XVI века, и в результате этих переговоров папы вынуждены были уступить королям добрую порцию свободы выборов, а именно назначение на епископские кафедры, сохранив за Святым Престолом одно лишь право на утверждение кандидатов. Но что же представляет собой этот тип порядка, если не те же самые *ризервы*, разделенные между правителями и понтификами? Но этот порядок до сих пор в силе, и все более углубляет одну их самых болезненных язв распятой Невесты Христовой.

109. Но не все видят это: кажется, будто если мирской власти оставили одно только назначение, а утверждение остается за понтификом, это не слишком оскорбляет церковную свободу.

Но разве этот довод, выставляемый в защиту существующего порядка, в лучшие времена был бы оценен иначе, чем покров, который скрывает, но не излечивает рану, или, с позволения сказать, дипломатическое разочарование?

Я сильно в этом сомневаюсь. Посмотрим, каковым был в Церкви образ мыслей по поводу выборов перед этим последним состоянием дел, и постараемся сделать из этого вывод о суждении, какое бы имели древние прелаты о назначении епископов, оставленном в руках у светской власти.

В то время, когда светская власть все возрастала в своем непрерывном усилии захватить выборы, а вместе с ними и свободу Церкви, то есть в IX веке (а в последующем столетии узурпация достигла вершины); одним из шагов этого прогрессирующего завоевания было, как мы уже видели, требование, чтобы выборы не проводились без разрешения правителя. Если будем говорить дипломатично, это будто бы не уменьшало свободы самих выборов. Но как же думала тогдашняя Церковь? Она воспринимала это притязание правителей как нарушение ее свободы.

Мы видели, как мощно воспротивились этому архиепископ Инкмар и другие прелаты 110. Следующим шагом светской власти, которая к тому времени усиливала свое влияние на епископские выборы, были *королевские просьбы*. Что может быть невиннее простой просьбы? разве она принуждает? Как могут избирающие не слышать ее? Пусть так. Как же ответила Церковь? Знаменитый св. Ивон Шартрский, тот самый епископ, который так любил гармонию между государством и Церковью, такой примирительный, почитал королевскую мольбу за уничтожение церковной свободы, и вместе с ним энергично протестовали против нее наиболее умные и святые прелаты того IX века. Ныне следует рассмотреть: разве это было со стороны государя простым изъявлением желания, или настоящим назначением некоторого лица, согласно собственному произволу? И если это простое верховное волеизъявление содержало в себе покушение против канонических выборов, то куда девались эти свободные выборы, когда государи назначают епископов? И понтифики не могут сделать ничего иного, кроме как отказать в утверждении кандидатуры? Разве в этом утверждении понтифики всегда могут отказать свободно? Нет, но лишь в том случае, если назначенный, как говорилось, ранее совершил тяжкое преступление, да и то не всегда, а лишь в том случае, если слух об этом преступлении доходил до главы Церкви. И это не решало всего, ибо преступление необходимо было достаточным образом доказать. Но и здесь не кончалось дело: надо было, чтобы понтифик, отказывая в утверждении кандидатуры, не должен был бояться монаршего гнева и еще большего зла для Церкви. Это зависело от темперамента государя, от его веры и благочестия, еще более от министров, которые им управляли, и от всего комплекса обстоятельств и дипломатических отношений, в которых

находился Святой Престол. И насколько же должно быть нелегко для любого правителя внушить подобный страх душе понтифика? Особенно во времена неверия, холодности и враждебности по отношению к апостольскому Престолу? Где же остается в наши времена истинная а не формальная свобода епископских выборов? Что бы сказала о подобном состоянии Церкви древняя история?

111. Кажется, что я не соизмеряю свободы, которая еще оставалась в те времена посреди Церкви, с установлениями первых веков, а удовлетворяюсь следующим сравнением: с одной стороны мы знаем образ мыслей первых прелатов IX столетия, века глубокого сна, когда лишенное опоры духовенство почти что привыкло к порабощению со стороны правителей. И все же в то время еще знали, что такое свобода и в чем она заключается; с другой стороны, мы видим образ мыслей, господствующий в следующем столетии, когда Церковь сбросила ужасное иго со своих плеч, и когда святейшие и сильнейшие папы сделали свободу Церкви сияющей, подобно солнцу. Посмотрим, что сказали бы эти великие папы о нашем положении, в котором больше не проводится, среди подавляющей части католических народов, епископских выборов, ибо их проводят сами правители. Достаточно будет двух фактов.

Что смогли вырвать, в конце концов, у великодушного понтифика Пасхалия II страшные гонения со стороны Генриха V, застенки, поношения, муки, близкая смерть, убийства в Риме и его окрестностях, насилие, грабежи, горькая участь добрых, оставленных без защиты перед лицом неистовства варварских полчищ, влекомых яростью вероломного императора?

Привилегию присваивать епископам доходные места, посох и перстень. Но с условием, что эти епископы в начале должны были быть канонически избраны, свободно, без симонии и без «насилия», не говоря уже о других условиях, которые ограничивали королевскую привилегию. Генриху казалось, что он

И все же привилегия ни мало не позволяла императору вмешиваться в выборы и в рукоположение, а только давала право подтверждать избрание и вводить избранного во владение епископским достоинством. И что же с того? Казалось, вся Церковь восстала против Пасхалия, обвиняя его в ослаблении церковной свободы, угрожая схизмой. И почему же? Только из-за того, что королю было предоставлено право проводить малозначительную церемонию вручения епископу *посоха и перстня*, то есть знаков его достоинства. Король же заявлял, что не намеревался дать епископу этой церемонией больше чем обладание земными богатствами: но этим Церковь не была удовлетворена, ибо посох и перстень, в действительности, были символами чего-то большего, а инвеститура сохраняла за собой необходимость королевского дозволения, чтобы избранный стал епископом. Именно этим были вызваны повсеместные соборы, движение прелатов, собрания кардиналов против отнятого у папы права, угрожающие выйти из повиновения этому святейшему понтифику. Чтобы усмирить кипение душ, понадобилось все героическое смирение папы. Тот признал, что преступил границы своего долга, созвал собор в Латеранской церкви, предстал на нем как с повинной и, осудив самого себя, сложил с себя папское достоинство и объявил о готовности сойти с папского престола ради удовлетворения Церкви. Так он покаялся по примеру святых отцов. Он сказал: «это послание, которое я отправил, не спросив совета и подписей моих братьев, принужденный жестокой необходимостью не по причине моей жизни, здоровья и славы, а из-за одних только нужд Церкви, я сознаюсь в этом как в преступлении и желаю совершенно в нем покаяться с Божией помощью. В виде этого покаяния я предаю себя совету и суду собравшихся здесь моих братьев, чтобы по вине моего поступка не произошло в будущем никакого вреда Церкви, или моей душе». Собор, исследовав происшествие, вынес следующий приговор: «эта привилегия не является привилегией и не должна так называться, ибо была получена вследствие насилия со стороны короля Генриха от господина нашего папы Пасхалия ради освобождения узников и Церкви. Мы все, собравшиеся на этом соборе вместе с самим господином нашим папой, осуждаем ее в силу канонической цензуры и церковным авторитетом, согласно с судом Духа Святого, объявляем ее недействительной, совершенно упраздняем и под страхом отлучения приговариваем, чтобы она не имела больше ни авторитета, ни силы». Этому приговору дано было следующее объяснение: «привилегия эта осуждена, ибо согласно с ней, законно избранный посредством духовенства и народа кандидат не должен быть рукоположен никем, прежде чем король не наделит его инвеститурой. Это против Духа Святого и законных установлений».

Таким образом, отцы собора и вся тогдашняя Церковь не считала приемлемым, чтобы епископ, пусть даже законно избранный духовенством и народом, имел бы нужду в согласии государя для того, чтобы быть рукоположенным. Как же они ответили бы на то, если Пасхалий действительно разрушил бы свободные канонические выборы, присвоив императору такую привилегию, согласно которой только им назначенный кандидат имел бы право на епископское

рукоположение? Разве еще более плачевной, чем обстоятельства Пасхалия, не показалась бы им обстановка XVI века, когда понтифик был доведен до того, что считал меньшим злом для Церкви, если епископы назначались бы светским государем, чем если бы он претерпел бы последствия отказа от таких условия? Я воздерживаюсь от дальнейших рассуждений об этих событиях, но убежден, что они заслуживают глубоких раздумий.

112. О решении по поводу назначений со стороны короля, которое вынесла бы Церковь в XII веке, возможно заключить из другого события, которое произошло при Иннокентии II. Когда умер архиепископ Бурже, Людовик VII предоставил духовенству и народу той церкви широкую свободу в избрании своего прелата. Король поставил только одно условие, чтобы не был избран Пьер де ла Шартр, и поклялся, что не желал его видеть епископом. И все же выбор пал именно на него. Избранник явился в Рим, папа его рукоположил, не приняв во внимание условие, поставленное королем, и «рассудив, что не может быть истинной свободы выборов там, где правитель имеет право исключить кого-нибудь по своему желанию, не доказав перед церковным судом, что у кандидата отсутствуют условия, необходимые для того, чтобы быть избранным, в случае чего король, как и любой другой верующий, должен быть выслушан». В данном случае речь шла лишь о том, чтобы предоставить королю исключить одного кандидата, и даже это было почтено за тягчайшее нарушение церковной свободы, ибо свобода вещь хрупкая и ее очень легко поранить. И каким же нарушением показалось бы взгляду Иннокентия II не то чтобы позволить королю исключение одного лишь лица в одном лишь диоцезе и в одном лишь частном случае, а предоставить ему право назначать всех епископов королевство во все времена? Куда бы подевалась в его мнении свобода Церкви, если бы в те времена был бы составлен и реализован такой проект? И пусть не оскорбляют память тех великих понтификов, сохранявших такую благородную и истинную идею свободы, которой Иисус Христос украсил свою Церковь, говоря, что их образ мыслей был преувеличенным, как об этом всегда с готовностью заявляет человеческое невежество и алчность. Ибо я обращаюсь к любому из наиболее святых и нравственных людей, которыми процветала Церковь в те времена: я обращаюсь в св. Бернарду, твердость в вере которого не раз приводилась в пример самим Наполеоном. И честный аббат из Клерво не думал о церковной свободе каким-нибудь отличным от Иннокентия II образом, и даже когда просил у понтифика снизить один только раз к требованиям Людовика VII и избрать на кафедру в Бурже какого-либо иного кандидата, он все же никак не расходился с папой в своих чувствах. И хотя этот святой человек был совершенно свободен писать в Рим то, что хотел, он все же решил заступиться за короля, и так писал кардиналам: «двух вещей не можем мы простить королю: *незаконной присяги и несправедливого настаивания в исполнении этой присяги*. Но он поступает так не по желанию, а из-за приличия, ибо он считает нечестивым (как тебе хорошо известно) не сдержат клятвы, которую дал франкам, хоть он и публично поклялся во зле (даже если все мудрые люди знают, что ни одна незаконная клятва не имеет силы). Но несмотря ни на что, мы должны признать, что не можем ему простить и этого: мы вовсе не намереваемся прощать его, мы лишь просим для него милости. Рассудите вы сами, можно ли как-нибудь простить гнев, возраст, царское достоинство. И если это будет возможно, если вы пожелаете, чтобы милосердие возвысилось над правосудием, так, чтобы было бы учтено совпадение королевского содержания и отроческой формы, то пусть будет прощено подобное проявление темперамента, и да не будет оно допущено впредь. Пусть ему простится все, говорю, если это возможно. Но пусть при этом будет соблюдена свобода Церкви и должное почтение архиепископу, рукоположенному апостольской рукой. Вот о чем просит смиренно сам король, о чем умоляет вас наша слишком уже отчаявшаяся Церковь». Следовательно, св. Бернард не находил, что можно простить правителя, который вмешивается в выборы епископа, исключая одного из кандидатов на избрание. Он признает в этом уязвление церковной свободы. Но во что же превращаются назначения со стороны короля с точки зрения неизменных принципов Церкви Христовой? Время, когда они были введены, следует назвать временем свободы или порабощения? Должны ли чада Церкви радоваться или плакать этому веку?

113. Но чтобы еще глубже узнать зловредную природу этой язвы, надо учесть, что вместе с учреждением *королевского назначения* были оставлены все наиболее почтенные установления, которые Церковь на протяжении стольких веков чрезвычайно ревностно соблюдала, избирая епископов. Следует учесть одно за другим эти великие установления, действенность которых прекратилась в 1516 году, но жажда которых жива до сих пор.

Нерушимым установлением Церкви было то, что «епископом должен был избираться наилучший из возможных». Это установление справедливо, очевидно и согласно с высоким смыслом епископства. Церковь не считает, что можно иметь некоторую меру учености, добродетели, благоразумия, которых было бы достаточно для подобного служения. Напротив,

все достоинства человека, насколько многочисленными и великими они ни были, ей кажутся малыми для долга, о котором говорилось, что он «страшен и для плеч ангела». Поэтому в случае отсутствия личности, подходящей к подобному достоинству, нужно было, по крайней мере, избрать епископом наилучшего из тех, кого можно было найти. Ныне же конкордат, который определяет королевское назначение, был вынужден заменить древнее установление иным, согласно которому «поставляемый должен быть человеком степенным, магистром богословия или права и иметь, по крайней мере, двадцать семь лет отроду». Более не требуется лучший из людей, а только лишь достаточный. Правда, государь, который назначает, не освобожден от долга избирать лучшего, но какие гарантии у Церкви? Церковь не может никого отвергать, если только избранный не показывает себя «Человеком степенным, магистром богословия или права», или не имеет предписанного возраста. Какие гарантии имеются у отдельного диоцеза, которому предназначается избранный? В то время, когда диоцез сам избирал его, то сам и отвечал за свой выбор; когда диоцезу предлагался епископ со стороны областных епископов или великого понтифика, то выбор все-таки принадлежал Католической Церкви, которая знала, должна была знать, что именно подходило ей: в противном случае она причинила бы зло самой себе. Но поскольку кандидат навязывается Церкви, она должна согласиться на одну лишь достаточность его качеств. Но что значит степенный и магистр богословия? Что значит двадцатисемилетний? Даже если процесс, проводимый Святейшим престолом перед утверждением кандидата, был бы гарантией для диоцеза, то что именно гарантировалось бы им? Одно лишь то, что будущий епископ человек степенный и имеет диплом богословия. А достаточно ли это для диоцеза? Всякий ли степенный магистр богословия подойдет ему для епископства? Даже если я воздержусь от вопроса о достоинстве, то сколько двусмысленности останется в этих словах о степенности, учености и двадцатисемилетнем возрасте? Сколько различных типов степенных людей встречается в жизни? Сколько различий в учености среди тех, кто получил высокую степень доктора? Остановимся на словах, или будем рассматривать также и дела? Доверимся нашим университетам? Разве вся их ученость упала с неба? Может ее можно сравнить с Соломоновой ученостью? Может она совершенна и окончательна? И наконец, разве таким образом мы не дойдем до того, что будем иметь епископов, достоинство которых будет определяться отрицательно, то есть по неимению у них тяжкого и явного пятна? Инспекция Святого престола конечно же не может пойти дальше, а при желании и при возможности его борьба с земными владыками примет непрерывный характер: епископ, стало быть, будет избираться не потому, что в нем найдут наибольшее количество достоинств, но потому, что за ним не будет преступления, или, говоря вернее, не будет выдвинуто никакого обвинения против него. Но разве этого отрицательного достоинства будет достаточно для формирования доброго — не скажу епископа — христианина?

114. Другое нерушимое установление Церкви об избрании прелатов состоит в следующем: «должен избираться священник знакомый, любимый и желанный теми, кем он должен управлять»; то есть всем народом и духовенством, предназначенного ему диоцеза. Это значит, что даже редкостных личных добродетелей человека может не хватить на то, чтобы он стал епископом, согласно древним и святым установлениям Церкви, ибо будущие подданные могут не знать его вовсе, или он может не подходить им по характеру, или быть нежеланным с их стороны. Каждая поместная Церковь подобна единой личности, которая полагается на одного служителя алтаря и не доверяет другому. Ее желание иметь пастырем и отцом лицо более доверенное является разумным и добрым. Почему же оно не должно быть исполнено? Но если епископ назначается светским правителем, то общее голосование не проводится вовсе. В итоге пренебрегается установлением, полным благоразумия и милосердия, всегда исполняемым Церковью.

115. Третьим неизменным установлением Церкви было то, что «в епископы избирался священник, в течение долгого времени приписанный клиру диоцеза, которым он должен был управлять, а не новый, присланный из чужой страны». Тот, кто жил, и, так сказать, состарился в диоцезе, знает обстоятельство дел, людей, людей, нужды и подходящие к их удовлетворению средства, кто известен и уважаем за долгое служение, кто давнишний отец того народа и давнишний брат того клира, кого не только свет собственных добродетелей, но еще и долг признательности за труды и сама сладостная привычка к нему связывает со всеми душами и заставляет их почтительно склониться. Ныне же и это светлое установление попорно монаршим назначением. Это естественно, ибо король, который назначает, не может, не хочет и, наконец, не учитывает всего. Он посылает в диоцез людей, желанных ему самому не только из другого диоцеза, но из другой области, даже из другого климата и государства. Чужеземец, быть может даже иноязычный, или вовсе уроженец ненавидимой по причине национального соперничества

страны, о котором известно лишь то, что ему благоволил правитель, что он человек ловкий и опытный царедворец, разве будет он пользоваться всеобщим доверием и дружбой? Разве будет он почтенным отцом, от которого родились многие, и которому многие обязаны своим восстановлением? Здесь не идет речь о том, может ли народ святых быть таковым и под началом подобного епископа: скорее нужно сказать, что если допустить, что народ состоит из одних святых, то епископ вовсе не надобен. Но если допустить, что христианский народ таков, каковым он и является на самом деле, и что надо его приучить к исполнению евангельских заповедей, то для этого нужны иные, а не такие пастыри. Если же нужно раскрестить народ, то надо продолжить в том же духе, и посмотрим, насколько долго смогут государи управлять раскрещенным миром.

116. Скажут: добрый правитель способен своими силами соблюдать эти установления святой древности, отказаться от которых Церковь не может ни в какое время. Но в таком случае почему же Церковь не заключила договор, чтобы государи рождались бы всегда добрыми?

Но даже если правитель добр, разве может мирянин, погрязший в стольких заботах и удовольствиях, которые привнесены в его жизнь земным правлением и придворными обычаями, быть глубоким богословом? Разве может он притязать на знание самых важных и глубоких установлений церковной дисциплины? на понимание их высочайшего значения? на то, чтобы иметь апостольскую ревность в их предпочтении всякой иной выгоде? на сохранение их в неприкосновенности от всякого рода соблазна, лести, извращения, мрачных неустанных и буйных страстей тех, кто окружает его и от чьего совета он зависит? Кто же потребует столько от бедного смертного?

Даже этих новых способностей будет недостаточно. Кроме знания нерушимых установлений церковной дисциплины и желания соблюдать их, правитель должен еще и суметь. Но чтобы суметь, он должен знать особенности всех поместных Церквей так же, как и каждая поместная Церковь знает себя саму. Он сам должен преобразиться в каждую из поместных Церквей, преобразившись во вселенскую Церковь. Кто же не понимает невозможность этого? Но наконец, чтобы не идти слишком далеко, для прояснения дела достаточно будет точного принципа, который подтвержден всеобщим опытом, и который происходит из природы человека и вещей, а именно: «каждая моральная сущность (согро) или личность, вообще говоря, лишь одна в праве судить о том, что ей более выгодно», ибо она с наибольшей уверенностью осведомлена о собственном интересе. Какое бы исключение не хотели приписать мы этому закону, который управляет всеми корпорациями, всеми обществами, он останется справедливым в своей общности, и как никогда справедливым по отношению к Церкви, интерес которой обладает духовной и нравственной природой, а следовательно, он прост и прям, согласен с самим собой и полон света. Из этого следует, что если Церкви получают своих пастырей из чужих рук, то эти пастыри не могут быть даны ей с той долей непогрешимости, с которой сами Церкви могли бы их себе обеспечить и обеспечивали на протяжении веков. Этого достаточно, чтобы признать нарушение их права: ведь нельзя же отказать народу Божию в праве иметь лучшего из возможных пастырей!

Церковь, избирая себе пастыря, имеет один лишь интерес: выгоду для человеческих душ. Государь же учитывает много различных интересов. Разве правдоподобно предположение, что государь среди множества интересов, как своих собственных, так и принадлежащих его окружению, будет полагать избрание епископов за наивысший интерес Церкви? Разве возможно, чтобы в его душе постоянно присутствовала мысль о благе Церкви и была бы такой сильной, что побеждала бы в борьбе все другие мысли? Какой же герой, какой же апостол восседал бы в таком случае на троне?

Государь должен удовлетворяться одной лишь лояльностью епископа, который не может быть вероломным, будучи человеком святой жизни, у которого сердце исполнено духом Евангелия и Церкви. Но государь не должен требовать от епископа ничего сверх этого, не должен требовать, чтобы епископ, — позволю себе сказать, — стал секретным агентом, жалким полицейским служащим. Это лишило бы епископское служение истинной природы, нарушило бы главнейшее установление епископата: «никакой воин божий да не вмешивается в дела мира сего».

Установление это настолько хрупкое, что нарушить его возможно даже мысленно. Одним словом, есть разница между лояльностью евангельской, которая рождается из сознания и имеет в основе истину справедливости, и лояльностью политической, которая происходит из связей человеческих интересов, не имеет ничего общего со справедливостью, а основано на пользе. Епископ есть человек справедливости, и должен быть им свободно, христианский же правитель не должен обременять священный характер этого служения никакой политической или экономической спекуляцией. Но на чем же основано понятие о благоверности, имеющееся у

правителя, если не на политике? И во всех делах, не касающихся религии, может ли он иметь какое-либо иное понятие о нем? Каким же образом тогда правитель, которого все обстоятельства, привычки, воспитание и примеры вынуждают всегда действовать политически, может обеспечить такое важное дело, как избрание епископов, в котором никто не полагает политических задач, а все должно быть устремлено к одним лишь духовным и чистым целям? Можем ли мы иметь столько доверия, чтобы душевно успокоиться, не сомневаясь в том, что правитель всегда будет предпочитать духовные интересы политическим? Но что же я имею в виду, говоря о политике? Разве не то вечное устремление к преимуществу, способность питаться всякой пищей, готовность перерабатывать в своих перегонных кубах все что только ни попадет в руки? В таком случае кем же будет епископ, избранный по политическим соображениям? Пусть всякий задумается над этим. Разве Церковь имеет нужду в сынах от политики?

117. Было время, когда Церковь подвиглась жестокой войной против симонии, о которой было мнение, что не может быть порока более вредного и ужасного. Но тайная симония из-за своей тайности разве менее является симонией? Разве симония, обусловленная политическими соображениями, менее грязна и плачевна? Гангрена, которая не вызывает боли, разве менее смертельна, чем мучительная и болезненная рана? Разве земные цели, примешивающиеся к назначению епископов, и ловкие средства для получения кафедр от правителя есть что-либо отличное от симонии? Симония изысканная, приличная и даже скромная не бросается в глаза своей непристойностью, не вызывает острых болей. Дурной знак, — говорю я! Гангрена развилась, нужен нож.

Правда ли, что процессы по симонии в наше время больше не проводятся? Кто посмеет заново их возбудить? Но разве это верный знак того, действительно исчез этот опасный порок? Скорее, он нашел себе неприступную крепость, где не может быть осажден.

Почему же правитель так заботится о том, чтобы сохранить за собой право назначать епископов? Разве печется он о благе Церкви? Если бы дела обстояли именно так, то он, несомненно, оставил бы это право за Церковью, ибо невозможно, чтобы он притязал бы на способность избирать лучше. Разве государево рвение вызвано стремлением иметь в епископах верных себе подданных, как то требуется евангельскими установлениями и духом Церкви? Если бы это было правдой, и тогда он, несомненно оставил бы это право за Церковью, ибо чем более епископ подходит под этот характер, тем более он свят, более соответствует апостольскому образцу, более верен чистой и христианской верностью. Необходимо отметить: говорю о верности даже ценой собственной жизни, но не говорю, что епископ должен быть придворным льстецом, негодяем, раболепным холуем всех желаний и известных или просто предполагаемых мыслей короля, министров, правительства, которых ему часто приходится вести и направлять согласно заповедям Евангелия, толкователем которого он является. Если же не по этим причинам придает государь столько значения обладанию правом назначать епископов, то становится явным, что он ищет в этом положительную себе опору, — не нравственную, а политическую, не божественную, а человеческую, — одним словом, любую, а не только справедливую поддержку. Разве в этом не проявляется симония? Разве не симонии принадлежит корень и основа светских назначений? Разве Церковь не поражена этим в своей природе? Разве епископское служение не подавлено и не опорочено? Говоря по правде, если бы, назначая епископов, светский владыка с чистым намерением искал бы только духовного блага для Церкви, то он не доверялся бы ни себе, ни своим советникам, но должен бы взять в свои советчицы саму Церковь, внимательно прислушиваясь ее голосу.

118. Но я скажу еще больше: оставить Церковь свободной в выборе своих пастырей значит удовлетворить истинному земному интересу правителей. На первый взгляд это покажется парадоксом, как и рассуждали до сих пор вульгарные политики. Но если мы возвысимся до более глубокого рассмотрения, до более широкого расчета разных интересов, то найдем истинным следующий прекрасный принцип: «то, что справедливо и согласно с духом христианской религии, также и более полезно и христианскому государю». Приложим этот принцип к рассматриваемому нами вопросу.

Епископ, который не избран правителем, будет посредником между правителем и народом. Правитель совершенно может положиться на него, ибо во все времена католическая Церковь внушала подданным мысль, что «им не позволено освобождаться от их правителя по любой причине». Пастырь Церкви, чем более он будет облачен церковным духом, чем более он будет избран самой Церковью, более будет постоянен во внушении народам подчинения, покорности и терпения даже и в самых больших невзгодах. Народ будет зависеть от его слова, которое будет приучать его кротости, подавая пример беспристрастного человека, священника Христова, не имеющего иного закона кроме Евангелия. Но если епископы назначены правителем, если народ

видит в них лишь государевых чиновников, если он считает их заинтересованной стороной, имеющей один и тот же интерес с государем, то как же он воспримет их слово? Оно потеряет всю нравственную силу, и сама сила религии, будучи такой великой, все же не сможет послужить правителю, ибо когда посредник становится заинтересованным, тем самым он уже перестает быть посредником. Государь хоть и будет иметь политическую поддержку в лице духовенства, поскольку оно становится частью благородного сословия, поскольку оно уже причисляется к классу крупных собственников, и благодаря своим богатствам располагает множеством гражданских и светских связей и обязательств. Но силы Церкви, непобедимой силы, присущей Евангелию, силы, которую справедливость вселяет в сердца людей, силы самого Бога, подчинившей себе мир, этой силы более не существует в странах, где епископы назначаются правителями, и где правитель из-за стремления большим обладать больше потерял. Из всего этого происходит великий вред для религии, которая становится ненавистной народу и причастной ко всей ненависти к правителям, которую способны вызвать политические распри, так что она уже не только слишком далека от того, чтобы поддерживать трон, но ей едва хватает сил поддерживать самое себя. Именно это произошло на наших глазах во Франции. Духовенство не смогло остановить ярость мятежа, жертвой которого оно пало вместе с королем той страны именно по причине сформировавшегося несогласия духовенства с властью, ибо духовенство было поставлено самим королем. Великий и страшный урок! Было ученым, было благочестивым, было даже героическим то бесстрашное духовенство, которое с честью сложило головы под гильотиной, и все же оно ничего не смогло сделать для того народа, хоть этот последний и не был бесчувствен к голосу христианства и к щедрости добродетели. Нет, не хватило всех этих великих даров, галликанизм их потерял: он учил королевской религии, он поддался первородному греху, ибо был составлен монаршей волей. Достаточно оказалось этого, чтобы стать знаком всего ужаса и всей горечи, которыми он так обильно пропитался, ибо эта ненависть не была ненавистью к духовенству, а ненавистью к королю, которого она преследовала и в лице духовенства, а вместе с ним и в лице религии.

119. Представим еще одно рассуждение. Для завоевателя и самозванца, который силится узурпировать трон, как я понимаю, весьма выгодно иметь епископов, предпочитающих земные ценности религиозным, и поэтому могут продать ему души. Но для законно признанного христианского государя я считаю, что нет большей пользы чем иметь в своем государстве бесстрастных людей, умеющих говорить ему правду даже несмотря на опасность его немилости. Я убежден, что для христианского государя нет большей выгоды чем иметь возможность узнать истинную справедливость и увериться в ней, в чем и состоит настоящее преимущество христианской религии. Полагая таким образом, следует признать, что для получения таких цельных личностей нет лучшего пути чем получать их от самой Церкви, имеющей Дух Божий, если только не притязаем утверждать, что светская власть обладает Духом Божиим и одухотворена наподобие духовенства и Церкви. В таком случае я полагаю, что если правитель желает иметь епископами во всем лояльных и правдивых людей, а также умеет и хочет назначать их сам, то должен действовать скрытно, дабы никто не узнал, что назначение происходит от него, ибо одного лишь знания достаточно для ошибки. Но кто знает цену этой скромной и непорочной евангельской свободы, которая присуща епископату? Какой государь или политик способен возвыситься настолько, чтобы заметить, что эта евангельская свобода епископов помешает государственному правительству погрязнуть в пороках, удержит его по сию сторону от края пропасти, в которую его толкают порой беспечность или страсти правителей? Сколько государств можно было бы спасти от революций и анархии, если бы заслуженно была бы оценена эта драгоценная свобода — истинное лекарство, предохраняющее христианские государства от растления? Но вместо того, чтобы рассчитать преимущество этой узды, которую можно наложить на несправедливость и страстность правителей, настолько выгодную для их собственного сохранения, мирское неблагоразумие из одних политических целей способствует слепому и неограниченному нарастанию власти, и считает совершенно аполитичным любое ограничение, наложенное на возможности правительства. Будто бы власть, после того как она сама разрушила всякую даже справедливую границу, то есть достигла возможности свободно совершать все, что только ни придет ей на ум, независимо от справедливости или несправедливости последнего, еще может существовать, а не найдет свой конец именно в этой неограниченной мощи. Полностью абсолютный монарх не удержался бы и немногие дни на троне: те ограничения, которые он мечтает смести в области права, вырастают и почти удваиваются в области фактов. поэтому было обнаружено, что «когда правители захотели отряхнуть с себя любое подчинение Церкви, они стали настоящими рабами народа»: одно это

объясняет все политические обстоятельства нашего времени. Вопреки тьме, распространенной враждебными трону и вместе с тем льстящими ему софистами, вопреки систематическим предрассудкам, которыми запятнаны современные историки, трактующие события XI века, я позволю себе сделать одно наблюдение, взывая к людям наиболее беспристрастным и чутким, чтобы они сказали истинно или нет мое следующее утверждение: «самому императору Генриху IV было бы даже в земном смысле истинно полезно существование свободного духовенства, представленного Григорием VII, явно оппозиционного по отношению к нему, тогда как рабское и льстивое духовенство было настоящей причиной его падения». Странное утверждение, однако же, весьма легко поддается доказательству. Достаточно видеть, что произошло с немецкими баронами. Саксонские и немецкие сеньоры, разгневанные вздорностью и крайней тиранией императора, восставшие против него горько жаловались на медлительность и умеренность папы, и грозились своими силами избрать нового императора, не ожидая папского решения. Папа же по отношению к ним старался выиграть время, стремился все устроить и был настоящим посредником между королем и сеньорами, желая затянуть тяжбу, чтобы увидеть, смог ли бы Генрих обратиться к разуму, обещая в этом случае даже поддержать его. Однако феодалы, потерявшие терпение, избрали, не спросив всегда стоящего за примирение папы, швабского герцога Рудольфа, что сделало противостояние нескончаемым, и Генрих потерпел поражение. Если бы Генрих держался бы за папу, то стал бы одним из самых великих императоров, а разногласия были бы устранены посредничеством свободного духовенства, к мнению которого, именно благодаря его свободе, прислушались бы. Но кто отнял у Генриха это преимущество? Кто довел его до такого жалкого состояния, до свержения и смерти в нищете и скитании? Никто иной, как его раболепное духовенство, которому он продавал епископские места. Именно это духовенство дало ему опрометчивый совет не придерживаться справедливой меры властности, а беспредельно и упрямо стоять за собственный авторитет, не поверяя его справедливостью. Это духовенство и привело Генриха к поражению. Духовенство верное не политической, а евангельской верностью смогло бы его спасти.

Первый из этих конкордатов был заключен во Франкфурте, а второй – в Ашаффенбурге при Фридрихе III.

См. послания LXVII, LXVIII и CXXVI этого великого епископа. В CII послании он так и пишет: *non licet regibus, sicut sanxit octava Sinodus, quam romana Ecclesia commendat et veneratur, electionibus episcoporum se immiscere.* * [Согласно санкции Восьмого собора, как повелевает и почитает Римская Церковь, не подобает королям вмешиваться в избрание епископов].

* [PL 179, 1379] Двойным был недостаток этой привилегии: 1) епископ не мог войти в правление своим диоцезом без согласия короля, а значит, мог быть отвергнут королем из-за пустого каприза, или желания навредить Церкви; таким образом чинились препятствия епископскому служению, которая в силу авторитета, полученного от Иисуса Христа, по праву и свободно должно совершаться во всем мире; Поэтому Иннокентий II * [Розмини ошибается, правильно было бы сказать Пасхалий II – Galantino 1997, p. 290] говорил, что несогласие короля должно учитываться только при наличии справедливых и юридически обоснованных причин, но не иначе. 2) Само слово «инвеститура» содержало в себе двусмысленность, ибо казалось, что оно означает придание епископу епископской власти, это же явно представляет собой ересь и действие против Духа Святого, если приписывается светской власти. Третьим пунктом можно добавить, что введение епископа во владение свободным имуществом епископата является несправедливостью и злоупотреблением, когда совершается властью короля, а не авторитетом Церкви, которая одна является свободной владелицей своего имущества. Противоречило справедливости то, что король в силу собственного авторитета предоставлял епископу владение феодальным имуществом, ибо непосредственно владение над этими богатствами всегда оставалось за правителем, а феодал лишь пользовался ими. Эти два типа имущества, как мы уже наблюдали, были смешаны между собой правоведами того времени, и все церковное имущество было принято за феодальное. Это не произошло по причине личной алчности правителей, а, скорее, из-за самой природы тогдашнего правления, во время которого не все типы имущества были равным образом защищены, и более всего обеспечены были безопасностью владения короля. Из этого преимущества феодального владения и произошли церковные феодалы.

Этот понтифик осудил себя сам на другом Соборе, созванном в Латеранской базилике в 1116 году. Как волнительны обстоятельства, которые он описывает, рассказывая о том, как он был вовлечен

в снисходительность по отношению к Генриху! Какое все это внушает смирение и достоинство! Он говорит: «после того, как Господь совершил угодное ему и дал меня и народ Рима в руки королю, я каждый день видел одни лишь грабежи, пожары, убийства, блуд. Такие и подобные им недуги я хотел устранить из Церкви и из среды народа Божиего. Все, что я сделал, я сделал ради Церкви и народа Божиего, я слелал это как человек, ибо я прах и пепел. Исповедуюсь, что действовал плохо. Что же? – Вознесите все вы к Богу молитвы за меня, пусть Он простит меня. И то злосчастное послание, написанное в боевом шатре, которое из-за его нечестивости зовется богохульным, я подвергаю вечной анафеме, чтобы никто его не вспоминал с признательностью, и прошу вас поступить так же». На это все воскликнули: «Пусть будет так!». Лишь описанными бедственными обстоятельствами можно было склонить Пасхалия к тому, что кажется поистине мелочью по сравнению с назначением епископов, которое светские владыки захватили в свои руки четыремя веками позднее.

* [Архиепископ Бурже, † 1171 – Galantino 1997, p. 291].

* [L. Thomassin, *Vetus et nova Ecclesiae disciplina...*, t. II, l. II, par. XI, p. 394 – Galantino 1997, p. 291].

Этих идей никогда не убавлялось в Церкви, да они и не могут никогда уничтожиться, ибо вечны, как сама истина. Для того чтобы знать, что римские понтифики в XVI веке думали по иному, чем в более ранние века, достаточно заметить, что Юлий II, непосредственный предшественник Льва X, иногда поставлял епископов против воли короля, так же, как в конце предыдущего века поступил Иннокентий VIII с Анжерским епископом. Не вдаваясь в качественное рассмотрение этого события (ибо не нам судить, было ли это достойным поступком, или нет), мы с определенностью скажем, что подобное поведение понтификов показывает, какими были истинные и неизменные идеи о свободе Церкви.

* [PL 182, 384].

Вся святая древность громко провозглашает этот принцип. Вот с какой силой проводил его в Церкви II века великий Ориген. Говоря о порядке избрания первосвященником Аарона в ветхозаветные времена, он говорил, что тогда был дан прообраз, согласно которому надо было избирать епископов в новозаветное время. Он говорит: «мы видим, как был поставлен первосвященник. Моисей созвал собрание, как говорит священный текст, и говорил так: « ». Хоть Сам Господь повелел поставить первосвященника и Сам Господь избрал его, Моисей созывает собрание. Поэтому при рукоположении кого-либо во священники должно искать присутствия народа, чтобы все знали и все были уверены, что на священство избирается тот, кто среди всего народа самый почтенный, самый ученый, самый святой, самый выдающийся своими добродетелями.

Таковы слова самого конкордата.

См. Выше п. 77 и следующие за ним. Если епископ был незнаком членам диоцеза, это было достаточной причиной объявить его незаконным. Св. Юлий I * [понтификат 6. II. 337 – 12. IV. 352] в одном из своих писем Восточной Церкви заявляет, что некто Григорий, занимающий Александрийскую кафедру, является чужаком: «ибо ни многим он известен, ни священникам, ни епископам, да и не был представлен народу».

Таков торжественный приговор всей древности: *ex presbyteris ejusdem Ecclesiae, vel ex diaconibus optimus eligatur.* (св. Лев, Ер. 14) * [из священников или диаконов той же церкви должен избираться лучший – PL 54, 674].

Насколько было бы желанным, чтобы и правители и подданные хорошо знали, в чем заключается верность! Нет, эта прекрасная добродетель не заключается в действиях низменных и трусливых, в продаже собственной совести. Она всегда сопровождается справедливостью и искренностью. Именно поэтому я представляю данную книгу не только как доказательство своей сыновней верности Церкви, но и как знак моей верности государю. Пусть же она будет принята за таковую! Пусть не будут превратно истолкованы и во зло направлены наиболее чистые мои

цели! Понятие евангельской *верности*, о которой я рассуждаю, постоянно встречается в церковной традиции. Вот, как она проявляется в историческом факте, касающемся епископских выборов. В XI веке, когда король Франции назначил Шартрским епископом невежественного и недостойного человека, каноники той Церкви попытались обратиться к архиепископу Турона и епископам Орлеана и Бовэ, чтобы те ходатайствовали перед королем, чтобы тот излечил рану, нанесенную им церковной дисциплине, и написали в своем письме следующие слова: «пусть должное королю почтение, не замедлит ваши действия, будто бездействие доказало бы ВЕРНОСТЬ по отношению к нему. Поэтому вы будете истинно ВЕРНЫМИ ему, если исправите в его королевстве все, что нуждается в исправлении, и обратите его сердце к справедливым желаниям». Это письмо находится у Шартрского епископа Фульберта.

Одна из самых сильных причин, почему Церковь никогда не желала, чтобы дело назначения епископов оставалось в руках светской власти, было то, что она видела неизбежность при этом симонии. Каллист II на соборе в Реймсе, на котором обсуждался вопрос конкордата Церкви с Генрихом, заявил, что он ничем бы не погнушался, только бы изгнать симонию из Церкви, *quae maxime*, – сказал он – *per investituras contra Ecclesiam Dei innovata erat* * [которая с новой и великой силой ополчилась против Церкви Божией, благодаря инвеститурам]. Великий понтифик Пасхалий еще прежде сказал, что светское влияние на распределение епископских мест было КОРНЕМ симонии, и в 1002 году вновь запретил отдание в руки мирян Церквей и церковного имущества. Факт этого влияния всем бросился в глаза: самые святые прелаты Церкви не прекращали осуждать его. Досточтимый епископ Лукки св. Ансельм назвал зависимость епископств от воли светских властей рассадником симонии, и выразил уверенность, что христианская религия не сможет долго продержаться с такими порядками. Следовательно, в Церкви было желание покончить не только с самой симонией, но и с ее *корнем* и с ее *рассадником*. И что же? Надо ныне простить и корень и рассадник только потому, что они не на виду? Потому что они скрылись под землей? В такой бессмыслице хочет нас уверить льстивое законодательство, но разве долго может длиться убеждение, не подкрепленное твердостью истины? Не может длиться, ибо в мире должна длиться и пребывать Церковь Христова.

Тому, кто хочет убедиться в верность этого предположения, достаточно вспомнить то, что произошло с другим Генрихом, то есть с великим королем Франции. Папа требовал лишь одного: чтобы французы имели короля католика, и не питал никакой личной вражды к Генриху, не имел никаким политических претензий в этом деле.

120. Это желание найти в епископате средство и поддержку *per fas et nefas*, вовсе не преподает народам почтение к справедливой власти, но соделывает их рабами любого господства. Это принцип, от коего так трудно освободиться светскому правительству, именно он и побуждает его избирать епископов, роковых для Церкви, которые пусть случайно (а ныне без этого уже нельзя обходиться) имеют такую церковную внешность, но на самом деле не являются свободными рабами Божиими, а лишь переодетыми в епископов слугами государей. Поэтому, из соображений верности, которой они должны обладать, целесообразно иметь людей, привязанных к земным благам, и тщательно избегать выдающихся личностей, возвышенных над всем земным, которые в полученных от государя богатствах и знаках отличия не видят ничего иного, как довлеющее над ними ничтожество, и бремя, которому они без радости, но с покорностью и ради любви к Богу подставляют свои плечи. Эти евангельские мужи, которых истина соделала свободными, наводят страх на земную политику, как рифы и препятствия ее тщетным начинаниям. Поэтому Церковь так редко видит их сияние (в противоположность первым временам) на епископских кафедрах, а миру не достает искренних проповедников Евангелия, не достает вечной справедливости учителей и священников, не достает принципов, преподанных истинно верными друзьями и советчиками.

Но эта причина, что епископ должен уметь в одно и то же время быть лояльным слугой своему государю и проповедовать истину, доказывает сказанное прежде, что для епископства не достаточны посредственные души. Слишком много внутренней силы и благоразумия требует это служение. Слишком много великодушия потребовал от епископа Тот, Кто сказал: «добрый пастырь положит душу за своих овец». Эти слова не совет, а жесткое обязательство. Поэтому человек, честный в повседневной жизни, на епископской кафедре превращается в волка, или в немного пса, как Писание называет пастырей, не умеющих умирать или лаять. И какой король внимателен к тому, чтобы поставлять епископами только тех, кто показывает себя достаточно

целомудренным и твердым, кто может умереть, но только не умалчивать при случае о правде? 121. Кроме этих, и другие неудобства добавляются к назначению епископов со стороны короля. Короли и их правительства рассматривают епископов, как политических чиновников, поэтому избирают их согласно той политической системе, которая утвердилась в правлении. Естественно, в таком случае требуется, чтобы эти епископы воспринимали те же самые политические установления. В таком состоянии епископы более не могут оставаться удовлетворенными изучением вечных правил истины и справедливости, избегая участвовать в политических доктринах, не могут довольствоваться установлением и сохранением мира и любви среди людей посредством вечных и всеобщих установлений Евангелия. Следовательно, неизбежно, там, где поставление епископов находится в руках светской власти, что система, согласно которой это поставление происходит, является изменчивой, подобно тому, как изменяются принципы правительств и министерств. Так происходит, что епископами сегодня избираются люди какого-то одного цвета, а завтра — совсем другого, так что никогда не поставляются люди белые и чистые, не запятнанные никаким цветом. Получается, что эти назначения удовлетворяют все возможным интересам и даже личным страстям, кроме духовного блага народов и сохранению Церкви Иисуса Христа.

122. Я не вхожу в объяснение всего, что может быть опасным для Церкви и для самого государства в назначении епископов светской властью в том случае, если правитель родится слабоумным или станет преступным и врагом Церкви, или будет окружен преступными и враждебными Церкви министрами. Слишком хорошо известно, что происходило в таких случаях, как и хорошо известно, с какой легкостью вводили в заблуждение правителей алчные еретики и учителя лжи, мастера придворной лести и религиозного соблазна, всегда кишащие при дворе, ищущие там поддержки не только у нерадивых правителей, но и у наилучших из них. Надо сказать, что самые ревностные покровители Церкви, в конце концов, остаются наиболее жестоко соращены и введены в соблазн. Ересь всегда скрывалась под покровом благочестия, богословие же мирян не настолько глубоко, чтобы суметь распознать их вовремя. Ересь изъясняется сладкими речами, возбуждает амбиции, она снисходительна к расслабленности и страстности, ей ничто не стоит симулировать и лгать. Следовательно и добрые правители в подобных обстоятельствах назначают еретических епископов, которые симулируют католическое учение до тех пор, пока усилившись и совротив нацию, не оставляют видимость и не снимают с лица маску. Всем этим полна недавняя история Церкви. Но я буду говорить об опасности еще большей из-за своей скрытности, буду говорить о нынешнем зле.

123. Некая сила неустанно работает в наше время и с давних пор в каждом уголке земли, чтобы распространить самые ядовитые семена схизмы в Церкви Божией. К сожалению образовалась схизматическая система, но сама схизма еще совершенно не видна, ибо еще не разразилась в полную силу. Поэтому создатели этой системы, многие из которых являются благоверными, произносят самые что ни на есть соблазнительные слуху всех европейских правителей слова, заставляя их верить, что эта система есть необходимый бастион для поддержания их власти и авторитета. Они учат противоположной католицизму системе, и вероломно обвиняют последний, провозглашая его чисто человеческой выдумкой, злом, изобретенным гордыней главы Церкви. И как же смогут правители противостоять подобному соблазну? Разве в состоянии они иметь столько проникновения, столько бесстрастия, столько любви к истине, чтобы составить правильное сравнение между схизматической системой, о которой мы говорим, и истинно католическим учением? Конечно же не в состоянии. Для них нет иного пути найти истину, как заградить свой слух перед частными и лишенными миссии учителями, открыв его пастырям Церкви, но слушая последних с учетом иерархической степени каждого, веря, в конце концов, слову Христа, сказавшего, что Свою Церковь Он воздвиг на Петре. Слова эти станут неоспоримым обвинением против тех государей, которые предпочтут голос иного учителя голосу главы Церкви. К сожалению, каждый правитель имеет своих теологов, к сожалению, каждый из них, быть может, верит, что будет прощен перед лицом Господа, если будет следовать советам какого-нибудь епископа из своего королевства. И что же? В какой порочный круг входит он тем самым? Разве не он сам назначал этих епископов? Разве не он остановил свой выбор на этих частных теологов? И если все это так, каким же образом он может увериться в том, что слышит от них глас Божий? Как он может убедиться, что именно Церковь говорит с ним? Церковь, если он хочет слушать ее, должна быть свободной, а не рабыней; должна быть устроена по иерархическому порядку, и не может быть членом Церкви тот, кто противоречит целому. Иначе не будет существовать мнения, каким бы странным оно не было, которое невозможно будет оправдать голосом частных теологов или верных государю епископов. Не так обнаруживается истина. Правитель найдет в своих советниках лишь самого себя или их собственные интересы.

Именно поэтому схизматическая система, о которой я говорю, преобладает и, к сожалению, уже преобладала повсеместно. И разве есть более могущественное средство для все большего поощрения этой системы, чем назначение епископов светской властью? Совершенно очевидно, что там, где есть правители, пропитанные этой схизматической системой, они назначают епископами людей, об убеждениях которых заранее осведомлены. Именно поэтому схизма скрыта, как огонь в раскаленных углях. Совершенно очевидно, что даже папа, имея право утверждать назначенных епископов, не может помешать этому потайному разрушению Церкви. Если, например, схизматическая Церковь Франции, объявленная по случаю конкордата Наполеона с папой Пием VII, была меньшей частью французской Церкви, за это мы должны быть благодарны счастливому несоответствию того особенного духовенства, которое, следуя национальной гордости хоть и положила в Европе основу схизматической системе, но благодаря справедливому чувству благочестия на практике не осталось верным собственной тщетной теории. И если эта маленькая схизматическая Церковь не смогла завоевать всю Церковь Франции, или всю Католическую Церковь, как могло бы произойти при других обстоятельствах, то единственно благодаря промыслу Божественного Провидения, которое позволило, чтобы политика царствующего во Франции властелина, подчинившего все своему железному скипетру, была связана с истинной Церковью и с великим понтификом, из-за чего схизматическая партия осталась обесиленной, хотя и не побежденной.

124. Сколько бы не было злоупотреблений и беспорядков во время диоцезальных или областных выборов епископа, они всегда останутся частными, растление следующее за ними никогда не сможет объять весь народ, если только беспорядки не будут превращены в обычай, если только выборы не будут направляться самим адским злом, влияющим на развращение целых государств. Но раз назначение епископа отдано в руки правителя, то вообразим себе, какая огромная возможность делать зло сосредоточена в воле одного человека! Если же назначение отдано в руки кабинету министров, то вообразим себе, какая ужасная мощь скапливается вне Церкви, мощь, которая своим действием способна пережить личности правителей и длиться столько же, сколько длятся доктрины, усвоенные кабинетами!

К сожалению, схизма уже произошла! Тайно заложены ее первые камни по всей Европе: и они совершенно противоположны тем камням, на которых зиждется храм Господний! Однако с точки зрения наиболее благоразумных века сего все идет хорошо. С точки зрения иных, еще более благоразумных, необходимо, чтобы католики не имели смелости поднимать голос: необходимо строго соблюдать совершенное молчание, чтобы не вызывать возбуждение и ненавистный шум, ибо все, что может оказаться причиной смуты является неблагоразумием и дерзостью. Этот вид благоразумия представляет собой самое ужасное оружие, которое угрожает Церкви. Оно угрожает Церкви слепо, и тот, кто обличает эту угрозу, раскрывают предательство, объявляется вольнодумцем и нарушителем общественного спокойствия. Между тем Церковь стонет, имея все основания повторить слова пророка: «в мирное время горесть моя сделалась горчайшей». Следовательно, если какой-нибудь голос, прервав мертвое молчание, поднимается, чтобы поведать о средствах спасения, которые еще остаются у Церкви, заметьте, откуда он слышится: как правило, он исходит от какого-нибудь простого верующего. Скорее всего это бедный священник, у которого достает смелости. Именно два бедных священника совсем недавно, пользуясь возможностью, которую дала Революция, отказавшаяся от католической религии ради религии государственной, дерзнули предстать с мольбой перед епископами, предоставляя их вниманию следующие рассуждения о назначении на кафедры:

“До тех пор, — говорили они, обращаясь к епископам Франции, — пока главные иерархи являются избранниками религии, ей нечего бояться. Ни гонения, ни голод не страшны ей, ибо ни гонения, ни голод не смогли уничтожить Церкви Востока, Германии и Англии. Они погибли по причине развращающего влияния власти на поставление епископов: либо епископы продавались в полное распоряжение власти, либо они не знали до какой меры свободные и верующие люди могут сопротивляться нечестивой воле правителей. Ныне настал ваш черед, о святые мощи наших епископов, выдержать слепую атаку власти. Она уже оглядела ваши поседевшие в прошлых невзгодах головы, посчитала ваши годы и сама развеселилась, ибо несомненно, что настало время человека. Постепенно, по мере того, как вы будете потухать, ваши места займут священники, пользующиеся ее доверием, присутствие которых уменьшит ваши ряды, не повредив единства. Остаток стыда позже будет стерт их действиями, тайная их гордыня заключит ужасные договоры. И последний из вас, умирая, сможет спуститься под главный алтарь своего кафедрального собора с уверенностью, что его личные похороны станут похоронами всей Церкви Франции».

125. И что же? Разве Церковь останется покинутой? Разве не останется надежды, что

католицизм сможет вновь подняться, и что снова смогут стать свободными выборы епископов, без которых Церковь не может существовать? Нет, не остается никакой надежды: вся сила на стороне схизмы, на стороне же Церкви одна немощь. Ни епископы, ни сам великий понтифик не могут помочь несчастью. Но это состояние Церкви не ново: и в другие времена Церковь не полагала надежды на людей, или, точнее, она никогда не полагает надежду на них, ибо Провидение, находящееся выше людей, сохраняет за собой всю славу, ибо должен быть прославлен невидимый Глава Церкви Иисус Христос. Он восторжествует, тогда как Его враги верят, что уже одержали победу, а Его друзья лишились всякой помощи кроме Него. Именно в свободе выборов, без которой Церковь гибнет, всегда виделось вопреки всем человеческим предположениям сияние всемогущего промысла Того, Кто получил от Отца «всю власть над небом и землей».

126. Христианский народ, и христианская нация, член этого народа, имеет поистине божественное право, то есть право на факт, ведь все факты происходят по божественному праву, ибо Бог и только Бог есть единственный ведущий всех фактов. Горе тому, кто преступит эту конституцию! Горе народу, который нарушит ее законы! Несчастья умножатся у него в таком количестве, что не прекратятся смуты и раздоры до тех пор, пока не возвратится и не восстановит Конституцию, о которой мы говорили. Вот каковы простые, всеобщие и неизменные законы этой конституции.

Она стоит на двух стержнях: 1) верховность закона, 2) универсальный факт, итог всех событий. Это значит, что в начале имеется верховная законодательная власть, или власть, провозглашающая высшие законы, и власть, санкционирующая их. Эти две власти никогда не объединяются в одной личности, но всегда принадлежат разным людям. Сейчас объясню. В среде христианского народа поставлен непрерывный голос, который вещает евангельские законы, представляющие собой совершенную справедливость. Этот долг возложен на Церковь. Она является законодательной властью. Но откуда она берет свою санкцию? — Санкцию не иной, а этой жизни? Церковь безоружна (имею в виду вещественное оружие) и сущая ее природа читается в словах, посредством которых Христос послал апостолов на служение: «вот, Я посылаю вас, как овец среди волков». Земная санкция чужда природе Церкви, она имеет другую власть, ибо Бог разделил закон от его санкции. Он доверил Церкви вынесение закона, и лишь за Собой сохранил право санкционировать эти законы также и в земной жизни, чтобы ни один человек не смог похваляться или господствовать над себе подобными: это право не принадлежит ни Церкви, из-за ее физической слабости, ни тем более светской власти, ибо грубая сила не может быть основой для человеческой славы. И все-таки Бог не санкционирует церковные законы посредством чудес и знамений, ибо Он организовал среди Своего народа санкцию закона, которую провозглашает Церковь, то есть Он составил народ верных таким образом, что он ощущает счастливую необходимость своими силами санкционировать божественный закон. Тем самым Бог доверил санкционирующую закон власть Своему народу, и все то, что я приведу в объяснение этого утверждения, никого не должно вводить в подозрение.

В христианском народе, то есть в любой нации, которая принадлежит к нему, фактически действуют три власти: власть верховная или правящая, власть оптиматов или благородных и, наконец, власть плебеев. Случается, что там, где одна из трех властей оказывается виновной, она находит оппозицию и свое наказание в двух других, которые объединяются вместе, для того, чтобы защитить справедливость от третьей власти, которая нарушает закон. Все сказанное мной составляет исторический факт, поэтому я воздерживаюсь от того, чтобы в изложении касаться какого-нибудь правового вопроса. Для того, чтобы каждая власть держалась в подобном подчинении, препятствующем ей безнаказанно грешить, совершенно необходимо, чтобы две из вышеуказанных властей всегда были сильнее третьей, ибо только в этом случае их временный союз в защиту справедливости может быть санкцией самой справедливости. Эта санкция будет тем более действенной, чем более будут две союзные власти сильнее третьей, оставшейся в одиночестве, справедливость же будет тем более защищена и обеспечена. Поскольку вина за несправедливость может пасть на каждую из трех властей, то наилучшим для справедливости распределением сил, несомненно, та, «при которой санкция справедливости против преступающей власти будет наибольшей из возможных». Из этого следует заключение, что наиболее благоприятным для справедливости распределением сил в христианском народе является то, которое устанавливает совершенное равновесие между тремя властями, так чтобы каждая из трех сил имела одинаковую мощь, каждая преступающая свои полномочия власть, находила в двух других дважды превосходящее ее возможности препятствие. Если случается, что одна власть оказывается сильнее двух других вместе взятых, тогда хотя бы потенциально дело имеем с *тиранией*. Если две власти объединяются в поддержку несправедливости и подавляют

меньшинство, то в этом случае происходит *заговор против государства*. Но если все три власти восстают против справедливости, а это может произойти не ради подавления самих себя, а только против Церкви, тогда народ теряет кафоличность, а позднее откалывается и от христианства: следовательно, это называется *ересью* или *нечестием*. Таковы три основных заболевания христианского гражданского общества. Трудно сказать, ради чего существует народ отколовшийся от Церкви и отдаленный от истинного учения: этот народ более не принадлежит к народу Божьему, он причисляется к порядку неверных народов, или должен кончить тем, что будет причислен к ним. Неверные же народы становятся объектом собственных несчастий. Судьба отколовшегося от Церкви народа гораздо более тяжела чем судьба народа неверного, ибо он получает в себя закон вырождения, который не дает нам возможности предсказать его дальнейший путь, если только другие причины не мешали неустанному действию этого закона, ибо не существует в истории народа, который исчерпал бы все изменения, куда бросает его действие этого рокового закона, и который бы не вернулся на прежний путь, устранившись от открытой впереди пропасти, и приблизившись или вновь войдя в лоно Католической Церкви. Оставим поэтому этот случай смерти по причине *отступничества*, и вернемся к двум другим несчастиям христианских народов, то есть к тирании и заговору против государства. Я утверждаю, что католический народ, подвергнутый этим несчастиям не перестанет возмущаться, пока не исторгнет из себя зародыш своей болезни и не восстановит закон своей божественной конституции, который состоит в том, чтобы две составляющие его власти всегда были сильнее третьей и были бы в состоянии санкционировать нарушенную со стороны третьей справедливость.

127. Эту присущую христианским государствам конституцию Божественное Провидение всегда использовало для произведения епископских выборов, когда одна из трех властей покусилось на их узурпацию. Было время, когда сословие благородных препятствовало выборам, используя все средства, чтобы стать их единственным арбитром. Тогда Божественное Провидение прибегло к согласию правителей с народом для того, чтобы вернуть Церкви ее право и вновь сделать выборы свободными. Другой раз злоупотребление происходило от народа, и это также было преодолено, ибо Церкви помогли правители и аристократия. Бессмертны благодеяния, оказанные Церкви благочестивыми монархами, — она будет помнить о них до скончания века! Наконец, сами монархи захватили и жестоко покорили свободные выборы. Это положило начало великой войне во времена Григория VII, когда Церковь была отвоевана аристократией и народом от монаршего произвола. Когда усмирены были правители, снова подняло голову сословие благородных и ловко овладело как выборами, так и епископскими кафедрами, направляя дела так, чтобы выборы зависели от кафедральных капитулов, которые превратились в сточную канаву аристократии, учитывая обязательные во всех случаях исключения. К тому времени, однако, верховная власть опять усилилась против все более ослабевающей аристократии, и вскоре подавила ее окончательно. Тогда правители получили возможность назначать епископов, то есть безоговорочно влиять на выборы. Но это влияние было узаконено под видом покровительства, оно приводилось в действие осторожно и с соблюдением внешнего приличия, украшалось всеми дипломатическими ухищрениями. И все же схизма становится все более неизлечимой. Кто спасет от нее Церковь? Кто спасет от нее мир? Кто спасет от нее троны, уже уставшие приготавливать себе самые жестокие пытки и самые странные препятствия? Какой из трех властей достанется на долю от Божественного Провидения привести в действие закон справедливости, и вернуть Церкви ту свободу существования, которой никогда не касалась безнаказанно смертная рука? Только один взгляд на землю и ответ готов. Ужасная санкция Божественного Провидения более не скрывается во тьме, ее уже не надо угадывать. Она уже началась и звучит в разных точках Европы и мира. Англия и Ирландия, Соединенные Штаты и Бельгия уже владеют свободой избирать епископов. Ничто уже не удержит Провидение от того, чтобы вернуть Церкви эту свободу во всех народах земли: пусть монархи будут уверены в этом. Народы, именно народы и есть тот бич, которым пользуется в этом случае Провидение. Восстания отвратительны: но кто же их ненавидит более Церкви? Кто их осуждает более чем она? Но все то, что не может Церковь, все, что не могут добрые, может и совершает власть Иисуса Христа, Который есть Господь царств и народов, покоряет Своей воле все творения и всегда извлекает добро из зла. Он применит и длань злых согласно Своим намерениям.

128. Да, посмею сказать, что всеевропейская смута неизбежна, ибо единственным средством, чтобы избежать ее. Было бы восстановление Церкви Божией в ее полной свободе и отношении к ней со всей справедливостью и смирением. Но это средство и единственное, которое отказываются видеть. Все средства пускаются в ход от военных действий до самых благоразумных переговоров, но все эти средства похожи на крайнюю помощь умирающему,

которая оказывается ему с такой заботой и бдительностью, и которая достигает многого, если на несколько минут продлевает его предсмертные муки. Может не достает ума? Нет, не достает веры: не достает нужного количества любви к справедливости. Нет веры в то, что Церковь имеет миссию, которая любой ценой должна быть исполнена: человек убеждает себя, что может обойтись без нее. Таким образом, неверие лишает и разума, то есть лишает возможности понять святой и всеобщий крик христианских народов — крик о свободе. Эти народы утверждают, что восстали не ради истинной причины. Тем самым они лгут самим себе, ибо на самом деле истинная причина их возмущения глубоко осознана ими, а не достает одной лишь способности выразить ее. Пусть же будет известно всем, что христиане, будучи свободными по своей сущности, не могут служить человеку, не видя в нем Бога. Служить они могут лишь при одном условии: если будут получать от церковного учения евангельский закон смирения и кротости, преподать который уже не способна поработенная и презренная всеми Церковь. О, если бы поняли эту истину!

Знаменитый кардинал Гоффредо * [аббат Вендомского монастыря Пресвятой Троицы во Франции, ставший кардиналом в 1094 году; † 1132 – Galantino 1997, p. 305] писал по этому поводу папе Каллисту II: *ex jure autem humano tantum illis debemus, quantum possessionem diligimus, quibus ab ipsis vel a parentibus suis Ecclesia ditata et investita dignoscitur.* * [согласно человеческим законам настолько мы ему (земному владыке) должны, насколько почитаем имение, одаренной которым от него или от его родственников находим Церковь, – *De ordinatione episcoporum*, PL 157, 219].

Ин X, 11.

Арианство распространилось именно этим способом, более того, нет все ереси получили распространение только благодаря поддержке королевских дворов и самих государей, которые позволили себя совратить искусным еретикам! Сколько епископов еретиков навязано Церкви грубой силой светского правления! Стоит только перелистать историю Церкви, как обнаруживаются полные этих грустных повестей страницы. Именно такие епископы еретики в XVI веке разрушили епископат с помощью светской власти в Англии, в Швеции и других странах. Следовательно, светская власть своими силами никак не может защититься от наступления ложных религиозных систем, если не звучит здесь иной голос, живой, властный и постоянный. Разве можно всегда созывать Вселенский собор? Разве всегда доступен этот чрезвычайный суд? Но что же тогда делать? Входить в заблуждение? Нет, следует открыть Евангелие и прочесть: «Я основал Церковь мою на камне». Пусть же верят в Евангелие.

Есть одно неоспоримое свидетельство, ибо его нельзя заподозрить в противлении абсолютной власти: я говорю о Ришелье, который считал схизматической системой *галлицизм*. Он находил схизматический дух и в том, что «поместная Церковь притязает на решение вопросов такой важности, которые касаются интересов всей Церкви и всех христианских государств: по этой причине подобные вопросы относятся к компетенции высшего суда верховного понтифика и Вселенского собора». И что же? Если Церковь отдельного государства, если один или другой епископ, советник, профессор теологии, дерзает не только решать, но решать против самой практики Соборов и понтификов? Или против их явных постановлений? Разве это не образ действия схизматика? Разве можно вообразить христианского правителя, который мог бы быть оставаться со спокойной совестью, придерживаясь мнения этих частных учителей? Разве может он сказать, что достаточно тщательно искал истинное учение Католической Церкви? Разве может он с так же спокойно верить, что не действовал лишь в угоду собственным правам и в ущерб другим.

* [Ср. *Ис XXXVIII, 17*].

* [Фактом я называю любое действие, которое или передает свое следствие вне себя, или остается в себе, оставаясь при этом связанным с изменением или (в наиболее общем смысле) с движением.

Я не нуждаюсь в описании всех различных видов возможных действий, но заявляю, что пони-

маю под этим словом всякий вид имеющегося действия. (А. Розмини, «Новый опыт о происхождении идей», п. 617)].

Когда говорю, что события происходят по воле Бога, это должно пониматься здраво. Я не намереваюсь оправдывать злые события, противоречащие божественному закону: намереваюсь только сказать, что все происходящее и по допущению свыше имеет провиденциальное происхождение и цель, направленные во славу Иисуса Христа. Именно этот последний результат всех мировых событий и принадлежит божественному праву.

Мф X, 16.

Церковь определенно имеет власть по-разному санкционировать свои законы, но здесь не имеются в виду эти чисто церковные санкции, мы говорим о верховной санкции, которой всегда достаёт полной действительности.

В VIII веке епископства были завоеваны вооруженной аристократией по причине феодализации. Карл Великий и Пипин Короткий защитили Церковь, и этот последний с этой целью получил от папы Захария * [10. XII. 741 – 22. III. 752] привилегию назначать епископов *ad personam*.

Наблюдаются два периода в покушениях аристократии и верховной власти на свободу выборов: в первый период речь шла об их узурпации при помощи неприкрытой силы; во второй период действия были скрытыми, искусными и достигли своей цели посредством неощутимых шагов. Во Франции верховная власть объединилась с народом против свободы Церкви и против сословия аристократов, и потому имел место заговор против государства. Во время собрания 1615 года третье сословие поддерживало галликанизм, а католическая система защищалась со стороны духовенства и аристократов.

В 1673 году духовенство снова поддержало эту благую позицию. Но в 1682 году оно стало противоречить своим отцам. Назначенное королем духовенство под деспотической властью Людовика XIV всецело принадлежало королю. Тогда галликанизм принял наиболее регулярную форму и одержал полную победу.

Но чего стоил этот заговор верховной власти и народа против государства и Церкви? Он стоил поражения королю. После того, как благородное сословие было почти уничтожено, король оказался один на один с народом, им самим поднятым. Две власти, одна против другой, при отсутствии посредника долго не могут быть в согласии: в результате народ изгнал короля и убил его. Вот какой урок! Насколько фальшива политика, которая думает лишь о том, чтобы сделать верховную власть беспредельной! Исключения совпадают между собой, и тот, кто беспредельно возвышается, наиболее жестоко падает.

Замечательно, что кардинал Ришелье стоял за Церковь против галликанизма, но именно он подготавливал его триумф, став самым сильным инструментом подавления аристократии в пользу королевского абсолютизма. Этот великий человек не видел последствий того, что делал. Сколько же таких, кто имеет вид прозорливца, но по-настоящему близорук, обманываясь подобным же образом!

* [В первом издании трактата Четвертая глава заканчивалась на этом месте. Позднее Розмини выражал недовольство тем, что были исключены его хвалебные слова по адресу последнего императора Священной Римской империи Франца I (1768 – 1835). – Galantino 1997, p. 317. Хотя эта вдохновенная речь, обращенная к австрийскому монарху и состоящая из четырех восклицательных предложений, приводится во всех современных переизданиях сочинения, мы решили следовать примеру первых издателей, чтобы не понижать остроты как четвертой главы, так и всего трактата в целом].

Глава V. О язве на левой ноге: порабощение церковного имущества

129. На основе всего, рассмотренного доселе, становится ясно, что падение языческого Рима, предсказанное в Писании под именем Вавилона, в Домостроительстве Всевышнего Провидения было не только делом справедливости, мстящей за кровь мучеников и искореняющей последние

остатки идолопоклонства, но и повелением той божественной политики, посредством которой Царь царей земных управляет человечеством, чтобы разрушилось древнее и обветшалое общество, и взамен его возникла бы новая дочь Церкви Богочеловека, отмеченная священной и неизгладимой печатью, бессмертная, подобно своей Родительнице, и вместе с ней идущая по пути бесконечного развития новой и неизведанной культуры. Однако славу, которая после такого труда должна была объять божественный элемент Церкви Христовой, необходимо было умерить и почти уравновесить смирением ее человеческого элемента, чтобы вся польза от происшедшего была бы приписана Богу и Его Христу, а не человеку. Поэтому Бог допустил, чтобы варвары-завоеватели, получившие свыше поручение разрушить Римскую империю, и, сами того не зная, подвигнутые стать последователями святой Церкви, ввели феодализм, который, в конце концов, подавил свободу Церкви, что и стало основой всех ее бедствий. По этой причине, никакого притока богатств не хватило бы на то, чтобы повергнуть духовенство в ту пропасть, которую мы видели; тем более недостаточно было бы ничтожных последствий земных владений, даже если бы они были независимы. Бог воспользовался верховной властью и для того, чтобы сохранить в неприкосновенности свободу Апостольского престола, чтоб хотя бы глава Церкви оставался вне всеобщего порабощения и когда-нибудь смог бы принести свободу ее членам. Это последнее великое дело остается еще не свершенным для Рима.

130. Да, феодализм был единственным, или, по крайней мере, важнейшим источником всех зол, ибо, будучи смешанной системой профанной варварской власти, совокупностью вассальных отношений, основанных на мирских принципах, он отгородил духовенство от народа (первая язва) и разделил само духовенство на две части, которые так несправедливо были названы духовенством высшим и низшим. Таким образом, на смену объединяющим духовное сословие отеческим взаимоотношениям пришли разделяющие его отношения между господином и рабом. Отсюда происходит пренебрежительный подход к образованности духовных лиц (вторая язва). К этому прибавилось еще разобщенность среди высшего духовенства, то есть между епископами, забывшими братство и помнящими лишь о господской ревности как ради себя самих, так и ради правителя, которому они приходились вассалами, так что каждый епископ оставался отделенным от народа и отлученным от остального епископата (третья язва). Феодализм, являясь порабощением, подчинил епископов земному владыке в качестве верных его людей, и недостойно приковал Церковь вместе со всем ее именем к колеснице светской власти, понесшей ее по всем ухабам и спускам, на которых эта власть в своем обманчивом и ненадежном движении часто подсакивает и крушится. И после тысячи унижений и невзгод, оставшись без полученных владений, Церковь оказалась настолько обессиленной, что уже не умеет сохранить за собой и защитить назначение своих пастырей (четвертая язва). Говорю, что феодализм поработил Церковь со всем, что ей принадлежало, ибо варвары завоеватели, привыкшие признавать лишь вассалов, пересмотрели все церковные отношения с точки зрения этого своего инстинкта. Учитывая такое состояние дел, льстивые законники сумели свести к правовой теории варварский деспотизм, фактический победивший во всем. Они стали проповедовать, что «основное во всем притягивает к себе дополнительное», понимая под основным королевские феоды и тем самым утверждая, что и церковные владения должны были рассматриваться как феодальное имущество. Таким образом, феодализм поглотил собой все, не оставив свободными ни людей, ни церковные владения.

131. Оставляя в стороне вопрос о власти, которая осуществилась лишь на Римском престоле, да и не могла бы осуществиться в другом месте, по крайней мере, в течение долгого времени, ибо, будучи властью свободной, она не влекла за собой недостойного рабства, я утверждаю, что растлевают и унижают духовенство не свободные богатства, а порабощенные. Именно порабощение церковного имущества стало ненавистной причиной, в силу которой Церковь не смогла ни сохранить свои древние установления о церковном имении, ни свободно и согласно собственному духу распорядиться приобретением, пользованием и распределением этого имения. Такое отсутствие надлежащей свободы в распоряжении и пользовании церковным имуществом, согласно с древними установлениями и церковным духом, и является пятой язвой, которая ранит и истязает ее мистическое тело.

132. Феодализм по большей части уже пал, и продолжает все более и более рассеиваться перед лицом развития народов, подобно тому, как тень бежит солнечного света. У Церкви больше нет феодалов. Но феодализм пережили его правовые принципы, привычки и дух: ими и вдохновляется политика правительств. Современные законодательства унаследовали от средних веков это плачевное наследие. Мы укажем на причину, чтобы стали ясными последствия.

133. Ранняя Церковь была бедной, но свободной: гонения не отнимали у нее права на самоуправление, и даже насильственное разграбление церковного имущества не угрожало ее

истинной свободе. Она не знала ни вассальной зависимости, ни протектората, еще менее подлежала она внешнему попечительству или опекунству: под этими вероломными и предательскими именами было введено порабощение церковного имущества, и с тех пор стало невозможно для Церкви, как мы уже говорили, следовать древним установлениям о приобретении, употреблении и распределении своих вещественных благ. Забвение этих установлений, которые лишали мирские блага всего, что в них было обманчивого и развратного, привело к крайней опасности. Поэтому мы должны рассмотреть важнейшие из этих установлений.

134. Первое установление, которое касалось приобретения имущества, состояло в том, что оно должно было предлагаться Церкви непосредственным образом. «В какой дом войдете, — сказал Христос апостолам, — сперва говорите: «мир дому сему».... В доме же том оставайтесь, ешьте и пейте, что у них есть, ибо трудящийся достоин награды за труды свои». Эти последние слова стали нормой для апостолов, о которой многократно упоминал святой Павел. В силу этих слов Христос заповедал верным поддерживать евангельских тружеников, а последним дал право пользоваться такой поддержкой. Это было настоящим предписанием, но предписание не лишает действие его непосредственности, ибо непосредственным должно было быть само внутреннее принятие Евангелия и включенность в корпус верующих. Непосредственность в человеческих действиях может прекратиться лишь тогда, когда обязанность становится насильственной. Христос же не прибегал ни к каким санкциям, кроме следующих: «Если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших». Божественной справедливости дано право наказывать преступающих это предписание, согласно кроткому духу божественного Законодателя, Который не преминул обещать, что в свое время сумеет и наказать. Случай с Ананией и Сапфирой доказывает то же самое: «Чем ты владел, — сказал первому Петр, — не твое ли было, и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось?». Так же и сборы, организованные апостолом Павлом в Галатской и Коринфской Церквях, чтобы придти на помощь нуждающимся христианам Иерусалима, вменены духу братской любви и приличию каждого: «в первый день недели каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает, сколько ему позволит состояние».

135. Более того, предписание, данное Христом о поддержании духовенства народом, не имеет в виду ничего кроме первой необходимости, и это подтверждается словами о том, что евангельские труженики должны были «есть и пить в любом доме, куда бы они ни вошли» — *edentes et bibentes quae apud illos sunt*. Поэтому и Павел, основываясь на способе выражения, который употребил Христос, пишет Коринфянам: «или мы не имеем власти есть и пить?». Если первым верующим была предоставлена была свобода в способе оказывать поддержку духовенству, хоть это и было предписано, насколько же свободными и непосредственными могли быть по своей природе пожертвования, превосходящие грань первой необходимости?

136. К концу второго и в начале третьего столетия Тертуллиан сообщает нам, что эта прекрасная непосредственность еще сохранялась. «Каждый, — говорит он в своем сочинении «Апологет», — ежемесячно или, когда хочет, откладывает несколько денег, ибо никто не принужден, но делает это непосредственно. Это как бы вклады милосердия».

То же самое наблюдается более или менее во всех прекрасных столетиях церковной истории, когда Церковь желала и повелевала, чтобы верующие не только не были принуждаемы к пожертвованиям, но и не побуждались к оным посредством искусственности и лжи. Еще в IX столетий Третий Шалонский собор издал правила, чтобы сохранить в неприкосновенности от подобных злоупотреблений непосредственность пожертвований, которые верующие предлагали Церкви.

137. Закон о десятине, который Бог возложил в ветхозаветные времена на левитов, не был подтвержден Христом в Новом Завете. Причиной же этому, как я думаю, было, то, что Творец благодати не пожелал добавить никакой положительной тяжести тому, что требовалось самой природой вещей, а природа вещей требовала лишь того, чтобы духовенство было поддерживаемо народом, на пользу которого оно трудилось, но это вовсе не указывает на определенную меру помощи, ибо последняя должна может быть большей или меньшей, смотря по необходимости, и в зависимости от числа трудящихся, а утверждение определенной меры означало бы предписание в некоторых случаях избыточного количества, иногда же — недостающего. Но поскольку Сам Господь не запрещал подобного пожертвования, а оставил его свободному выбору верующих, они, особенно же те, кто происходил из синагоги, с первых же веков предлагали его непосредственно, согласно древнему установлению. Еще в VI веке, кажется из-за настояния наиболее верных древнему обычаю епископов, Юстиниан не только запрещал применение силы для получения пожертвований, но и возбранял применение церковных

наказаний.

Церковь имела возможность превратить в предписание то, что ранее было обычаем, как она и сделала, начиная с VI века, лишь в некоторых местах, а потом и повсеместно, ибо она нашла этот способ наиболее подходящим или необходимым для обеспечения духовенства, но непосредственность пожертвований прекращалась лишь при вмешательстве светской власти, которое произошло в VIII веке вместе с развитием феодализма.

138. Нужно отметить, что Евангелие ввело в мир новый вид права, которое мы можем назвать *церковным правом*. В начале было известно, с одной стороны, только право, основанное на строгой справедливости, а с другой, — милостивые действия: первое допускало применение внешней и неумолимой силы, вторые же оставались совершенно произвольными. К этим двум формам нравственных действий божественный Законодатель, преобразивший землю, добавил и третью, примером которой и служит право жить от алтаря, которое Он предоставил священнослужителям, присовокупив к этому праву и угрозу небесной кары. Такой же природой обладают и церковные постановления о канонических и духовных наказаниях, ибо наибольшая кара, присущая Церкви состоит в отлучении непокорного и преступника от корпуса верных и в лишении его общения с ними. Этот вид наказаний, при помощи которых Церковь поддерживает свой внутренний порядок и права, оставался совершенно неизвестным и чуждым земной власти, как поведал об этом Христос: «князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так». Что же произошло, когда церковное имущество более не было свободным в руках Церкви, но поработилось под игом земной власти? Случилось то, что должно было произойти: светская власть применила силу, ибо ничего другого она не имела и не знала, и поэтому совершенно была уверенной, что тем самым оказывает небывалое благодеяние духовенству, *et qui potestatem habent super eos, benefici vocantur*.

139. Определенно было справедливым и не перечило ни евангельскому ни церковному духу то, что собственность, уже приобретенная Церковью благодаря естественным пожертвованиям, подобно всем другим видам собственности была бы защищена силой светской власти, ибо после принесения в дар имущество обретает природу строгой законности. Но применение силы оскорбляет древнее установление, ибо речь идет о принуждении верующих к дарам и приношениям, как это происходит в случае десятины, первых доходов и других подобных поборов. Но первичная непринужденная природа этих деяний не могла исчезнуть по причине укоренившегося обычая, ибо последний был лишь одним из многих юридических софизмов, притязающих превратить непосредственного дарителя в должника только потому, что тот уже в течение долгого времени продолжал дарить.

140. Эта первая степень порабощения, которой были подчинены непосредственные пожертвования, уменьшала братскую любовь между жертвующими мирянами и духовенством, которые более не были соединены сладостными узами благодетеля и получившего благодеяние, а вернее, узами взаимных благодеяний, ибо одни отдавали телесное, а другие — духовное, согласно апостольскому слову: *Si nos vobis spiritualia seminavimus, magnum est si nos carnalia vestra metamus?* Эти первичные и естественные отношения были заменены холодными и ненавистными отношениями должника и кредитора, которые, с одной стороны, отнимали у даяния достоинство и сладость, а с другой — лишали принимающего чувства благодарности. Духовенство, уверенное в своем будущем, уже не могло испытывать уменьшение и увеличение пожертвований в зависимости от собственных трудов.

141. Но еще более жестокой степенью порабощения было смешивание свободных и свободно приобретенных Церковью благ с феодальным имуществом, которое поглотило все остальное и создало мнение, будто все имение Церкви принадлежит сеньору феодалу, которому служили люди Церкви. Доказательство этого порабощения церковного имущества обозначилось и в тогдашней речи, ибо поместные Церкви назывались *мертвыми руками*, что означало сословие слуг, и этот ненавистный термин так никогда и не изжился. Это злое семя, после того, как принесло самые ядовитые плоды в среде духовенства, способствовало нынешнему разграблению Церкви, и сам торжественный декрет от 2 - 4 ноября 1789 года, которым Национальное собрание Франции объявило всеобщую собственность на церковное имущество, воплотив, таким образом, в Революцию, совершенную от имени культуры, наследие и остатки феодализма.

142. Вторым установлением, предохранявшим Церковь от растряпанности, которое сами по себе могли вызвать земные блага, было то, что «этими благами должно было обладать, пользоваться и распоряжаться сообща». Так, первые верующие слагали к ногам апостолов цену, полученную за проданные дома и земельные участки, которая потом распределялась между верными в зависимости от необходимости каждого, *pro ut cuique opus erat*. Какая же была братская любовь в те времена между верующими, какое было единение, какая общность имущества между

народом и духовенством! «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все было у них общее». Сладостное зрелище, представленное этим доселе невиданным в Александрии братством, побудило Филона, хоть и был он иудеем, написать хвалебную книгу. К этому братству как к самому прекрасному виду евангельского блаженства вечно стремились и христианские святые: из истории известно, как желал Иоанн Златоуст ввести его среди своей константинопольской паствы. Подобное же братство составляло совершенство самых прекрасных времен из истории Рима, как о том повествует Тит Ливий, говоря, что личное имущество было малым, а общее большим.

143. Это установление долго сохранялось в духовенстве. Хранителями церковного имущества были епископы, преемники апостолов, которые распределяли, в большинстве случаев ежемесячно, все, что было необходимо для духовенства, работающего под их началом на евангельской ниве. Ни один не имел ничего в личной собственности. Когда Константин в 321 году позволил составлять завещания и делать пожертвования в пользу Церкви, он выразился так: «Пусть каждый имеет позволение, умирая, оставить угодное ему имущество святейшему всеобщему и честному Собранию вселенской Церкви».

Позднее Церковью было также запрещено предоставлять какому-нибудь духовному лицу некоторую долю имущества, отделив ее от общей массы, как это показывает рескрипт V века, приписываемый святому Папе Геласию. Это служило лучшему сохранению и распределению церковных благ. Этим же церковным духом был продиктован закон Валентиниана, запрещающий оставлять наследство отдельным лицам из епархиального или монастырского духовенства, закон, о котором не сетовали святые люди того времени, как Амвросий и Иероним, но скорее сокрушались о клириках, к собственному позору заслуживших такой закон. «Я не жалею, — говорит Иероним, — на закон, я скорблю о том, что мы его заслужили. Прижигание было сделано великолепно, но почему же я ранен так тяжело, что имею нужду в прижигании? Пусть Церковь будет наследницей, но так же и матерью своих чад; пусть будет наследницей своей паствы та, которая ее породила, вскормила и пасла. Почему мы должны вставать между матерью и ее чадами?» Тем самым святой не пожелал, чтобы отдельные клирики и монахи встали бы между Церковью, хранящей благочестивые приношения, и ее чадами, между которыми она, согласно нуждам каждого, распределяла свои блага. Это единство общего имущества, которым с мудростью и любовью распоряжались епископы, следуя советам духовенства, несказанно способствовало сохранению здоровейшего единства духовенства в себе самом, и единства его с народом.

144. Но с постепенным распространением Евангелия по небольшим городам (*paghi*), стало целесообразно учреждать церкви в далеких от кафедр селениях, что вызвало необходимость выделения особого фонда каждой из этих церквей. Это вначале допускалось в виде исключения, подобно тому, как и монастырям, заслуженным клирикам и паломникам были выделены определенные фонды для временного употребления, названные *прекариями*, как это становится ясным из распоряжения Папы Симмаха в VI веке. Но содержание, распределение и использование церковного имущества постепенно теряло первичное единство вплоть до рассеяния на единичные благодеяния из рук в руки, так что распалась и общность жизни духовенства, настолько желанная для Церкви, что та частыми законами и каноническими распоряжениями многократно пыталась восстановить ее, но, в конце концов, не смогла сохранить. И какая же нечестивая причина помешала этому, если опять же не варварская система феодализма?

145. Феодализм подразумевает личное рабство, и по одной этой причине он ненавистен церковному характеру, основанному на свободе. Но кроме этого, само имущество феодала не только порабощается, но и воспринимает некое особенное рабство, — следствие личного рабства тому, кто пользуется богатством. Это было новой причиной внутреннего противоречия феодализма с духом Церкви и церковными условиями. Действительно, в божественной конституции, которую Христос оставил своей Церкви, личность Его служителей исчезает, они более не представляют самих себя, но Церковь. Всегда все тело Церкви действует посредством их и благодаря всемогуществу ее Главы присутствует во всех их функциях. Органы не обладают личностью более чем ею может обладать нога, рука, или иной член человеческого тела. Стало быть, основой для этой удивительной конституции служит совершенное мистическое единство. И как если бы члены человеческого тела пожелали каждый стать отдельной личностью, вследствие чего тело потеряло бы свою естественную красоту и порядок, превратившись в чудовище, или, скорее, не смогло бы более существовать, то так же можно сказать и о Церкви. Но именно так и попыталась поступить с Церковью феодальная система, поскольку каждый вассал может представлять лишь себя самого и лицо, которому он служит, а с ним и его имущество. И

поэтому предмет и предназначение этой вассальной службы земному владыке по сущности своей являются земными и светскими. Пока речь шла о свободных богатствах, они могли иметь духовное значение, каковое и имели всегда свободные церковные блага, ибо достигались и распределялись в духе и обычаях братской любви: благодаря им содержали себя священнослужители и питалось богослужение, руки бедных, вдов, прокаженных, рабов, паломников и всех убогих служили драгоценными сокровищницами, куда Церковь полагала свои богатства на безопасном расстоянии от человеческой алчности. Поступая таким образом, мать верующих не выходила за пределы церковного служения, которое является также и служением материнской любви и христианского милосердия. Но вассал и слуга, который должен думать о том, как угодить своему хозяину, и этой цели должен подчинить свое достояние, имеет уже иную цель, существенно отличающуюся от первой и более не церковную: он более не есть *bonus miles Christi Jesu*, ибо вовлечен в житейские дела вопреки апостольскому предписанию; в нем более не проявляется одна лишь Церковь, но лишь отдельный человек, такой же, как все остальные, придворный, который, служа интересам и чести своего господина, должен поддерживать придворный стиль, употреблять роскошь и пышность в своем поведении, возможно также, встать во главе вооруженных людей — одним словом — быть графом или бароном для себя и для господина, а не епископом и прелатом для своей Церкви и своего народа, неотделимого от него.

146. Это великое и противоестественное превращение людей Церкви запечатлело в сознании средневековых епископов концепцию их *индивидуальности*, ослабив тем самым концепцию единства корпуса епископов и духовенства, разорвав связи, которые так укрепляли и прославляли тело Церкви во Христе для того, чтобы совершать благие дела в лучшие для нее времена. Это превращение разделило диоцезы наподобие княжеств и государств, и, наконец, разделило и раздробило и церковное имущество, которое своим единством или разделенностью представляет следствие, а отчасти составляет причину нравственного единства или разделенности человеческих личностей. Церковное имущество настолько раздробилось, что почти целиком стало управляемо отдельными духовными лицами: отсюда происходит философское начало бенефиций, на которое указывает само слово, представляющее собой термин из феодального словаря, ибо *бенефицией* сперва называлась земля, которую феодал предоставлял во владение своим придворным и приживальщикам в награду за службу.

147. Следует отметить, что когда идея или форма глубоко запечатлевается в уме и в воображении людей и утверждается там, то она становится нормой и образцом. С этим образцом согласуются все остальные мысли и способы действовать, которые могут воспринять в себя эту форму, а те, которые не могут, подчиняются ему и скапливаются, как рабы вокруг хозяина. В первые времена церковной истории великой идеей, запечатленной во всех христианских умах, была идея единства, и поэтому в мыслях и словах верующих и духовенства, в церковных постановлениях, во взаимных действиях, в распоряжении и распределении имущества светилось и господствовало единство во Христе. Феодализм же основывался на совершенно противоположной идее, то есть на идее разделения, которая происходит из понятия *индивидуальности*, происходящей, в свою очередь, из идеи *господства*. Такая система утвердилась в земном порядке вещей, и постепенно запечатлела в умах духовенства свою основную идею, а отсюда проистекли и невзгоды Церкви.

148. Для варваров, завоевавших Европу, нормой была идея силы, насилия, личной смелости, господства. Церковь постепенно ввела в их грубые умы присущую ей противоположную идею. Отсюда происходит борьба двух идей. И когда друг другу противостоят два общества, одержимые противоположными идеями, то они отчасти борются открыто, и каждая применяет присущие ей средства, отчасти же пытаются примириться и слиться между собой, так чтобы одна идея подпала под власть другой, хоть всегда и сохраняют скрытое противостояние, согласное их природе. Случилось так, что варварское правление, отчасти горделиво подавляло Церковь, пытаясь поработить и привести ее в совершенное соответствие с его властным, насильственным, индивидуальным и материальным сознанием; а отчасти почти незаметно для себя получало противоположную идею Церкви, исполненную служения, нравственности, единства и духа. Отсюда происходит их двусмысленное и противоречивое поведение, в которое вотканы как действия великого благодеяния и милосердия к Церкви, так и нечестивые и деспотические поступки, так вредящие ей, в зависимости от того, подчинялись ли они природной для них идее, или той, которую получили благодаря служению Церкви. Подобным образом обстояли дела и с духовенством, которое отчасти обучило и укротило жестоких, евангельскими словами внедряя в их умы собственную идею единства и любви, отчасти же уязвилось в этой великой борьбе, усвоило противоположную идею, и в поведении духовенства также стало наблюдаться противоречие между великими святыми примерами, силившимися сохранить единство во

Христе, и нечестивыми беспорядками, трусливой снисходительностью, единоличными склонностями, которые раздробляли христианское единство и церковную общность. Поэтому борьба двух идей и противоречия действий как в светских, так и в церковных структурах представляют собой природный характер средневековья: одно это способно объяснить все события той эпохи и, в особенности, столкновения между империей и Церковью. Поскольку Церковь не может погибнуть, а ее основная идея не может совершенно разрушиться, ибо прейдут небо и земля, но не слово Христово, то всякий раз, когда среди духовенства, почти колебля его существование, внедрялась и утверждалась противоположная Церкви идея светского насильственного господства и разделения, то Церковь восставала, подобная пробуждающемуся великану, и с новой и небывалой еще силой опрокидывала наземь своего врага, изгоняла его из своих пределов и восстанавливала в себе самой и в своих служителях ту идею, на которой она зиждется.

149. Все это объясняет невзгоды, выпавшие на долю церковного имущества. Средневековые государи, поступающие согласно идее индивидуализма и господства, не только считали феодальными свободные владения Церкви, но захватывали их, распоряжались ими, как своей собственностью, распределяли их между мирянами, отдавали их в чужое пользование. Такая узурпация вызывала широкие разногласия между государством и Церковью, которая боролась с этим злоупотреблением посредством соборных правил, папских законов и канонических наказаний.

Наиболее связанная с государем часть прелатов, в которых идея индивидуальности была укоренена вместе с феодализмом, действуя согласно этой идее, распорядилась церковным имуществом, как со своим собственным. Забывая общность имущества, они исказили его, сделали его феодальным, раздали его светским лицам, растратили его на богатства, роскошь и земные удовольствия, на содержание вооруженных дружин и на насилие, которому Церковь противилась бесчисленными правилами и законами. Таким образом, распоряжение и распределение церковного имущества все более и более сковывалось, а низшее духовенство становилось все более и более разъединенным от прелатов, и все более нуждалось в защите со стороны Церкви от произвола и жестокости епископов посредством многократных и подробных распоряжений. Это и есть причина частых войн, происходящих и сегодня, между Капитулами и епископами, а также жесткого прикрепления приходских священников к местам, которое отнимает у прелатов значительную часть власти излечивать соблазны и духовные шатания людей.

150. Но поскольку божественный Творец Церкви не желал, чтобы исчез принцип общности церковного имущества не только в смысле их владения, но и в смысле распоряжения и пользования ими, Он восстановил и преумножил в те времена монашество и религиозные ордена, которые сделали явным и публичным исповедание спасительного принципа, а ведомые этим неистребимым христианским инстинктом верующие с того времени проявляли склонность приносить их пожертвования и дары скорее черному духовенству, которое строго придерживалось древнего установления. Поэтому когда III Латеранский собор повелел возвращение неправедно изъятой десятины мирянам, последние в большинстве своем передали ее монастырям, а не церквам, которым принадлежали, на что вскоре последовало разрешение со стороны великого понтифика, который, однако, считал необходимым согласие епископа.

151. Третье и драгоценнейшее установление древности состояло в следующем: «духовенство не должно применять церковное имущество иначе как на чистую необходимость поддержать собственное существование, употребляя избыток на благотворительные дела, в особенности же, на облегчение состояния нуждающихся». Христос основал апостольство на бедности и на полном доверии Божественному Провидению, которое побуждало верующих к содержанию их проповедников и крестителей. Он Сам дал тому величайший пример: «лисицы имеют норы и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где преклонить голову». Такое условие предъявлял Он тем, кто хотел следовать Ему. И Петр оставил свои бедняцкие сети, чтобы следовать своему неимущему Учителю. И собрание апостолов имело свою кассу, в которой собирались пожертвования верующих, но она полностью была общей, составляя пример тому, как должна была поступать Церковь, и как она поступала впоследствии. Когда хромым просил милостыни, Петр мог сказать ему: «*Argentum et aurum non est mihi*». Но нуждающийся был обеспечен со стороны апостолов правом жить в домах верующих, которые его принимали, а принимая, получали больше, чем отдавали. Апостол Павел сообщал своему ученику Тимофею: «великое приобретение — быть благочестивым и довольным. Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем». Таким образом, принятие духовного сана в прекрасные времена церковной истории означало

исповедание евангельского нестяжания. В те времена термин «секулярное духовенство» еще не был изобретен. Он появился только при упадке древней дисциплины, когда показалось, что и секулярный мир имеет свое духовенство. Долго продолжалось исповедание бедности, этого украшения священнического служения, которой вновь приходящие жертвовали всем своим достоянием, распределяя его между бедными. Ибо, как говорит Исидор Пелузский, *tum voluntaria paupertate gloriabuntur*. Этим целомудренным и бескорыстным людям как хранителям имени нуждающихся доверялось распоряжение церковным имуществом и его распределение. Юлиан Померий, после того, как привел пример двух великих епископов — Павлина Нольского и Илария Арльского — которые, будучи весьма состоятельными, стали впоследствии бедняками Христа, заключает следующим образом: «отсюда можно понять, что такие люди (которые ради ученичества Христова отказались от всей своей собственности), сознающие, что церковное имущество ничто иное, как обеты верных, удовлетворение за грехи, наследство бедных, не сохраняли его для собственного частного применения, как если бы оно было их собственным, но как лишь доверенное им благо разделяли его между бедными. Все, что имеет Церковь, она имеет сообща с неимущими, а потому она ничего не должна давать тем, у кого достаточно своей собственности, ибо давать уже имеющим означает лишь расточать». Поэтому духовенство брало себе из общей массы имущества все, что необходимо было для существования, подобно тем, кто причислял себя к числу бедных, которым и принадлежала эта масса. Так, епископ был первым из бедных, и раздавая бедным имущество, было справедливым, чтобы он выделял определенную долю и себе, и низшему духовенству. Это благороднейшее установление настолько было запечатлено в душах людей, что считалось неподобающим, если священник сохранял собственность и жил бы от Церкви. Казалось, что он, не будучи неимущим, не имел на то права, а лишал других нуждающихся их доли. Это было осознано и упоминается уже цитированным писателем V века, который между прочим говорит так: «Те, кто, имея собственность, хотят, чтобы им было дано что-то еще, не без тяжкого греха получают то, чем должен был пользоваться бедняк. Конечно же о клириках говорит Святой Дух: «они едят грехи народа моего». Поскольку же те, кто не имеет собственность, получают не грехи, а пропитание, нужду в коем явно обнаруживают, так и владеющие получают не пропитание, которым располагают в изобилии, а принимают на себя грехи других. Так же и бедные, способные прожить собственными трудами и искусством, не должны притязать на обладание тем, что предназначено слабому и неимущему. Поэтому Церковь, если все, даже совершенно в том не нуждающиеся, будут получать от нее, то, что она может поставлять не имеющим никакого утешения, то отягченная этим, она не сможет помогать тем, кому должна. Те, которые служат Церкви, слишком плотски о ней думают, если надеются получать земное жалованье, а не небесную награду. Ибо если какому-либо служителю не на что жить, Церковь не дает ему награды, а наделяет необходимым, чтобы в будущем он получил награду за труды, которую уже в этой жизни, согласно обетованию Господнему, с уверенностью ожидает. Что касается тех, кто, обладая собственностью, живут за счет Церкви, то не мне судить о том, какой грех они совершают, отнимая пищу у бедных. Они вместо того, чтобы помогать Церкви их имением, отягчают ее своей зависимостью, как если бы жили они в общине с целью уклониться от заботы от нескольких бедных, от принятия у себя странников, с целью не уменьшать собственного состояния из-за ежедневных расходов».

152. Злоупотребления этим великодушным установлением до средних веков могли быть лишь частичными, ибо происходили от людей, а не от самого церковного достоинства, которое по собственной природе от них отвращалось. Но как же могла сохраняться в действии само установление, когда церковное имущество, потеряв свою первичную природу, стало феодальным, а наиболее выдающиеся церковники — феодалами? С того времени распределение имущества обрело другой закон и другое направление: имущество, вместо того, чтобы течь вниз, в руки неимущих, остановилось, или стало течь вверх, в руки сеньора. Изначальная идея исчезла вовсе, или во многом стала бесполезной. На смену ей пришла идея абсолютной собственности? святые хранилища были разграблены.

153. Также и раздробление общей массы имущества на бенефиции, выделенные единичным духовным лицам, с одной стороны ущемило интересы клириков, которым епископ давал несоизмеримую с их трудами и заслугами долю, так что те уже не имели человеческого стимула для совершения их священного долга, и, таким образом, они откололись от епископа, став независимыми от него в смысле своих доходов; с другой же, прекратился светлый пример публичного поддержания Церковью неимущих, а с исчезновением материальной помощи ослабело и их духовное окормление. Ведь Церковь в те времена брала на себя заботу о совокупности неимущих, которых считала своим телом, непрерывно общаясь с ними, и одно

только это пастырское общение было уже обучением, стимулом к благодарности, которую бедные начинали познавать, вдвойне любя и почитая Церковь, как мать. Здесь снова надо упомянуть и о секуляризации благотворительности, ибо в ущерб духовенству она была заменена разделенными между собой благотворительными учреждениями, в которых постепенно взяли верх светские лица, в чем, однако же, благодаря Провидению было то преимущество, что многие христиане горячо принялись за исполнение этого святого долга. Но был и недостаток, ибо поскольку эти дела более не были проникнуты церковным духом и мудростью, они очеловечились, потеряли божественный характер, который возвышал их и направлял на спасение душ. Таковым было древнее происхождение современной филантропии. Это потерянное благо, однако, будет вновь обретено, стоит только духовенству вновь станет щедрым и великодушным. Поэтому в то желанное время (которое, кажется, приближается) миряне не захотят больше отделяться от духовенства, отделенные от которого они теряют всякое духовное разумение и бесплодно прозябают среди материальных вещей. Тогда сотрудничество с духовенством, обретенное мирянами, будет весьма полезным и ценным, когда миряне и клирики, прекратив всякую разобщенность вновь станут единым Телом Христовым, равно как единое тело составляют и члены с главой. Следовательно, разделение бенефиций воспрепятствовало непосредственному потоку церковных благ в руки нуждающимся, ибо долг подавать милостыню разделился между обладателями бенефиций, выйдя из под надзора и мудрого распоряжения епископов. Бедные более не составляли, как прежде, единого священного тела, отданного заботе Церкви.

154. Четвертое установление, которое регулировало церковное имущество, и препятствовало нарушению целостности духовенства, состояло в том, чтобы «это имущество не только должно было служить благочестивым и милосердным целям, чтобы избежать в его распределении произвола и вожделения, но и должно было предназначаться для постоянного и четко определенного применения». Коль скоро церковное имущество умножилось, и злоупотребления им начали расти, хоть и оставались еще случайными и частичными, Церковь предусмотрительно пожелала, чтобы церковному имени было обозначено строго определенное применение, откуда и происходит его древнее деление на четыре части: одна часть предназначалась епископу, другая — низшему духовенству, третья — бедным, четвертая шла на строительство церквей и поддержание богослужения. Агдский собор 506 года и Орлеанский 511 года предписывали это деление, основываясь на более древних церковных постановлениях. Григорий Великий упоминает о нем во многих своих посланиях. И действительно, ничего не имелось более целесообразного, чтобы искоренить коррупцию, к которой может привести богатство, чтобы законным путем точно определить способы распределения этого богатства: ибо злоупотребление неизбежно, если большое имущество останется в произвольном употреблении того, кому оно доверено. Именно этой причине должно приписать растление и разрушение многих монастырей, которые владели несметными богатствами, но не располагали удовлетворительным законодательством, чтобы определить его основное применение. Потому и тратили их аббаты и другие начальники по собственному произволу.

155. Но когда феодализм вошел в алтарь, как же было возможно сохранить это святое распределение? Имущество скоплялось, в руках родовитых семей, в руках немногих, чтобы удовлетворить интересам сеньора, или, вернее, той свирепой аристократии, к которой сводится феодализм. Светская власть основывалась на этом накоплении, а значит она отвергала разделение благ, справедливое, милосердное и братское их распределение. Учреждение бенефиций стало необходимым для обеспечения пропитания наиболее слабой части духовенства, которая иначе вымерла бы от голода и бедности, если бы не была таким образом спасена от захватнической алчности крупных сеньоров, между которыми значились и епископы. Эти последние уже не причислялись к народу, как это было в первые времена (ибо древние епископы, хоть и принадлежали порой к богатейшим и благороднейшим семьям, становясь епископами сливались с народом, исповедуя его бедность): они уже принадлежали к грабительскому и господствующему классу аристократов. С этих пор злоупотребление превращается в закон: церковные правила были затуманены несметными тучами слов, если только не разрушены насилием и открытыми нападками. Деление на четыре части церковного имущества, четкое распределение церковных доходов уже было невозможно: древнее установление разбилось о практику, а вместе с ним и его дух.

156. «дух щедрости, легко давать, трудно принимать», — таковым было пятое установление, посредством которого Церковь защищалась от опасности богатства в века, предшествующие феодализму. Церковь глубоко в себе запечатлела благородные и неслыханные дотоле слова Христа: «блаженнее давать, нежели принимать». Эта проповедь распространяется как

благовествование по порабощенному эгоизмом миру, она светила во всех его действиях. Епископы считали земные богатства и распоряжение ими тяжким бременем, они терпели их побуждаемые одним лишь милосердием, ибо пока не было законов, которые невероятно затруднили бы злоупотребление полученными благами, ибо блага принимались с великой умеренностью, а раздавались с великой щедростью. Св. Амвросий отвергал дары и наследства, если знал, что они наносили ущерб бедным родственникам дающего. «Non quaerit, — писал он, — donum Deus de fame parentum». И добавлял: «misericordia a domestico progredi debet pietatis officio». Тогда Церковь могла еще поступать так, ибо ее дух был свободным и не был связан тысячей пут и, в особенности, покровительством, как его называют, светских начальников. Ибо итог этого порабощения Церкви внешней силой таков, что ей воспрещаются великодушные деяния, так часто производимые древними епископами, от чего она сама наполнялась сиянием. Я уже коснулся Аврелия и Августина и их чувств по этому поводу. В одной из проповедей, произнесенных перед народом великим отцом Иппоны, он защищался от распространявшегося тогда слуха: episcopus Augustinus de bonitate sua donat totum, non suscipit (какое прекрасное обвинение!), из-за которого он жаловался, по причине этой великодушной щедрости святейшего епископа, никто больше не сделал бы пожертвований в пользу Иппонской Церкви, никто не оставил бы ей наследства. Поссидий, в написанном им житии Августина, повествует: что святой епископ вернул имение одному знатному иппонцу, который несколькими годами раньше завещал его Церкви, но затем пожалел об этом и попросил возвратить ему отданное ради его сына. Святой Августин вернул имение бывшему владельцу, отказавшись даже от денежной суммы, пожертвованной тем в пользу бедных, но не преминув указать на греховность его требования. Поссидий рассказывает также, что когда Августин заметил, что кое-кто из низшего духовенства завидовал епископу, в руках которого находились все владения Церкви, то по обычаю отдал подробный отчет народу, объяснив, что «он бы предпочел жить за счет пожертвований народа, чем страдать от заботы об имуществе, ибо он был готов уступить эти богатства им, чтобы все рабы и служители Божии жили так, как об этом можно прочесть в Ветхом Завете о жизни служителей алтаря. Но миряне не пожелали позволить ему это».

157. Святой Иоанн Златоуст, говоря перед своей паствой, объясняет причину того, почему Церковь не продолжила жить на случайные приношения верующих, но приняла также и пожертвования постоянного имущества. Он говорит, что духовенство вынуждено было допустить это не для себя, но ради необходимости заботиться о бедных, поскольку среди верных уменьшилось рвение первичной благотворительности. «По причине вашей скупости, — говорит он, — Церковь вынуждена иметь то, чем она ныне обладает. Ибо если все делалось бы в согласии с апостольскими правилами, ее доходом был бы ваш дух, и было бы это надежным кладом, и неисчерпаемым сокровищем. Но ныне, когда вы копите сокровища на земле, и все запираете в ваших кладовых, Церковь должна тратить на полки вдов, на хоры девственниц, на невзгоды странников, на страдания узников, на нужды калек и увечных, а также на другие причины такого же рода. Что же ей остается делать?».

158. Ныне кто же не станет сетовать на изменение, происшедшее за целые века разрушений и варварства, которые одни за другими следовали в Церкви, из-за коих духовенство, проникнутое таким высоким духом, такой добротой и милосердием, настолько противоречит себе самому и своей природе, что оказалось заклеяменным следующими стихами:

Те — клирики, с пробритым гуменцом;
Здесь встретишь папу, встретишь кардинала,
Не превзойденных ни одним скупцом.

Нужно рассмотреть две причины: с одной стороны, поступки варварских королей, а с другой, — те распоряжения, сделать которые была вынуждена Церковь ради собственной защиты во избежание худшего зла.

159. Поскольку феодализм, как мы уже видели, изменил и извратил природу церковного имущества, так что оно часто отдавалось во владение мирянам как государями, так и самими феодальными прелатами, Церковь должна была защититься от злоупотребления при помощи своих законов. Следовательно, ее законодательство стало принимать направление, совершенно противоположное древнему установлению, то есть это законодательство с тех пор взялось «по возможности облегчать Церкви приобретение и сохранение за собой земных богатств, чтобы труднее становилось их отчуждение». Законодатели, как правило, показываются с их законами там, где злоупотребление наиболее сильно, а в нашем случае оно было крайним. Но часто случается, что подвигнутые намерением препятствовать злоупотреблению, они делают и больше необходимого, или порой пропускают рассмотрение иных несоответствий, происходящих от того же законодательства, иных благ, которые оно запрещает, по причине чрезмерного ограничения

свободы. Наконец, случается, что это законодательство, направленное на искоренение злоупотребления, переживает уничтоженное злоупотребление и продолжает существовать среди человечества, связанного и принужденного законами, которые лишены смысла, некогда оправдывавшего их введение. В нашем случае было действительно величайшим злом то, что церковное имущество, уклонившись от его законного применения, перешло в профанное употребление, было отдано на службу светским целям, чем были преданы святыя намерения жертвующих. Но с другой стороны, было великим благом, что епископы, по совету их духовенства, могли по необходимости отказываться принимать пожертвования и наследства в пользу Церкви, могли без излишних трудностей и формальностей продавать владения и распределять их среди нуждающихся, благодаря чему Церковь приходила на помощь страдающему от множества зол человечеству. Церковь уже достаточно богата, если имеет сокровище братской любви и широко распространяет благотворительность: Церковь достаточно счастлива, если может сказать вместе со св. Амвросием: *Aurum Ecclesia habet, non ut servet, sed ut egeret, et subveniat in necessitatibus.* И какой же грустный смысл, какой вред самим интересам Церкви, какой соблазн содержится в мысли, в господствующем мнении, что духовенство имеет руки всегда открытые принимать и всегда закрытые для дарения? Действительно, представление, что все, входящее в Церковь, никогда более из нее не выходит, весьма печально: оно вызывает неуважение, зависть, убивает любовь среди верных, производит подозрение, будто в Церкви веками скапливаются богатства нужные семьям для жизни, торговле для процветания, государству для самозащиты, дает правительствам повод вмешиваться в распоряжение церковным имуществом, диктует непочтительные законы об их амортизации, заставляет народ все более ненавидеть отторгаться от духовенства и от Церкви, поощряет неверие, провоцирует злословие и клевету со стороны грешников, и, наконец, вооружает гнев множества или алчность правителей, чтобы насильем разрушить запертые кладовые и изъять золото, повергнуть заключенные двери алтаря и похитить сокровища. Я считаю намного более желанным и полезным для Божьей Церкви не давать никакого повода этим и другим несправедливостям, не накапливая в изобилии земных богатств, или препятствуя их пусть даже частичному и незначительному извращению и отчуждению.

160. Предупреждения, законы, наказания со стороны Церкви постепенно достигли укрощения варварских правителей и препятствовали растрачиванию ими церковного имущества. Но следует отметить, что светская власть не вредит одним только насильем и грабежом: намного более вредит она своей либеральностью, гражданскими законами, продиктованными мирским и профанным духом, которые направлены на заботу о Церкви и ее имуществе. Светское правительство не имеет чувства Церкви, и каждый раз, когда оно погружает руку в святилище, от его прикосновения охлаждается и гаснет дух. Карл Великий и Оттон I благоволили к Церкви: и все же несчастный дар феодалов (который был вызван не только преданностью к Церкви, но и политикой, которая желала одновременно поддержать мощь аристократов и подмять под себя власть епископов) стал роковой приманкой, которую заглотило духовенство. С тех пор земная власть все глубже проникала в Церковь, и ее милости и ласки, наконец, отняли у Церкви свободу, то есть воздух, которым она живет. Что же может земная власть, как не помогать Церкви при помощи грубой силы, единственного средства, которое ей присуще? Но ведь сила обладает природой, прямо противоположной духу Церкви: какое впечатление производит Церковь, изображенная с кандалами, путами, секирой в руках? Удручает взор. Какая это свирепая маска! Она отвергает от себя не только злых, но и добрых. Светская власть не знает и не соблюдает границ своего покровительства: привыкшая командовать она командует, пока может. Она не знает истинного блага Церкви, но притязает судить ее и измеряет это благо единственно по земным меркам. Светская власть распоряжается церковным имуществом так же, как и своим собственным. Не понимая, что церковное имущество совсем иной природы, она накапливает наибольшее возможное количество его, и разрешает лишь самые незначительные траты. Светская власть, если это ей нужно, обогащает Церковь, наделяет ее привилегиями и защищенностью, исключительным и чрезмерным покровительством, иногда против справедливости, нарушая гражданское равенство, и содействуя ее все более ненавистной народу, который в этих привилегиях не участвует. Таким образом, установление о легкости в дарении и трудности в принятии даров, изначально присущая Церкви, становится для нее невозможной, когда ее имущество более не свободно принадлежит ей, а порабощено светской властью.

161. Но не только в этом выказывала Церковь свою возвышенную природу, но также и в том, что «любила открыто и всенародно распределять свое имущество». В этом состоит шестое установление, осуществляемое Церковью в первые времена ее истории. Мы уже видели, что древние епископы сообщали все своему народу и своему духовенству. Так же поступали они в

том, что касалось земных богатств. Кроме этого, священники и диаконы, распорядившиеся церковным имением, согласно апостольской традиции, должны были пользоваться поддержкой и советом христианского народа: они должны были быть лицами известными, наделенными всеобщим и полным доверием. С какой чуткой сдержанностью предлагает апостол Павел коринфянам, чтобы те сами избрали тех, кто должен был понести собранную им милостыню нуждающимся Иерусалима! «В первый день недели каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает, сколько позволит ему состояние, чтобы не сделать сборов, когда я приду. Когда же приду, то которых вы выберете, тех отправлю с письмами, для доставления вашего подаяния в Иерусалим. А если прилично будет и мне отправиться, то они со мной пойдут». Он был епископом и апостолом, имел полную власть, и однако же, не хотел сам выбирать ответственных за несение милостыни, а оставил выбор за народом. *Omnia mihi licet, sed non omnia expediunt*. Может кто-либо усомнился бы в верности апостола? Нет, но этого не достаточно. В вопросе земных интересов святой человек как только возможно воздерживается от своего вмешательства; он сохраняет свою апостольскую власть для необходимых вещей, в остальном же предоставляет людям свободу: это естественное и справедливое удовлетворение для них, ибо и они могут сделать что-то доступное их взору, требующее усилий их разума, вовлекающее их в интерес у добру, принадлежащее труду их рук. Так, и св. Иоанн Златоуст не опасался отдать отчет своему народу в том, как он поступал с церковным имением: *sumus etiam parati vobis reddere rationem*. И таким же образом поступали все древние епископы.

162. Ясно, что одно лишь должное употребление церковного имущества не достаточно. И то, что в этом употреблении будет даваться отчет перед одними лишь правительствами, не принесет удовлетворения христианскому народу, которые исповедуются во всей своей жизни перед Церковью. Следовательно, Церкви принесло бы неоценимую пользу, если бы об определении с наибольшей возможной точностью применения всего имущества, которым обладают она и, в особенности, религиозные ордена, были бы изданы мудрые законы; каждому направлению применения была бы приписана соответствующая мера имущества — не слишком малая, и не избыточная; опубликовывался бы ежегодный отчет, чтобы перед всем миром с крайней ясностью предстали бы доходы и расходы, чтобы народное мнение смогло бы опереться на санкцию всеобщего уважения или порицания по поводу распоряжения церковным имуществом, и чтобы правительства были информированы, не требуя иных источников. Однако совершенно ясно, что лишено всякого смысла и всякой пользы, чтобы справедливость и милосердие, согласно которым действует Церковь в экономическом администрировании своего имущества, оставалась бы скрытой под сосудом, но желательнее, чтобы она воссияла, как светильник на подсвечнике. О, как же это примирило бы с ней души верующих! Какой урок, какой пример смогла бы она преподать этим всему миру! Только в этом случае слабость ее служителей, сдерживаемая общественным мнением, была бы далека от того, чтобы поддаться на человеческое искушение. Ибо человек, когда не может грешить в тайне, то не грешит, или, по крайней мере, не грешит долго. Эта счастливая необходимость, давать отчет в своих действиях перед сонмом верующих, более того, перед всем человеческим обществом, у многих пробудила бы совесть, спящую из-за недостатка достаточных стимулов, заставила бы почувствовать нужду в том, чтобы церковные места занимали только достойными людьми, одаренными совершенной и твердой справедливостью, истинным благочестием.

163. Наконец, укажу на седьмое и последнее установление: « церковным имуществом должна распорядиться сама Церковь со всей бдительностью и усердием ». Так всегда заповедовала Церковь тем, кому доверяла управление, заявляя, что эти богатства принадлежат Богу и бедным, и что будет святотатством, если какая-нибудь часть из него потеряется по вине нерадивости или лениности распорядителей. Это установление настолько важно, что если им пренебрегать, то у правительств появляется повод самим налагать руку на все, что еще более продолжает порабощение самой Церкви и ее имущества.

164. Истинно, что Церковь то гонимая, то подавленная, непрерывно борющаяся со светской властью, то враждебной, то дружественной, и, кроме того, всегда занятая тяжелой заботой о спасении человеческих душ, никогда не имела достаточно времени, чтобы в совершенстве распорядиться собственным имуществом, установить со всех сторон хорошо организованную и защищенную экономическую систему. Ибо если рассмотреть, сколько получила Церковь за различные века своего существования, и сколько потеряла из-за недостатка бдительности и изобретательной экономической распорядительности, то уже невозможно сказать, чем бы была Церковь, если ее имущество всегда бы находилось под бдительным и мудрым надзором ее служителей. Но сила человеческого духа ограничена, она никогда не доходит до возможности совершать два разнородных, хотя и связанных между собой, мероприятия одновременно:

духовная цель Церкви с необходимостью должна была поглотить все внимание, и никогда не могла в то же самое время быть равным образом следить за хорошим следованием материальной части, прежде чем ее дисциплинарное законодательство (то, что непосредственно касается спасения душ) не было бы полностью установленным, а опыт не доказал бы, что из пренебрежения материальной частью наносится неопределимый ущерб и части духовной. В том, что это и в самом начале было невозможным, меня убеждает пример Христа, терпевшего среди самих Своих апостолов неверного распорядителя, чтобы, как мне кажется, это служило свидетельством, что ничто не должно было отвлекать Его от духовного служения, даже опасность материального ущерба. На этом я заканчиваю замечая, что из всего приведенного рассуждения становится ясным, что когда Пасхалий II великодушно предложил отказаться от феодалов, этот великий человек положил секиру у корня злого растения, но эпоха была слишком сложной и неумеренной, чтобы принять подобное средство.

165. Этот труд, начатый в 1832 году и законченный в следующем, совершенно забытый, спал в письменном столе автора, ибо казалось, что времена не благоприятствовали обнаружению того, что он написал скорее для поддержания своего духа, отчаявшегося от тяжелого положения, в котором находилась Божия Церковь, и ни для чего иного. Но ныне (в 1846 году), когда невидимый Глава Церкви постановил на престоле Петра понтифика, который, как видно, должен обновить нашу эпоху и дать Церкви новый импульс, чтобы направить ее по новому пути, настолько непредвиденному, насколько дивному и славному, автор припоминает об этих заброшенных страницах, и более не колеблется доверить их рукам друзей, которые вместе с ним делили в прошлом скорбь, а в настоящем разделяют самые счастливые надежды.

Лук X, 5-7.

1 Кор IX, 4-15; 1 Тим V, 17-18.

Мф X, 14.

Там же, 15.

Деян V, 1-11.

1 Кор XVI, 2.

* [*Лк X, 7*]

1 Кор IX, 4.

Modicam unusquisque stipem menstrua die, vel cum celit, et si modo possit, apponit: nam nemo compellitur, sed sponte confert. Haec quasi deposita pietatis sunt. Apol. C. XXXIX.

См. Томассэн, * [L. Tomassin, *Vetus et nova Ecclesiae disciplina circa beneficia et beneficiarios*, Venturini, Lucca 1728 – Galantino 1997, p. 327]v. III, L. 1. C. XXIII, § 2.

Св. Иреней Лионский, *Adv. Haer.*, 1, IV, с. XXXIV * [PG 7, 1083-1086] – Ориген, *Hom. in XI Num.*, * [PG 12, 640-655] – Фрагмент из произведения св. Киприана *De unitate Ecclesiae*, с V * [PL 4, 535], где говорится, что «at hunc de patrimonio nec decimus damus» * [и все же из имущества не даем и десятой части], кажется следует воспринимать как упрек в адрес тех, кто не платил.

* [Томассэн, *op. cit.* v. III, L. 1, C. VII, § 12 – Galantino 1997, p. 327].

Например, на Втором Маконском * [Масон] соборе в 585 году.

Мф XX, 25-26; Лк XXII, 25-26.

* [Если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнем у вас телесное?] – *1 Кор IX, 11.*

«Колонат не мог называться для колонов собственностью, ибо колоны или крепостные назывались *мертвыми руками, ибо ничего не могли иметь в собственности*». Чибрарио, «О политической экономике в средние века», Кн. III, Гл. III * [Luigi Cibrario, *Dell'Economia politica del medio Evo*, libri 3 Torino 1839].

«В чем кто имел нужду» – Деян IV, 35.

Там же, 32.

Cod. de sacros Ecclesiis 1, 1.

* [Имеется в виду святой Геласий I, по происхождению африканец, был папой с 1. III. 492 по 21.XI. 496].

Gratianus, Caus. XII, q. II, c. XXIII – *nec cuiquam Clerico proportionem suam aliquid solum Ecclesiae putetis deputandum, ne per incuriam et negligentiam minuatur: sed omnis pensionis summam ex omnibus praediis rusticis urbanisque collectam ad Antistitem deferatis.*

L. Valentiniani 20. *De Episcopis et Clericis* lib XVI. Cod. Teod. Tit. 2 ad S. Damasum R. P. * [PL 13, 575s – Galantino 1997, p. 331].

Ер. *Ad Nepotianum* * [PL 22, 527ss] – Так же и святой Амвросий, ссылаясь на упомянутый закон Валентиниана, говорит: *quod ego non ut querar, sed ut sciant quid non querar, comprehendere, malo enim nos pecunia minore esse, quam gratia*. Немного позже он добавляет: «Имущество Церкви есть сбережения бедных. Пусть посчитают, сколько было дано помощи Церквами, сколько ими накормлено нуждающихся, сколько поддержки в пропитании было оказано бездомным». Ерр. Lib. 1, ер. XVII * [XVIII; PL 16, 1018].

* [Розмини употребляет здесь слово, происходящее от латинского *ragus* – сельская община, паг, область – от которого, в свою очередь происходит термин *raganus*, означающий одновременно прилагательное «сельский» и существительное «язычник». Кроме того, что подобное положение вещей указывает на преимущественно урбанистический характер раннего христианства, нужно отметить, что Розмини таким словоупотреблением еще сильнее подчеркивает положительный характер процесса распространения Евангелия в языческой среде].

Один современный автор наблюдает, что часть имущества в начале не отдавалась на пользование отдельным лицам, разве только там, где не существовало конгрегаций священников, “*car dans celles ici, – говорит он, – la vie commune maintint encore quelque temps l’ancien etat de choses*”, Walter, *Manuel de Droit Ecclesiastique* * [*de toutes les confessions chretiennes, traduit par A. de Roquemont*, Paris 1840], § 241, p. 323 – Galantino 1997, p.332.

Полезно было бы предоставить вниманию читателя это же самое понятие, выраженное словами писателя V века Юлиана Померия: *Nunc autem quod Christiani temporis Sacerdotes magis sustinent quam curant possessiones Ecclesiae, etiam in hoc, Deo serviunt: quia si Dei sunt ea quae conferitur Ecclesiae Dei opus agit, qui res Deo consecratas, non alicujus cupiditatis, sed fidelissimae dispensationis intentione non deserit. Quapropter possessiones quas oblatas a populo suscipiunt Sacerdotes, non sunt inter res mundi deputari credendae, sed Dei* (De vita Contemplativa 1. II, c. XI * [PL 59, 461], * [Юлиан Померий – африканский ритор; во время нашествия вандалов обосновался в Арле, где стал священником, а затем аббатом монастыря († 498). Среди его учеников был св. Цезарий – Galantino 1997, p. 333].

* [Добрый воином Иисуса Христа, – *лат*].

«Переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа. Никакой воин не связывает себя делами житейскими» – 2 Тим II, 3-4.

Мы сказали, что примирение двух идей – *индивидуалистической*, которая была присуща империи, и идеи *органического единства*, принадлежащей Церкви – по их природе невыполнимо, и что их любое временное перемирие и соединение может быть лишь кажущимся. Первая идея много раз брала верх настолько, что казалось, она должна была уничтожить свою противоположность, но Церковь в этих обстоятельствах с совершенно новой силой вновь утверждала ее и восстанавливала. Разве сможем мы, в таком случае, предполагать, что никогда не будет мира между двумя типами власти – светской и духовной? Пусть удалятся от нас подобные мрачные предчувствия: примирение возможно и осуществится, но под одним условием: светская власть должна изгнать из себя идею *индивидуальности*, которая является реликтом жестокого варварства и феодализма, и заново создать себя на основе присущей Церкви идеи, которая не может уничтожиться, то есть на основе идеи органического христианского единства людей. Таковым является единственно возможное примирение, но не двух *идей*, которые не могут сосуществовать, а двух порядков – земного и духовного – которые вполне допускают примирение между собой. Таким образом, земные государства должны совершенно преобразиться из *держав* в *гражданские общества*. После тысячелетней борьбы разве мы не видим, что уже близится и даже началось это желанное преобразование? Все европейское общество испытывает родовые муки. Изгнание из правительств идеи *господства*, которая нарушает мировой покой, есть великое дело, подготовленное Провидением столькими внутренними столкновениями в человечестве, которые приняли форму и внешний вид конфликтов между светской и церковной властью (хотя таковыми не являлись) на протяжении веков и даже в настоящее время тлеющих под золой до той поры, пока это дело не совершится окончательно.

Мф VIII, 20.

«Серебра и золота нет у меня» – *Деян III, 6-8.*

I Тим VI, 6-8.

Юлиан Померий пишет об этом весьма ясно: *itaque Sacerdos, cui dispensationis cura commissa est, non solum sine cupiditate, sed etiam cum laude pietatis, accipit a populo dispensanda et fideliter dispensat accepta; qui omnia sua, aut pauperibus distribuit, aut Ecclesiae rebus adjungit, et se in numero pauperum, paupertatis amore, constituit; ita ut unde pauperibus subministrat, inde et ipse tamquam pauper voluntarius vivat. (De vita contemplativa 1, II, c. XI, * [PL 59, 455].*

* [*Прославлялись добровольной бедностью*. Исидор Пелузский, монах и эгзегет, впоследствии настоятель монастыря в Пелузии – городка на восточном берегу вблизи устья Нила. Умер около 449 года, оставил эпистолярное наследие в более чем 2000 писем. Розмини цитирует письмо адресованное епископу Леонтию (PG 78, 1338) – Galantino, 1997 p. 338].

De Vita Contemplativa 1, II, c. IX * [PL 59, 454], где заслуживает особого рассмотрения следующая фраза: *quod habet Ecclesia cum omnibus nihil habentibus habet commune, ** [все, что ни имеет Церковь, она имеет совместно с неимущими], ибо доказывает, что в те времена церковное имущество было не в личном, а в общественном пользовании.

Это установление записано также и в Декрете Грациана (*Can XII, Q. II, c. XXII*).

И поэтому, согласно этим чувствам, насколько меньше означает термин бенефиция, напоминающий о произвольном даре земногогоподина своему подданному.

Юлиан Померий, *De Vita Contemplativa 1, II, c. X * [PL 59, 454s]*.

Это становится ясным от св. Киприана, который чтецам Целерину и Аврелию выделяет долю равную той, что причиталась священникам.

В Испании доля нуждающихся соединялась с долями епископа и низшего духовенства, так что церковное имущество оставалось разделенным на три части.

Кажется вероятным, что не всегда надо понимать, будто церковное имущество разделялось на четыре равные части, ибо относительная величина частей могла изменяться в зависимости от нужды.

Среди наиболее плачевных словесных иллюзий, а лучше сказать, настоящего обмана, надо отметить *комменды*. Для того, чтобы обойти закон, запрещавший накопление многих бенефиций одной личностью, эти бенефиции давались в качестве комменды, то есть лицу как бы доверялось распоряжаться ими. Это распоряжение над церковным имуществом, даже над монастырями и над епископствами, доверялось и светским лицам, которые вволю наслаждались его плодами. Как если бы некто, отдавая овцу в лапы волка, говорил, что доверяет ее заботам последнего! Все законодательство было извращено подобной нечестивой *ложью*.

Деян XX, 35.

«Господь мне свидетель, – пишет св. Августин в письме СХХVI, – что все обладание этим церковным имуществом, над которыми мы верим, что имеем власть, я лишь терплю, но никак не люблю, по причине служения, которым я обязан братской любви и страху Божьему: так что, если бы я могу обойтись без этого, кроме моего личного долга, то пожелал бы».

* [Serm. 355, *De vita et moribus clericorum suorum*; PL 39, 1571].

Человечество ущербно во все времена, но то, что мы хотим различать, является заблуждением частичным и отличным от того, которое стало всеобщим обычаем и стало разрушать само общество, упраздняя установления, на которых основывалось.

Поссидий, «Житие Августина» * [PL 32, 53].

* [PG 61, 180].

* [Данте Алигьери, *Ад*, VII, 46-48; перевод М. Лозинского. Розмини приводит только последнюю строчку данной терцины].

Великолепное учение св. Амвросия и других отцов о духе милосердия в Церкви, всегда готовой разбить священные сосуды, чтобы придти на помощь сосудам живым и искупленным кровью Христовой, записано в Корпусе канонического права.

Освобождение от налогов нужно рассматривать согласно двум разным периодам в развитии государств, ибо все современные европейские государства со времени их основания до наших дней совершенно изменились по своей природе. В первый период своей истории они были *Державами* (*Signorie*): в этот период все вклады подданных были личным делом правящего государя, который направлял государство по собственному произволу. Следовательно, наделяя общественным долгом тех, кого хотел, он тратил свое: так аристократы и клирики оказывались свободными от налогов. Но европейские государства постепенно изменились и превратились, благодаря скрытому действию христианства, в особенности же, влиянию пап, в настоящие *гражданские общества*. Здесь начинается вопрос: справедливо ли, чтобы в гражданском обществе церковное имущество было свободно от общественных обязанностей? На это следует ответить: если предположить, что это имущество не превышает меру необходимого для поддержания духовенства, и что избыток распределяется среди бедных, облегчение условий налогообложения Церкви не противоречит справедливости; но если речь идет об имуществе, превосходящем необходимость, или оно более не применяется согласно древнему обычаю благотворительности, то справедливо, если духовенство будет платить, как все остальные. В любом случае, такое положение дел наиболее достойно и полезно для самой Церкви. Чтобы узаконить отчуждение церковного имущества, более требуемого умножилось число формальностей, необходимых для законного отчуждения частной собственности. В противоположность этому, чтобы препятствовать завещанию в пользу Церкви, уменьшились формальности, необходимые для всех других завещаний. Было ли это справедливым?

Вспомним избрание первых диаконов. Апостолы собирают множество учеников и говорят к ним так: «» (Деян VI, 2-3). Они дают возможность большинству, чтоб оно избрало, согласуясь со своим здравым смыслом. Они не сохраняют за собой права утверждать и приказывать. Это было наименьшим возможным применением полученной от Христа власти. Какое божественное благоразумие! Таковым должен быть обычай всех прелатов.

I Кор XVI, 2-4.

* [Все мне позволительно, но не все полезно] Ibid. VI, 12.

* [Мы готовы отдать вам отчет, – PG 61, 180. Текст несколько изменен, но смысл высказывания тот же. В этом месте XXI проповеди «О послании к Коринфянам» сказано: “imo parati sumus ad rationes vobis reddendas”].

Именной указатель

Аарон, брат Моисея, первосвященник, 141
Августин Аврелий, святой, 52, 72, 74, 172
Агапит I, папа, 98
Адальберт, епископ Бременский, 128
Адон, епископ Венский, 103
Адриан I, папа, 109
Адриан II, папа, 103
Аквила, епископ Александрийский, святой, 59
Александр II, папа, святой, 119
Александр Иерусалимский, святой, 52
Александр, епископ Александрийский, святой, 49
Альбин, епископ Усетский, 101
Амвросий Медиоланский, святой, 48, 110, 163, 172, 174
Анастасий, епископ Солунский, 96
Анаунские мученики, 72
Аннон, святой, 128
Ансельм, епископ кентерберийский, святой, 112
Ансельм, епископ Лукки, святой, 146
Аполлинарий Антиохийский, святой, 72
Арий, 49
Аристотель, 63
Астольф, король лангобардов, 80
Афанасий Александрийский, святой, 50, 97
Афанасий, епископ Солунский, 99
Бадиа Томмазо, богослов из Модены, 33
Беда Достопочтенный, святой, 62
Бенедикт XII, папа, 108
Бернард Клервосский, святой, 31, 62, 140, 141
Бонавентура из Баньяреджо, святой, 62
Бонифаций IX, папа, 108
Брунон Магдебургский, средневековый историк, 128
Брунон, средневековый историк, 127
Ваза, Густав, король Швеции, 90
Валентиниан, Римский император, 163
Валериан, епископ Аквилейский, святой, 71
Валерий, епископ Карфагенский, 52
Валерий, римский император, 50
Варнава, апостол, 94
Виктор III, папа, 133
Вильгельм I, король Англии, 112
Вильгельм II, король Англии, 88, 112

Гаэтано да Тьене, один из основателей ордена Театинцев, 32
Геласий I, папа, святой, 163
Геласий II, папа, 133
Генрих IV, Германский император, 78
Генрих VIII, король Англии, 90
Гераклий, епископ Александрийский, святой, 59
Гиберт, епископ Равенны, 127
Гильдебранд (Григорий VII), 78, 119
Гоффредо, Вендомский аббат, позже кардинал, 149
Григорий II, папа, святой, 102
Григорий IX, папа, 87, 134
Григорий VII, папа, 78, 119, 120, 121, 125, 127, 134, 135, 148
Григорий XIII, папа, 45
Григорий Великий или Двоеслов, папа, святой, 54, 100, 171
Григорий Назианзин или Богослов, святой, 66, 72, 89
Григорий Турский, святой, 100, 101, 111
Григорий Чудотворец, святой, 67
Дамасий, епископ Магнезийский, 52
Данте Алигьери, 37, 173
Деметрий, епископ Александрийский, 52
Деций, Римский император, 90
Джан Маттео, епископ Веронский, 33
Джироламо, епископ Бриндизский, 32
Дидим Слепой, раннехристианский деятель, 72
Диодор, епископ Тарсийский, святой, 71
Дионисий, епископ Александрийский, святой, 59
Дионисий, епископ Коринфский, святой, 72
Донат, папа, 80
Дюпен, депутат Французского парламента, 95
Еадмер, средневековый историк, 88
Евгений III, папа, блаженный, 31
Еводий, епископ Антиохийский, 51
Евсевий Кесарийский, раннехристианский историк, 51, 59, 71, 72
Екатерина Сиенская, святая, 31
Епифаний, Константинопольский патриарх, 98
Ерм, раннехристианский писатель, 51
Жак де Витри, средневековый церковный деятель, 65
Захария, папа, святой, 155
Иаков, апостол, 72
Игнатий Богоносец, епископ Антиохийский, святой, 51, 52, 72
Игнатий Лойола, святой, 45
Иероним, святой, 30, 52, 58, 67, 71, 72, 163
Иларий, епископ Арльский, 169
Илия, пророк, 119
Инкмар, епископ Реймский, 103, 107, 108, 114
Иннокентий III, папа, 108, 110
Иннокентий VIII, папа, 140
Инокентий II, папа, 140
Иоанн XXIII, антипапа, 86
Иоанн Златоуст, святой, 52, 71, 72, 110, 163, 172, 176
Иоанн Цимисхий, Византийский император, 113
Иоанн, апостол, 50, 54, 72
Иосиф II, 80
Ирней, епископ Лионский, святой, 50, 51, 52
Исидор Пелузский, раннехристианский деятель, 168
Иуда Искарот, 88
Иуда, апостол, 72
Каллист II, папа, 133, 145
Караффа, Джампиетро, кардинал, 32

Карл VII, король Франции, 108
Карл VIII, король Франции, 108
Карл Великий, 107, 109, 112, 155, 174
Карл Лысый, король Франции, 104, 114, 115
Карл Толстый, король Франции, 114
Карло Борromeo, святой, 61
Киприан, епископ Карфагенский, святой, 70, 73, 74, 90
Климент V, папа, 108
Климент VII, папа, 32
Климент Александрийский, раннехристианский писатель, 51, 59, 60, 62, 66, 67, 68
Климент Римский, папа, святой, 51, 72
Константин Великий, Римский император, 163
Константин Погонат, Византийский император, 100
Константин Ронкалья, средневековый историк, 101
Констанций, Римский император, 97
Контарини Гаспар, епископ Беллуно, 32
Кортезе, аббат монастыря святого Георгия в Венеции, 33
Котэн, епископ Аверны, 101, 111
Кристерн (Кристиан II Датский), 84
Кродеганг, святой, 61
Лаврентий, святой мученик, 50
Ламберт Скафнабургский, средневековый историк, 125
Ланфранк, епископ Кентерберийский, святой, 112
Лев I Великий, папа, святой, 96, 99
Лев II, папа, святой, 80
Лев X, папа, 32, 140
Леон Исавр, Византийский император, 102
Лотарий, император, 103
Людовик II, король Франции, 103
Людовик III, король Франции, 104, 107
Людовик IX, король Франции, 108
Людовик VII, король Франции, 140
Людовик XIV, король Франции, 155
Макрольф, средневековый историк, 113
Максим, епископ Селевкийский, 71
Мариан Скотт, средневековый историк, 119
Марк, евангелист, 51, 52
Маркольф, средневековый историк, 99, 111, 112
Мартин V, папа, 86
Мартин, епископ Турский, святой, 49
Мелетий, святой, 71
Меллерио Джакомо, граф, друг Розмини, 30
Менна, Константинопольский патриарх, 98
Местр, Жозеф Де, 122
Моисей, пророк, 89, 141
Наполеон Бонапарт, 140, 151
Натал, епископ Салонский, 100
Никифор Фока, византийский узурпатор, 113
Николай I, папа, святой, 102, 103
Николай II, папа, 127
Ньюмен Джон, святой, 45
Онисим, епископ Ефесский, 52
Ориген, 54, 67, 68, 95, 141
Ормизда, папа, 98
Орозий, ученик св. Авкустина, 72
Оттон I, 117, 174
Оттон IV, Германский император, 134
Павел III, папа, 32
Павел, апостол, 51, 54, 72, 91, 94, 110, 126, 160, 168, 175

Павлин, епископ Нольский, 169
Пантен, раннехристианский деятель, 51, 59
Пасхалий II, папа, 129, 131, 133, 146, 177
Пелагий II, папа, 54
Петр Хризолог, святой, 49
Петр, апостол, 54, 72, 88, 110, 160, 168
Пий I, папа, 51
Пий VI, папа, 46
Пий VII, папа, 151
Пипин Короткий, 155
Платон, 63
Пол Реджинальд, кардинал, 32
Полибий, епископ Траллианский, 52
Полиевкт, Константинопольский патриарх, 113
Поликарп, епископ Смирнский, святой, 50
Поссидий, раннехристианский писатель, 172
Пьер де ла Шартр, архиепископ Бурже, 139
Пьетро Леопольдо, великий герцог Тосканский, 80
Рабан Мавр, средневековый богослов, 62
Ричард I, король Англии, 113
Ришелье, кардинал, 89, 151, 155
Рудольф I. Германский император, 134
Рустик, епископ Нарбонский, 96
Садолето Якопо, гуманист, 32
Самсон, судья Израиля, 87
Сигизмунд, 86
Сикст II, папа, 50
Сикст III, папа, 49
Сильвестр II, папа, 114
Симмах, папа, 164
Симмах, папа, святой, 98
Симон волхв, 116, 119
Симплициан, епископ Миланский, святой, 72
Сократ, раннехристианский историк, 71
Сотир, папа, святой, 72
Теобальд, король франков, 101
Тит Ливий, римский историк, 163
Уго Флавинианский, средневековый историк, 127
Урбан II, папа, 133
Федерико, епископ Салернский, 32
Феодор, епископ Мопсуэстский, 71
Феоктист, епископ Кесарийский, 52
Филиппо Нери, святой, 45
Филон Александрийский, 163
Флавиан, епископ Антиохийский, 52
Флодоард, средневековый историк, 115
Флорин, гностик, 51
Фома Аквинский, святой, 63, 125, 126
Фридрих I, король Дании, 90
Фридрих II, Гогенштауфен, 87, 134
Фридрих III, 135
Фульберт Каргонезский, средневековый историк, 111
Фульберт, епископ Шартрский, 145
Хильдерик, король франков, 101
Хлодвиг II, король франков, 101
Хлотарь II, король франков, 101, 111
Хлотарь, король франков, 101
Хромаций, епископ Аквилейский, святой, 71
Целестин I, папа, 99

Эадмер, средневековый историк, 112
Эденульф, епископ Лейденский, 107, 108
Элефтерий, папа, 52
Эльмольд, средневековый историк, 115
Юлиан Отступник, Римский император, 126
Юлиан Померий, раннехристианский писатель, 168
Юлий I, папа, святой, 142
Юлий II, папа, 140
Юлий III, папа, 109
Юстин, Римский император, 98
Юстиниан, Византийский император, 100, 161